

июль – август
4 (90) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ**
- 6 ГРИНЕНКО Г. В.**
КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ
- 13 ГУБМАН Б. Л., АНУФРИЕВА К. В.**
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ
В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
- 21 САРАФ М. Я., САРАФ С. М.**
КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ В ЕДИНОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
- 29 ЕРМИШИН О. Т.**
ИСТОРИОСОФИЯ Л. П. КАРСАВИНА:
МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ КУЛЬТУРЫ И МЕТАФИЗИКОЙ
- 37 ЗАЦЕПИН А. В., ПОПОВ А. С.**
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАУК
ПО Н. И. КАРЕЕВУ
- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- 44 НЕЖЕНЕЦ Н. И.**
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ПУШКИНА:
СУДЬБЫ ГАРМОНИИ
- 54 ПОЛЯКОВА М. А.**
РУССКАЯ УСАДЬБА КАК ОБЪЕКТ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

60 БАРКОВ А. В.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ
МУЗЕЕВ РОССИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

71 МАРКОВ А. В.

ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ РЕМБРАНДТА КАК
ТРАНСМЕДИЙНЫЙ РЕСУРС РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

**КУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА
И СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ**

80 ЛИСЕНКОВА А. А.

INSTAGRAM КАК ЗЕРКАЛО ДЕМОНСТРАТИВНОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАЗДНОГО КЛАССА

87 ЯКОВЛЕВА Е. Л.

ГЛАМУРНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

98 ФУРСОВА Д. А.

DIGITAL-ДЕТИ: АНАЛИЗ МИФОВ
И РЕАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

107 НИКИТИН В. Ю.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ
ОБУЧЕНИЯ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

116 ГЛАЗКОВ М. Н.

РАЗРАБОТКА И ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СЕТИ
МАССОВЫХ БИБЛИОТЕК В СССР
(1964 ГОД – АПРЕЛЬ 1974 ГОДА)

128 МУРАШКО О. Ю., ФОМЕНКО И. Г.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПОСЕЛЕНЧЕСКИМИ БИБЛИОТЕКАМИ:
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

July – August
4 (90) 2019
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THE THEORY
OF CULTURE	6 GRINENKO GALINA V.	CULTURE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF SCIENCE
	13 GUBMAN BORIS L., ANUFRIEVA KARINA V.	HISTORICAL MEMORY AND HISTORY
IN THE CULTURE OF GLOBAL COMMUNITY
	21 SARAF MIKHAILYA., SARAF SVYATOSLAV M.	CULTURAL STRATUS IN UNITED CULTURAL SPACE
	29 ERMISHIN OLEG T.	HISTORIOSOPHY OF L. P. KARSAVIN:
BETWEEN CULTURAL HISTORY AND METAPHYSICS
	37 ZATSEPIN ALEKSEY V., POPOV ALEKSANR S.	TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION
OF SCIENCES BY N. I. KAREEV
ART CULTURE:
HISTORY AND
MODERNITY	44 NEZHENETS NIKOLAY I.	THE AESTHETIC PHENOMENON OF PUSHKIN:
THE FATE OF HARMONY
	54 POLYAKOVA MARTA A.	THE RUSSIAN COUNTRY-ESTATE AS AN OBJECT
FOR HISTORICAL AND CULTURAL RESEARCH

60 BARKOV ALEKSANDR V.

MILITARY MUSEUMS OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

71 MARKOV ALEXANDER V.

HERMITAGE COLLECTION OF REMBRANDT
AS A TRANSMEDIA RESOURCE
OF RUSSIAN CULTURE

**CULTURAL POLICY
AND MODERN
SOCIOCULTURAL
PRACTICES**

80 LISENKOVA ANASTASIYA A.

INSTAGRAM AS A MIRROR OF THE DEMONSTRATIVE
CONSUMPTION OF THE IDLE CLASS

87 YAKOVLEVA ELENA L.

GLAMOUS MELANCHOLY OF MODERNITY

98 FURSOVA DARYA A.

DIGITAL-CHILDREN: THE ANALYSIS OF MYTHS
AND REAL PROBLEMS

107 NIKITIN VADIM YU.

THE SPECIFICS OF THE USE OF DISTANCE
LEARNING IN THE CHOREOGRAPHIC ART

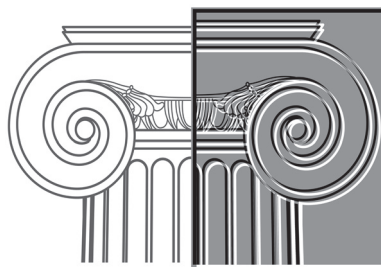
**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITY**

116 GLAZKOV MIKHAIL N.

THE DEVELOPMENT AND REALIZATION
OF MASS LIBRARY NETWORK CENTRALIZATION
POLITICS IN USSR (1964 – APRIL 1974)

128 MURASHKO OLGA YU., FOMENKO IRINA G.

STRATEGIC MANAGEMENT OF SETTLEMENT
LIBRARIES: ASPECTS OF THE PROBLEM

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10401

Г. В. Гриненко

Всероссийская академия внешней торговли

Современная цивилизация выросла на достижениях науки и техники, поэтому интерес к проблемам науки весьма велик. По многим вопросам, относящимся к сущности науки, постоянно ведутся дискуссии. В центре внимания в данной статье находится «культурный поворот» в философии науки. Если позитивизм полностью отрицал влияние культуры на развитие науки, то постпозитивизм его прямо признаёт. «Третий мир» в учение К. Поппера рассматривается как культура в целом.

Ключевые слова: наука, философия науки, эволюция науки, культура.

Galina V. Grinenko

Russian Foreign Trade Academy, The Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
Pudovkina str., 4A, 119285, Moscow, Russian Federation

CULTURE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE

Modern civilization has grown on the achievements of science and technology, so the interest in the problems of science is very great. On many issues related to the essence of science, discussions are constantly ongoing. The focus of this article is on the “cultural shift” in the philosophy of science. If positivism completely denied the influence of culture on the development of science, then postpositivism directly recognizes it. The “Third World” in the teaching of K. Popper is considered as a culture as a whole.

Keywords: science, philosophy of science, evolution of science, culture.

Для цитирования: Гриненко Г. В. Культура как фактор развития науки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 6–12. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10401

ГРИНЕНКО ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли, академик РАЕН, заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

GRINENKO GALINA VALENTINOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences, the Russian Foreign Trade Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

e-mail: loglingw@mail.ru
© Гриненко Г. В., 2019

Тот факт, что современная цивилизация выросла на достижениях науки и техники, давно уже стал очевидным и общепринятым. Поэтому неудивительно, что и интерес к проблемам науки весьма велик. Когда и где возникла наука? В чём состоит её сущность? Где проходит граница между научным и ненаучным знанием? Как наука развивается? Какие факторы способствуют её развитию, а какие тормозят? По всем этим, как и многим другим вопросам, постоянно ведутся дискуссии, потому что для науки характерно непрерывное развитие и свойство, которое Ч. Пирс назвал «самокорректируемостью». Многие из этих вопросов существенны не только для философии науки, но и для культурологии, потому что наука – это важнейшая сфера культуры, которая в настоящее время оказывает решающее воздействие на всю культуру в целом.

Коснёмся, например, вопроса о времени и месте происхождения науки. Диапазон точек зрения по этому вопросу весьма широк: от той, что наука зародилась ещё в первобытном обществе, до той, что она только начала зарождаться в конце XX века или, вообще, ещё не возникла. Но наиболее распространёнными являются две следующие.

Согласно первой наука как специфический феномен человеческой культуры зародилась в середине I тыс. до н.э. (в то время, которое К. Ясперс назвал «осевым»). При этом одни исследователи связывают её с появлением философии и развитием рационального мышления, а другие – с созданием первых теоретических концепций в естествознании и математике. Согласно второй точке зрения (её придерживается большое количество представителей естественных наук), наукой в подлинной смысле можно назвать лишь классическое естествознание, возникающее в эпоху Возрождения, и то, что позднее стало развиваться на его фун-

даменте. Не собираясь сейчас углубляться в споры об определениях, отметим лишь, что решение данного вопроса принципиально зависит от того, как мы определяем науку, что понимаем под её сущностью. Так, например, если считать главным признаком науки наличие научных знаний (истинных, объективных, проверяемых и т.п.), то можно говорить о её зарождении ещё в первобытном мире. Если же в качестве обязательного принять использование экспериментального метода или понимание науки как социального института, то неизбежен вывод о её возникновении только в XVI–XVII веках, и т.д.

Уйти от этих споров можно, договорившись об уточнениях в терминологии: например, наукой в широком смысле называть форму духовной культуры, зародившуюся ещё в древности и существующую до наших дней, а в узком смысле – явление, формирование которого связано с Новым временем. Это позволяет нам в истории культуры выделять донаучный период, а в истории науки в широком смысле: доклассический период (середина I тыс. до н.э. – XVI век), классический (XVII–XIX века) и неклассический (XX век); ряд авторов, например, В. С. Стёпин [7], выделяют ещё и постнеклассический период (конец XX века – настоящее время). Три последние могут также рассматриваться как периоды развития науки в узком смысле. Вопрос о природе науки и её движущих силах нельзя считать лишь академическим спором об определениях: его решение прямо влияет на развитие современной науки, о чём мы ещё будем говорить ниже.

Между периодами развития науки и типами культуры прослеживается явная взаимосвязь. Доклассический период науки связан с таким типом цивилизации, в терминологии Э. Тоффлера [8], как аграр-

ный, классический – с индустриальным, тогда как неклассический и постнеклассический – с постиндустриальным. Э. Тоффлер вообще считал, что главной движущей силой развития цивилизации является наука, поэтому отмеченная выше корреляция не случайна. Но хотя характер связи между наукой и другими сферами культуры далеко не всегда очевиден, мы уже ранее отмечали в [3], что научные революции, ведущие к смене научных парадигм, также сопровождаются сменой и *культурных парадигм*. Но что здесь причина, а что – следствие, далеко не всегда очевидно. На наш взгляд, между наукой и культурой в целом, скорее, имеют место взаимовлияния, многочисленные «петли обратных связей».

Так, бесспорно, что культура Нового времени и современной цивилизации во многом является результатом развития классического естествознания, но в то же время бурный рост научных исследований в XVIII–XIX веках был связан не только с саморазвитием науки и потребностями промышленности, но и вдохновлялся идеями просветителей об общественном прогрессе и безграничной силе человеческого разума. А вот наука доклассического периода явно развивалась под сильным влиянием различных общекультурных установок, начиная от системы господствовавших религиозных и философских ценностей и концепций, в которые вынуждены были встраиваться научные идеи¹, и заканчивая научной методо-

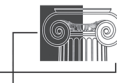
логией, где доминировавший дедуктивный метод был тесно связан с характерной для традиционных культур ориентацией на авторитет предков и священных текстов. Но в то же время именно развитие науки, сопровождавшееся постоянным выявлением противоречий между научными и религиозными идеями, вместе с установкой на недопустимость противоречий, следующей из логики Аристотеля, постепенно вели к разрушению старой картины мира.

В европейской культуре особенно значимой в этом плане стала коперниканская революция. Это выглядит парадоксально, но учение Н. Коперника, ставшее первым шагом к развитию классического естествознания, *базирующегося на экспериментах*, появилось не в результате открытия новых фактов в астрономии, а было лишь результатом переосмысления уже давно известных [2]. Тогда как общий «поворот» науки в сторону экспериментального метода был связан, скорее, с духом эпохи Возрождения, в культуре которой акцент был перенесён с «мира иного» на мир реальный.

Проблемы сущности науки, её периодизации, классификации и т.д. занимают центральное место в науковедении, или философии науки. Зарождение её можно отнести лишь к XIX веку, но активное и систематическое изучение соответствующих проблем и, тем более, оформление в самостоятельную научную дисциплину связано в основном уже с XX веком. Науковедение представляет собой саморефлексию науки, а значит, для его появления требуется высокий уровень развития самой науки, осознание её проблем и их важности для обще-

¹ Оправданием для развития естествознания служило в эпоху Средневековья стремление приблизиться к пониманию Бога путём изучения его творения. Самый яркий пример встраивания научных идей в религиозную картину мира – это господство в ту эпоху геоцентрической аристотелевско-птоломеевской космологии, удачно вписывающейся в христианское и мусульманское вероучение. Хорошим примером влияния философских идей на естествознание

можно считать учение Аристотеля о движении, и в частности метательном движении. Борьба с этим учением привела сначала к созданию физики импетуса, а затем уже к открытию Г. Галилеем закона инерции и возникновению классической физики.

ства. И если в XVIII веке научные и технические достижения активно внедрялись на производстве, оставаясь скрытыми за стенами заводов и фабрик, то в XIX веке их поток «выплеснулся на равнину» на глазах изумлённой публики, значительно меняя обыденную жизнь людей (железные дороги и паровозы, пароходы, телеграф, позднее – фонограф, телефон, кино, автомобили, самолёты и т.д.). В XX веке наука стала непосредственно производящей силой, или, по словам Д. Белла [1], научное знание стало самостоятельным элементом производительных сил, а в XXI веке наука стала влиять не только на внешний мир и характер производства, но и само человечество (виртуальная реальность, геномное конструирование и т.п.). Поэтому не случайно, что расцвет философии науки приходится на XX век.

Возникновение философии науки обычно связывают с именем О. Конта и такого созданного им направления в философии, как позитивизм. Поставленная им проблема демаркации – разграничения научного и ненаучного знания и её критериев, красной нитью прошла через все три этапа развития позитивизма и сохранила своё значение и в постпозитивизме. Менялись критерии разграничения (от «догмы эмпиризма», по которой научными признавались только результаты экспериментов и их обобщения, и до анархистской эпистемологии Пола Фейерабенда, допускающей использование любых методов), но проблема продолжала активно обсуждаться. И это не случайно, потому что её решение имеет важные практические следствия. Научные исследования на современном этапе, и особенно фундаментальные, требуют громадных расходов, которые часто непосильны не только для крупных компаний, но и целых государств, и требуют международного со-

трудничества. Так, напомним, что в строительстве и работе Большого адронного коллайдера принимали участие учёные и инженеры из более чем 100 стран. Но эта же проблема встаёт практически каждый день при распределении грантов, решении вопросов о том, какие направления научных исследований финансировать и в каком объёме. И здесь «догма эмпиризма», давно уже отброшенная философами науки, но сохраняющая своё место в сознании многих из тех, кто распределяет гранты, значительно осложняет жизнь не только гуманитариям, но и, скажем, физикам-теоретикам.

На наш взгляд, особенно важной в философии науки на современном этапе являются проблемы динамики науки. В позитивизме господствовала идея кумулятивного развития науки, согласно которой накопление научного знания, подтверждённого экспериментами, на определённом этапе порождало новые теории. К. Поппер – основоположник постпозитивизма – на место принципа верификации предложил принцип фальсификации и сделал акцент на принципиальной опровержимости любой научной теории. И. Локатос рассматривал развитие науки как соперничество научно-исследовательских программ [5]. Т. Кун в его получившей широкую известность книге «Структура научных революций» [4] различал периоды «нормальной науки» и «научных революций» как смены научных парадигм и связывал развитие науки с накоплением аномалий, не имеющих адекватного объяснения в рамках существующих теорий нормальной науки. Но ещё более существенными сегодня являются две другие проблемы, связанные с развитием науки: это проблема свободы научных исследований и выявление факторов, способствующих развитию науки или его тормозящих.

Тезис о необходимости безграничной свободы научных исследований утвердился в культуре в эпоху Просвещения. Он воплотил в себе итоги многовековой борьбы между наукой и религией и был связан с надеждой просветителей на то, что именно развитие науки приведёт к решению всех социальных проблем. И действительно, в современной цивилизации впервые в истории человечество вплотную подошло к решению таких фундаментальных проблем, как голод, многочисленные болезни и эпидемии, продление человеческой жизни, создание достойных условий жизни, обеспечение досуга и т.д. Однако оборотной стороной прогресса стали экологические и демографические проблемы. Так, глобальное потепление из теоретической возможности уже сейчас превращается в реальную угрозу; эпидемии легко могут превратиться в пандемии; значительно меняется психика и сознание современной молодёжи, погруженной в виртуальную реальность, и трудно предсказать последствия этого в долгосрочной перспективе. Более того, значительную угрозу сейчас представляют уже и многие научные исследования. Напомним, что строительство Большого адронного коллайдера вызвало целую волну протестов. И не случайно как то, что во многих странах законодательно запрещено вмешательство в геном человека, так и то, что время от времени данный запрет нарушается. Так что вопрос о свободе научных исследований обрёл в наши дни новое звучание.

Обращаясь к вопросу о причинах и характере развития науки, мы хотим отметить следующее. При рассмотрении истории любой научной дисциплины в ней можно обнаружить – наряду с внутренней логикой саморазвития – ещё и внешние факторы, действующие как в положительном, так и в отрицательном смысле, то есть способствующие

росту данной дисциплины в определённом направлении или же тормозящие его. Важнейшим внешним фактором является культура в целом и её отдельные аспекты. Так, сильнейшим внешним фактором развития науки на протяжении всей истории человечества является «социальный заказ»: не случайно быстрее всего развивается военная техника, именно в этой сфере наблюдается особенно быстрое применение сделанных научных открытий.

В истории философии науки наблюдается интересный процесс, связанный с «культурным поворотом», кстати проходящий примерно в то же время (вторая половина XX века), что и общий «культурный поворот» в гуманитарных науках. Ведь О. Конт, строго настаивавший на эксперименте, как основном критерии различения научного и ненаучного знания, выбросил из сферы науки не только практически всё гуманитарное знание, но и значительную часть естественно-научного. Тем самым и идея влияния культуры на развитие науки была отброшена полностью. Эта же тенденция развивалась и даже усилилась в махизме, отказавшем «объяснительной части науки» в научности, а также и в неопозитивизме с его трактовкой правильно построенных предложений исключительно как «протокольных». При этом стоит заметить, что сам анализ научного языка, ставший главной целью в неопозитивизме, на самом деле требует для своего адекватного понимания обращения не только к естественному языку в целом, но и к семиосфере, в которой существуют научные тексты, да и к культуре в целом.

А вот в постпозитивизме, в частности уже у К. Поппера, получила признание идея о том, что на развитие науки сильнейшее влияние оказывают религиозные, мифологические, философские, эстетические и

прочие концепции и идеи. В частности, это нашло своё выражение в учении Поппера о «трёх мирах», влияющих на развитие научного знания, впервые изложенном в лекциях, прочитанных им в университете Эмори в 1969 году, и в работах 1970–1980-х годов, прежде всего в [6], и в книге «Самость и её мозг. Аргумент в пользу интеракционизма» (написанной в соавторстве с нейробиологом Дж. Экклзом). И хотя сам К. Поппер пришёл к учению о «трёх мирах» при разработке эволюционной эпистемологии и исследовании проблемы дуализма (телесного и психического), его подход представляет особый интерес именно для культурологии, потому что его «третий мир» очень близок к понятию культуры как таковой.

Первый из этих миров – это объективная реальность, мир физических объектов и явлений; второй – ментальных состояний человеческого сознания, а третий включает в себя концепции, теории, идеи (не важно, истинные или ложные), объективированные в виде книг и статей, мифов и кинофильмов, зданий, машин и т.п. Третий мир есть порождение человеческого сознания, но родившись и получив материальное во-

площение, его составляющие становятся самостоятельными, более не зависящими от сознания автора, и, в свою очередь, оказывают влияние на оба других мира.

К. Поппер замечает, что в этом плане наши теории похожи на наших детей, имеющих склонность становиться самостоятельными от своих родителей. И так же, как это происходит с детьми, от них можно получить больше знания, чем мы сами в них вложили. Эта последняя идея весьма важна для К. Поппера, и он неоднократно повторяет, что идеи, получившие материальное воплощение, часто имеют многочисленные последствия, которые не могли предвидеть их авторы. Как тут не вспомнить слова Ф. И. Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...», кстати написанные им ровно за сто лет до этих высказываний К. Поппера – в 1869 году. И сами же они являются прекрасной иллюстрацией к выражаемой ими мысли: сотни и тысячи раз они цитировались в разных контекстах по самым разным поводам. И вряд ли самому Ф. И. Тютчеву могло прийти в голову, что эта его мысль станет одной из важнейших идей эволюционной эпистемологии.

Примечания

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Москва : Academia, 2004. 944 с.
2. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: формирование научных программ Нового времени (XVII–XVIII вв.). Москва : Наука, 1987. 448 с.
3. Гриненко Г. В. Наука и культура: парадоксы взаимодействия // Полигнозис. 2009. № 4. С. 97–110.
4. Кун Т. Структура научных революций. Москва : АСТ, 2003. 605 с.
5. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Избранные произведения по философии и методологии науки. Москва : Академический Проект ; Трикста, 2008. 475 с.
6. Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
7. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва : Гардарики, 2006. 384 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна = The Third Wave, 1980 / [пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др.]. Москва : АСТ, 2010. 784 с.

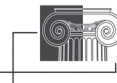
References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo [The Coming Post-Industrial Society]*. Moscow, Publishing house "Academia", 2004. 944 p. (In Russian)

2. Gaydenko P. P. *Evolyutsiya ponyatiya nauki: formirovanie nauchnykh programm Novogo vremeni (XVII–XVIII vv.) [Evolution of the concept of science: the formation of scientific programs of the New Age (XVII – XVIII centuries)]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1987. 448 p. (In Russian)
3. Grinenko G. V. Nauka i kul'tura: paradoksy vzaimodeystviya [Science and culture: paradoxes of interaction]. *Polygnosis*. 2009, no. 4, pp. 97–110. (In Russian)
4. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy [The structure of scientific revolutions]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2003. 605 p. (In Russian)
5. Lakatos I. Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [History of science and its rational reconstruction]. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki [Selected works on the philosophy and methodology of science]*. Moscow, Publishing house “Academic Project”; Publishing house “Triksta”, 2008. 447 p. (In Russian)
6. Popper K. *Znanie i psikhofizicheskaya problema: V zashchitu vzaimodeystviya [Knowledge and the Psychophysical Problem: In Defense of Interaction]*. Moscow, LKI Publishing House, 2008. 256 p. (In Russian)
7. Stepin V. S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy [Philosophy of Science. Common problems]*. Moscow, Publishing house “Gardariki”, 2006. 338 p. (In Russian)
8. Toffler E. *The Third Wave, 1980*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2010. 784 p. (In Russian)

*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ
«Лингвистический поворот и историческое познание
как проблема западной философии второй
половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10402

Б. Л. Губман, К. В. Ануфриева

Тверской государственный университет

В статье анализируется взаимосвязь исторической памяти и истории в культуре глобального сообщества. Историческая память рассмотрена как начало, конституирующее индивидуальный и коллективный опыт. Являясь результатом освоения образов минувшего, историческая память – итог усилий не только профессиональных историков, но и творцов эпоса, различных жанров художественной литературы, спектаклей, фильмов, телесериалов о минувшем, произведений изобразительного искусства, которые повествуют о нём. Она выступает как «наше прошлое», необходимое для обретения личностной и коллективной самоидентификации, решения современных проблем и прогнозирования будущего. Глобализация существенно влияет на характер производства и трансляции исторической памяти. На фоне изменений, происходящих в культуре глобального сообщества, в статье прослеживаются противоречивые отношения академической историографии и исторической памяти.

Ключевые слова: история, историчность, историческая память, исторический опыт, «присвоение прошлого».

Boris L. Gubman, Karina V. Anufrieva

Tver State University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Studechesky per., 12, 170100, Tver, Tver region, Russian Federation

HISTORICAL MEMORY AND HISTORY IN THE CULTURE OF GLOBAL COMMUNITY

The article examines the relationship of historical memory and history in the global community culture. Historical memory is considered as the basis constituting individual and collective experience.

¹ГУБМАН БОРИС ЛЬВОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета

GUBMAN BORIS LVOVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture, the Tver State University

²АНУФРИЕВА КАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета

ANUFRIEVA KARINA VICTOROVNA – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, the Tver State University

e-mail: gubman@mail.ru¹, Anufrieva.KV@tversu.ru²

© Губман Б. Л., Ануфриева К. В., 2019

Synthesizing the images of the past, historical memory is the result of the efforts of not only professional historians, but also the creators of the epos, various genres of fiction, plays, films, TV series about the past, works of fine art that tell about it. It acts as “our past”, necessary for finding personal and collective self-identity, solving contemporary problems and predicting the future. Globalization has a significant impact on the way historical memory is produced and disseminated. Against the background of changes taking place in the culture of the global community, the article traces the contradictory relationship of academic historiography and historical memory.

Keywords: history, historicity, historical memory, historical experience, “appropriation of the past”.

Для цитирования: Губман Б. Л., Ануфриева К. В. Историческая память и история в культуре глобального сообщества // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 13–20. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10402

Историческая память может рассматриваться как совокупность нарративно оформленных представлений об истории определённой общности людей, разделяемых в некоторый момент времени в её пределах и служащих цели самоидентификации. Историческая память, с одной стороны, проявляется как аксиологически окрашенная картина динамики развития во времени народа или нации, а с другой – как единство образов минувшего, опосредующих совокупность конституирующихся в настоящем многообразных интересубъективных связей – практик взаимодействия людей, социальных структур и институтов. В силу этого обстоятельства историческая память никогда не была обделена вниманием власти, усматривающей в ней, не без основания, инструмент собственной легитимации. Историческая память формируется на базе художественного воспроизведения прошлого и истории. Именно у истории как области профессионального знания о минувшем складываются тесные и весьма противоречивые отношения с исторической памятью. В их взаимосвязь вторгаются интересы властного механизма, доминирующего в обществе и зачастую стремящегося превратить историю как знание в мифологический или идеологический продукт, необходимый для укрепления собственных символических ресурсов. Характерно, что

ситуация глобализации накладывает свой неизгладимый отпечаток на характер производства и трансляции исторической памяти, имманентную рефлексивность историков по поводу собственной области знания и её взаимосвязи с формированием исторической памяти.

1. Историческая память в контексте личного и коллективного опыта

Память – несомненный ингредиент целостности опыта человеческой личности и коллективных общностей. Она сообщает личностному и коллективному опыту историческое измерение. Рассуждая об опыте личности, имеющем экзистенциальный источник, можно констатировать, что он представим как целостный сплав её мироощущения, миропонимания, способов и ориентиров деятельности, соединяемых воедино осознанием собственного Я. Обретение личностной самоидентичности – образа Я как итога пройденного во времени жизненного пути, задаёт основание конституирования личностного опыта. Вопреки чисто эмпирическому истолкованию опыта, его формирование явлено как сплав чувственного, эмоционального, рационально-познавательного, волевого и практического компонентов, подчинённый цели конституирования образа Я, способного сохранять самоидентичность путём деятельного

взаимодействия с миром. Обладание опытом означает способность «встраиваться» в мир многообразных вещных и интерсубъективных связей, используя личностный потенциал. Оно демонстрирует значимость Я в совокупности межчеловеческих взаимоотношений. Именно принимая такое истолкование опыта, возникает возможность понять роль памяти как интегрального звена, способного организовать воедино его многообразие в мире личности. Ведь память как раз и выступает как способность вызывать к жизни представления – образы минувшего, которые живут благодаря неистребимому альянсу с сознанием и самосознанием личности.

Память организует воедино опыт личности, прочерчивая траекторию её существования во времени. Она позволяет соединить образы личностного существования в прошлом и настоящем в единое целое в свете открытости будущему. Ещё Августин осознал связь памяти, непосредственного созерцания и ожидания как способов существования души, характеризующих триединство ипостасей времени. Рассматривая бег психического времени в его целостности, непрерывности и устремлённости вперёд, он констатировал одновременно существование трёх его ликов, утверждая примат настоящего по отношению к прошлому и будущему. Многие важные аспекты формальной организации взаимосвязи памяти и субъективного времени как важнейшей предпосылки её функционирования были от-refлексированы И. Кантом и Э. Гуссерлем. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера, по сути, перевела рассмотрение проблемы памяти в ракурс поиска её бытийных оснований. «Метафизика конечности», делающая своим отправным пунктом факт «заброшенности» человека в мир, предпола-

гает, что его бытие немислимо вне стремительного потока времени [4, с. 181]. История человечества и возможность историописания оказываются укоренёнными в историчности «бытия-сознания». В этой перспективе память, как показал П. Рикёр, не только выступает способностью, обеспечивающей рефлексивную самоидентичность личности, но и неминуемо приобретает культурно-историческое звучание, вписывая человека в мир в его синхронном и диахронном измерениях [3, с. 58]. Она задаёт регистр переплетения индивидуального и культурно-исторического опыта, являющегося достоянием человеческих сообществ.

Мир культуры – своеобразный знаково-символический резервуар коллективного опыта, питающий и опыт индивидуальный. В синхронном измерении он объективирован в многообразии форм, которые обладают специфической структурной упорядоченностью, предметным воплощением, сопряжены со сложившимися стереотипами деятельности и иерархией ценностей. Смысловое наполнение мира культуры существует в непрестанном освоении его содержания и одновременно в порождении новых феноменов создающими его субъектами. Распредмечивание содержания культурного мира и опредмечивание собственных личностных возможностей в создании его явлений – два параллельных процесса, предполагаемых коллективным праксисом. Многообразие культурных миров говорит о плюрализме форм опыта, которым обладают сопричастные им субъекты. Культурные миры обладают стремлением к обретению самотождественности подобно тому, как личность ищет и уточняет образ собственного Я. Индивидуальный и культурный опыт взаимодополнительны, участвуют в созидании друг друга. Культуры открыты друг другу через возможность диало-

гической трансляции собственного опыта, и этот процесс вряд ли сегодня можно представлять в линейно-прогрессистском ключе в духе Г.-В.-Ф. Гегеля или К. Маркса. Скорее он похож на «сад, где ветвятся дорожки» (Х.-Л. Борхес), подобен компьютерному каталогу, «ризоматичен» и подчинён синергетическому варианту порождения нового. Эксплуатируя время человеческой жизни, вбирая и аккумулируя его, культурный праксис осуществим на полях несхожих миров.

Историческая память обеспечивает существование диахронного измерения опыта, разделяемого субъектами определённой культуры. Она является продуктом освоения образов минувшего в массовом сознании и создаётся усилиями отнюдь не только профессиональных историков, но и творцов эпоса, различных жанров художественной литературы, спектаклей, фильмов, телесериалов о минувшем, произведений изобразительного искусства, которые повествуют о нём. В любом случае, историческая память отнюдь не тождественна академической наррации о случившемся на определённом отрезке прошлого. Она выступает как «наше прошлое», востребованное во имя решения современных проблем и прогнозирования будущего. Именно на базе исторической памяти, сопрягающей опыт минувшего и настоящего, а также с проекциями будущего, возникает культурная самоидентичность.

Исторический опыт, по мысли Х.-Г. Гадамера, должен быть понят в свете созданной им теории «истории действия», сообразно с которой он – итог вовлечённости субъекта в контекст вершащихся в истории событий. Опыт транскрибируется через категории веры, понимания и игры [6, р. 53]. Вера, в его понимании, предполагает понимание того обстоятельства, что она присутствует как неотъемлемый компонент про-

позиционно оформленного знания, а шире – традиции, наполненной «предсуждениями». Действительно, если принять суждение за элементарную «клеточку» знания и истолковать как убеждение в правоте выдвигаемого утверждения, которое притязает на истинностный статус и проверяемость, то очевидно наличие в нём веровательного содержания. Понимание предполагает нахождение субъекта в границах герменевтического круга, расширение которого достигается через постоянное «слияние горизонтов» прошлого и настоящего, а также непрестанное вопрошание. Игра же сопряжена с непредвиденностью пребывающего в поле рассмотрения события, на которое надлежит реагировать. Событийность рисуется как момент, диктующий непредвиденность расширения поля исторического опыта, его открытость.

Эффект слияния временного горизонта опыта прошлого и настоящего рождает запрос на историческую память. Настоящее постоянно адресует свои вопросы прошлому в поисках истоков современного состояния общества и культуры. «Лишь непредвиденное обладает властью удивления, и это удивление предполагает новый опыт. Проникновение горизонта ожидания поэтому творит новый опыт» [7, р. 262]. Парадоксальным образом прошлое также может ставить вопросы, требующие ответа в настоящем. Вопросы, исходящие из настоящего, возникают в контексте intersubъективных связей в границах различных культурных миров. Они – итог полилога, идущего как в пределах индивидуальных культурных миров, так и между ними. Развивая этот сюжет, продуктивно представленный в работах Х.-Г. Гадамера, Р. Козелека, Х. Р. Яусса, П. Рикёра и других авторов, а в нашей стране В. М. Межуевым [см.: 2], можно сказать, что динамически меняющиеся в раз-

ных культурных мирах образы современности диктуют и различные условия постановки вопросов, адресованных минувшему. В связи с этим можно вспомнить, например, размышления Н. И. Конрада о природе культурных «ренессансов» на Востоке и на Западе, возникших в контексте ответа на видение этого сюжета А. Д. Тойнби. В любом случае, «наша современность» задаёт запрос на образ прошлого, который коррелятивен ей.

2. Историография и историческая память

Историческая память и история как особого рода академическая дисциплина имеют общий онтологический источник – бытие человека во времени. Их роднит использование повествовательной формы рассказа о минувшем. Наррация как способ постижения истории, отличный от теоретических построений, например естествознания, портретирует определённые периоды истории в их связи с настоящим. Это в равной степени относится как к художественным вариантам наррации, так и к практике истории как академической дисциплины. Рассказ о минувшем всегда предполагает видение его определённого фрагмента в контексте истории как некоторой целостности даже при прицельной фокусировке на совокупности событий прошлого, которые прямо или опосредованно волнуют людей сегодня. Даже кризис классических историософских концепций Нового времени и попытки отвержения любых универсально ориентированных теорий исторического развития не смогли окончательно снять вопроса о том, что истории отдельных периодов, стран и народов так или иначе предполагают отнесённость к формату единой истории человечества. Отдельные истории, становящиеся достоянием сообщества исто-

риков-профессионалов или же широкой аудитории под воздействием популярной подачи академического знания, а также художественно-образной их трансляции, всегда притязают на масштабность и значимость, которая устанавливается в перспективе истории как целостности.

Ещё И. Кант справедливо писал о регулятивной значимости идеи всеобщей истории, позволяющей говорить о том, что многообразии исторических событий требует осмысления их на фоне динамической целостности истории как таковой. Правда, его видение идеи всеобщей истории было отмечено убеждённой в неуклонном торжестве прогресса теоретического и практического разума. Оно предвосхищало гегелевское видение идеи всеобщей истории не только как регулятивного инструмента её понимания, но и как конститутивного основания «делания» социокультурной реальности. Р. Д. Коллингвуд, являясь неогегельянцем, совсем не разделял прогрессистского оптимизма своего учителя, но полагал необходимым признание роли априори присущей человеческому сознанию идеи истории как универсальной предпосылки исторического мышления [1, с. 280]. Действительно, мыслить историю отдельных процессов можно, лишь соотнося таковые, прямо или косвенно, с событиями всеобщей истории, которая, разумеется, может видеться в разном ключе. Современная история, реально достигшая высочайшей степени универсализации межчеловеческих связей, властно напоминает нам об этом обстоятельстве. В связи с этим возникает и мысль о том, что сама ситуация «заброшенности» человека в мир, пребывание «бытия-сознания» в потоке времени, всегда возвышающемся над конкретными повествованиями, рождает стремление к включению историй в единство истории, которое открыто, благодаря

непостижимости того, что превышает рамки любых рассказов. При этом постижение истории так или иначе предполагает различные варьирующиеся во времени и потому преходящие способы её концептуализации онтологических допущений.

Историческая память отличается от академической историографии способом «присвоения» исторического прошлого, хотя они неразсторжимо взаимосвязаны. Конечно, историография и историческая память так или иначе опираются на феномен связи прошлого и настоящего, могут кооперировать свои усилия. Однако именно историческая память обладает притязанием на «присвоение» минувшего в целях практического освоения настоящего в интересах определённого социокультурного сообщества. Именно такого рода отношение к минувшему позволяет квалифицировать его как «наше». Организуя опыт сообщества, историческая память воздействует на современность и выступает основанием проецирования будущего [9, pp. 17–18]. В силу этого обстоятельства историческая память сфокусирована прежде всего на национально-культурном моменте «нашего прошлого», ценностно окрашенном освоении и переживании такового. История, напротив, даже если она ориентирована на постижение национального прошлого, притязает на определённое дистанцирование от практического использования её выводов, академичность собственного образа. При этом нельзя не отметить, что образ ремесла историка-профессионала существенно изменился под воздействием «критики исторического разума» и, в особенности, современных нарративистских концепций.

Ассимилировав многие идеи философии жизни, неокантианства, экзистенциальной герменевтики, различных версий аналитической философии, постструктура-

лизма и других направлений, внёсших свой вклад в «критику исторического разума», представители англо-американской аналитической философии истории и континентальной герменевтики разработали теорию наррации, показав фундаментальное родство и различие художественного и исторического повествования. Повествование предстало в этом ракурсе как существующий одновременно с синхронно-теоретическим и философско-категориальной формой познания тип постижения мира и способ человеческого бытия.

Уже при элементарном создании исторического предложения историческое событие получает смысловое наполнение в зависимости от последующих событий, их связи с настоящим (А. Данто). Историческое повествование выступает как некоторая цепь последовательно развёртывающихся силой воображения автора событий, требующая внимания читателя (У. Б. Гэлли) и в финальной инстанции предстающая как некоторая рефлексивно конституированная целостность (Л. О. Минк). Если отдельные исторические предложения верифицируемы с точки зрения их истинностного содержания, то повествование как целостность не может быть оценено как истинное или ложное, ибо в нём выборочно присутствуют интересные его создателя события и причинно-следственные связи. При этом оказывается, что историческая наррация своим обращением к некоторому замыслу, интриге повествования, композиции во многом родственна художественному повествованию (Л. О. Минк, Х. Уайт, П. Вейн, Х. Келлнер и другие). В конечном счёте, как полагает П. Рикёр, все эти черты исторической наррации укоренены в той «заброшенности» человека в мир, о которой говорил М. Хайдеггер. Следуя за Х.-Г. Гадамером в своей интерпретации динамики исторического опыта,

Рикёр показал, что вторжение непредвиденного события настоящего влечёт за собой необходимость ответной реакции на него сквозь призму языка традиции. Именно в этом и состоит неиссякаемый источник многообразия повествований о минувшем, связанных с настоящим. Историк, воспроизводя миры минувшего, воссоздаёт их в мире своего повествования, адресованного миру читателя [8, р. 36]. При этом очевидно, что историография может быть различно ориентирована: она в состоянии некритически служить дискурсу власти или же бросать ему вызов, взывая к ревизии картины исторической памяти. Обе эти возможности истории по-разному реализовались в прошлом и воплощаются сегодня на фоне процесса глобализации.

3. Историческая память в глобальном мире

Глобализация, объединяя планетарное сообщество, осуществляет этот эффект на базе ранее существовавших и новых медиасредств. Единое информационное пространство, которое является итогом и условием глобализации, приносит с собой новые возможности формирования исторической памяти, но при этом отнюдь не происходит становления стандартизированной и единообразной картины исторической реальности. Напротив, утверждается полилог различных национально оформленных и конституированных на медийной основе картин исторической памяти.

В эпоху глобализации властные механизмы национально-государственных образований активно используют медийные средства с целью обеспечения эффективного функционирования исторической памяти. Значимые исторические источники и литература, исторически сфокусированные произведения изобразительного искусства,

литературы, киноискусства (в особенности, документалистика), записи лекций историков-профессионалов существуют в электронных архивах, доступны через сеть библиотек, музеев и Интернет (Г. Люббе). Социокультурное пространство в целом приобретает музейное измерение (А. Мальро, Д. Ваттимо). П. Нора говорит в данной связи о распаде органично существовавшей на базе истории национальной идентичности и становлении политики памяти, призванной в эпоху торжества настоящего и забвения прошлого возродить в обществе связь с традицией минувшего. Он соотносит политику памяти с профессиональной работой историков с «местами памяти», помогающей реставрировать через воспоминание связь прошлого с настоящим и будущим. Естественно, что при этом образы исторической памяти на службе властных, и прежде всего национально-государственных, интересов рассматриваются в первую очередь в их социально-мифологической и идеологической функциях. В глобальном медийном пространстве идёт радикальное противоборство различных картин исторической памяти, связанных с политическими альянсами и конфликтами.

Одновременно медийное пространство эпохи глобализации создаёт достаточно продуктивные основания для критико-рефлексивной работы историков-профессионалов. Это происходит прежде всего благодаря получению ими глобальной аудитории в СМИ и интернет-среде: не только лекционные курсы историков, но и интервью с ними по актуальным проблемам, видеотрансляции профессиональных дискуссий, семинаров и конференций позволяют им донести свою точку зрения на тот или иной предмет до значительного количества заинтересованных людей (П. Д. Бек) [см: 5]. Популяризаторы исторического знания, по-

добные С. Шаме или Э. Радзинскому, способны получить популярность медиа-звезд. Поиск корректной и обоснованной репрезентации исторических событий в нарративах зачастую составляет в глобальную эпоху основу конфронтации историков-профессионалов с официально культивируемыми представлениями исторической памяти. Они зачастую, как показал, например, П. Нора, оказываются поколебленными критико-рефлексивной аргументацией.

Идея истории, которая наиболее созвучна современности в интерпретации Р. Д. Коллингвуда, выступает в её полифонической редакции, как призыв никогда не завершённого поиска видения целостности минувшего в горизонте настоящего и его проблем. Следование ей оказывается залогом трансформации исторического знания, а значит, в финальной инстанции и исторической памяти, обуславливающей динамику социокультурных изменений.

Примечания

1. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Философская автобиография. Москва : Наука, 1980. 485 с.
2. Межуев В. М. История в зеркале философии // Эпистемология и философия науки. 2016. № 1. С. 25–36.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 726 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2013. 592 с.
5. Beck P. (2012) *Presenting History: Past and Present*. London : Palgrave Macmillan. 368 p.
6. Gadamer H.-G. (1977) *Philosophical Hermeneutics*. Berkley, London : University of California Press. 243 p.
7. Koselleck R. (2004) *Futures Past. On the Semantics of Historical Past*. New York: Columbia University Press. 317 p.
8. Rancière J. (1994) *The Names of History. Poetics of Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 115 p.
9. White H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Southwestern University Press. 118 p.

References

1. Collingwood R. D. *Idea istorii. Filsofskaya avtobiografia [The Idea of History. Philosophical Autobiography]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1980. 485 p. (In Russian)
2. Mezhuiev V. M. *Istoriya v zerkale filosofii [History in the Mirror of Philosophy]. Epistemologia i Filosofija Nauki [Epistemology and Philosophy of Science]*. 2016, no. 1, pp. 25–36. (In Russian)
3. Riker P. [Ricoeur P.] *Pamyat', istoriia, zabvenie [Memory, History, Forgetting]*. Moscow, Publishing House of the Gumanitarnoy Literaturi, 2004. 726 p. (In Russian)
4. Khaydegger M. [Heidegger M.] *Osnovnye ponyatya metafisiki [The Basic Notions of Metaphysics]*. St. Petersburg, Vladimir Dahl Publishing House, 2013. 592 p. (In Russian)
5. Beck P. (2012) *Presenting History: Past and Present*. London : Palgrave Macmillan. 368 p. (In English)
6. Gadamer H.-G. (1977) *Philosophical Hermeneutics*. Berkley, London : University of California Press. 243 p. (In English)
7. Koselleck R. (2004) *Futures Past. On the Semantics of Historical Past*. New York: Columbia University Press. 317 p. (In English)
8. Rancière J. (1994) *The Names of History. Poetics of Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 115 p. (In English)
9. White H. (2014) *The Practical Past*. Evanston: Southwestern University Press. 118 p. (In English)

*

К

КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ В ЕДИНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10403

М. Я. Сараф¹, С. М. Сараф²¹Московский государственный институт культуры²МИРЭА – Российский технологический университет

Единое национальное культурное пространство складывается и функционирует в процессе формирования и развития государственно-гражданской организации общества по мере формирования национального самосознания и механизмов национальной самоидентификации его субъектов. Культурные слои разделяются по предмету деятельности и по функциям. Они выступают как относительно самостоятельные локальные пространства культуры.

Понятие культурного слоя можно определить как субкультурную социальную группу, в той или иной мере выступающую субъектом культурно-исторического процесса. Её место и роль в системе культуры определяется значимостью культуротворческого потенциала, активностью воспроизводственной деятельности и социальным объёмом субъекта.

Ключевые слова: единое национальное культурное пространство, культурные слои, субкультурная социальная группа, субъект культурно-исторического процесса.

Mikhail Ya. Saraf¹, Svyatoslav M. Saraf²¹Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury), Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation²MIREA – Russian Technological University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Vernadsky Avenue, 78, Block A, Office A-300, 119454, Moscow, Russian Federation

CULTURAL STRATUMS IN UNITED CULTURAL SPACE

United national cultural space folds and functioning in the process of forming and development of state and civil organization of society as far as national self-consciousness and mechanisms of national self-identification of its subjects are forming. Cultural stratum can be split by the subject of activity and by functions. They perform as quite independent local cultural spaces.

САРАФ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

SARAF MIKHAIL YAKOVLEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Honored worker of higher school of the Russian Federation, the Moscow State Institute of Culture

САРАФ СВЯТОСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат технических наук, МИРЭА – Российский технологический университет

SARAF SVYATOSLAV MIKHAYLOVICH – Ph.D. (Technical Sciences), the MIREA – Russian Technological University

e-mail: ssaraf@yandex.ru
© Сараф М. Я., Сараф С. М., 2019

The idea of cultural stratum can be defined as subcultural social group more or less performing as subject of culture-historical process. The place of this group within system of culture is defined by the importance of cultural and creative potential, activity of reproductive operations and social extent of the subject.

Keyword: united national cultural space, cultural stratum, subcultural social group, subject of culture-historical process.

Для цитирования: Сараф М. Я, Сараф С. М.. Культурные слои в едином культурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 21–28. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10403

Говоря о едином культурном пространстве, мы имеем в виду прежде всего единое национальное культурное пространство, сложившееся и функционирующее в процессе формирования и развития государственно-гражданской организации общества. Его предпосылками и основанием являются традиционные этнонациональные культуры вошедших в эту организацию социальных и поселенческих контингентов, а также ставшая для них общей система материальных и духовных ценностей, задающая основные направления в понимании жизненных смыслов и перспектив взаимного сосуществования, сотрудничества и развития.

Культурное пространство имеет сложную, изменчивую и в различных отношениях различно выражаемую структуру, но при всём этом можно указать и её константы. К таковым относится наличие культурного центра (и целого комплекса центров), задающего и формирующего язык культуры, преобладание центростремительных социокультурных процессов над центробежными, культурное сотрудничество и взаимодействие культур, составляющих нацию социальных групп. Маркерами, позволяющими судить о наличии единого культурного пространства, являются общепризнанные в рамках данного государственно-гражданского сообщества культурные ценности, олицетворяемые его героями и закреплён-

ные календарём национальных торжеств и праздников.

Единое культурное пространство складывается в процессе и по мере формирования национального самосознания и механизмов национальной самоидентификации его субъектов, что зависит от воздействий множества внешних и внутренних факторов и условий, которые могут играть как положительную, так и отрицательную роль. Например, внешние противодействия в одних случаях могут выступить ограничителем и даже радикальным разрушителем складывающегося или уже сложившегося культурного пространства, в других – его предпосылкой и опорой.

Точно так же глубокие противоречия социально-экономических и этнонациональных отношений могут разрешиться социальной деградацией или явлением новой культурной эпохи.

Всё определяется культурно-генетическим потенциалом развивающихся процессов, то есть тем, насколько они содержат в себе новые возможности воспроизводства самодеятельного человека, насколько расширяют границы такой самодеятельности, насколько увеличивают объём субъекта исторического действия. К тому же вследствие внутренней противоречивости культура как стихия несёт в себе и саморазрушительные тенденции, антиномичность своих диалоговых процессов [4], предвидеть

и ограничивать которые задача не только трудная, но и не всегда разрешимая, во-первых, потому что стохастичность социально-культурных процессов с трудом поддаётся анализу их причинно-следственных связей, во-вторых, поскольку действия их субъектов могут изменять свою ценностную полярность и, вследствие этого, роль и место в системе культуры.

Единое культурное пространство цивилизационного общества гетерогенно. Его формирование может быть сравнено с собиранием «пазла» за тем исключением, что здесь нет ни заданной структуры, ни, тем более, финитного образа. Различные участки строятся относительно самостоятельно, но обладают высокой степенью индуктивности в том смысле, что объективно оказываются непосредственными, но более всего весьма косвенными, неявными предпосылками возникновения и изменения других. Именно такими «силовыми» линиями определяется связность культурного пространства, которые разрастаясь, усложняясь деятельностью субъектов, создают культурную топологическую сеть той или иной степени плотности.

Поскольку мы уже употребляли понятия связности и плотности культурного пространства в других работах [5], полагаю, что здесь будет уместно привести их определения. По нашему мнению, связность, или распределённость, культурного пространства можно представить соотношением социального объёма участников культурного процесса и степенью развитости систем коммуникаций на занимаемой ими территории. Высокая степень связности будет выражаться однотипностью и синхронностью культурных процессов и более или менее равномерным распространением и усвоением сопряжённых с ними культурных инноваций.

Плотность культурного пространства можно выразить в соотношении культурных центров и культурной периферии. Чем больше на национальной территории образуется духовных центров, центров культурных инноваций и культурного притяжения, чем более развиты между ними коммуникационные сети, чем более востребованным и доступным оказывается продукт культурного творчества, тем выше плотность культурного пространства. Понятия связности (распределённости) и плотности культурного пространства, по нашему мнению, дают основания для его структурно-функционального анализа, который позволяет рассматривать субъектные и бессубъектные факторы культурного процесса в виде культурных слоёв. Однако это не так просто.

В культурологии существует, по крайней мере, два подхода к пониманию динамики культуры. Обобщённо говоря, один рассматривает её как постоянное эволюционное расширение культурного пространства, представляемого историческими стадиями, или культурными эпохами, питающимися энергией предшествующих. Другой подход, напротив, трактует движение культуры как пульсацию неких духовных континуумов, имеющих причину в самих себе и определяемых собственными, внутренними, только им присущим ритмами. Оба подхода позволяют выявить действительно важные стороны и моменты культурного процесса, но картины культуры в них столь же различны, как картины мира в классической и квантовой механике.

Мы полагаем, что наиболее надёжным инструментом для анализа структуры культурного пространства является исторический метод, который требует рассматривать всякое явление культуры возникающим из разрешения её внутренних системных противоречий. Тогда можно проследить как

процессы эволюционных последовательностей, связывающих и разделяющих культурные эпохи локальных, региональных и мировых цивилизаций, так и уникальные, особняком стоящие феномены культуры, выбивающиеся, казалось бы, из всякой каузальности. Ведь известно, что системные объекты обладают той особенностью, что в них любой её элемент является одновременно и причиной, и следствием всех других, а интенсивность и эффективность взаимодействий и взаимовлияний может иметь не только прямую, но и обратную пропорциональность, а уж сложность коррелятивных связей просто уходит в бесконечность.

В связи с этим структура культуры может формироваться и представляться как некоторая упорядоченность форм и способов деятельности, и тогда более или менее она поддаётся ранжированию, но может изменяться и в совершенно произвольной, на себе замыкающейся векторальности, и тогда обретает ризостомообразное выражение, где трудно выявить некую общую направленность культурного процесса. Из этого вовсе не следует, что исторический метод здесь не применим, здесь следует более внимательно останавливаться на точках культурных бифуркаций, обстоятельствах их возникновения и формирования, их субъектности и их культурного потенциала.

Таким образом, вопрос о культурных слоях тоже может быть рассмотрен в логике этой схемы. Так, совершенно ясно, что гомогенная культура традиционных (родо-племенных) обществ существует изначально, стихийно, как единое культурное пространство, ограниченное способом существования и ареалом племени. Субъектом культуры выступает племя как целое, и здесь нет никаких культурных слоёв. Таковые появляются только в социальном, дифференцированном обществе, вследствие разделения

труда, а значит, интересов, способов общности и образа жизни.

Самое принципиальное при этом состоит во всё более углубляющейся дифференциации и противопоставлении физического и умственного труда. Хотя тезис этот имеет весьма абстрактное, схематическое содержание, поскольку в социальной практике, даже в самых грубых формах рабства, нет и не может быть абсолютного разделения. Но здесь, собственно, начало формирования и обособления культурных слоёв, которые, очевидно, следует определять по мере включённости, места, роли и значения социальных групп в воспроизводстве их конкретно-исторического бытия. Другими словами, понятие «культурный слой» можно определить как социальную группу, насколько она выступает субъектом культурно-исторического процесса. Это «насколько» весьма различно: от доминантной, определяющей, ведущей роли в нём до обеспечивающей и поддерживающей и до сугубо потребительской, которая, с одной стороны, объективно естественна и необходима для культурного воспроизводства, с другой – также объективно создаёт предпосылки для его разложения и уничтожения.

Поскольку фундаментом общественного воспроизводства является трудовая деятельность, в процессе которой и в структуре которой строятся все отношения людей, базовый культурный слой представляется её взаимодействующими субъектами. Отношения сотрудничества, взаимообеспечения, взаимоподдержки и взаимозащиты, кровнородственная и социальная преемственность поколений, положительное отношение к образу и способу социальной организации и природной среды обитания – важнейшие факторы формирования субъектов, способных и готовых воспроизводить социум. Это содержание сохраняется от древнейших

цивилизаций с их сельскими и городскими общинами, от ремесленных, производственных и торговых корпораций Античности и Средневековья до настоящего времени и составляет основу народной культуры во всех её многообразных синкретических, специализированных и синтетических проявлениях. Можно утверждать, что формирующиеся здесь взаимосвязанные трудовые и нравственные отношения и есть бытие культуры. Забегая далеко вперёд и даже выходя из заданной темы, заметим, что все трудности, противоречия, кризисы и даже коллапсы культуры начинаются с деформаций базовых трудовых и нравственных отношений, точнее, с деформаций, так или иначе понижающих их ценностный социальный статус. В современной теории культуры эта тематика представлена достаточно широко [2].

Вместе с цивилизационным социальным разделением ведущую роль в общественном производстве приобретает его духовная сфера и, соответственно, его субъекты, составляющие значительные культурные слои, разделяемые по предмету деятельности, таким как религия, искусство, философия и наука, политика, образование, спорт. Внутри них быстро развиваются, так сказать, субкультурные дифференциации с достаточно чётко выраженными субъектами деятельности и исторически меняющейся структурой взаимоотношений между ними. Так, высшей ступенью культуротворчества является творческая деятельность, производство культурных инноваций, однако не всегда её субъекты выделяются и осознаются в качестве таковых. Известны даже локальные культуры, воспроизводившие себя практически без всяких изменений. В других же культурных эпохах инновационная деятельность высоко ценилась, а в современных техногенных

цивилизациях она выступает как двигатель прогресса.

Дифференциация культурных слоёв по предметности наиболее глубока и интенсивна. Она происходит и в каждом культурном слое, проявляясь в виде направлений, течений, объединений, находящихся между собой в сложных, зачастую взаимоотрицающих отношениях, представляемых разными социальными контингентами и значительного объёма, и едва заметного, даже маргинального. Каждый культурный слой имеет свою сигнатуру в виде особенностей языка, поведения, ценностных ориентаций, способов различения «свой – чужой» и т.п. Можно сказать, что культурные слои выступают как относительно самостоятельные локальные пространства культуры.

Соотношение культурных слоёв всегда чрезвычайно изменчиво. Оно может быть зафиксировано и описано с той или иной степенью определённости лишь при рассмотрении какого-то конкретного, относительно короткого периода движения культуры. Это порой хорошо удаётся искусству и литературе, когда они с поразительной точностью способны нарисовать портрет «героя нашего времени», «лишнего человека» или «нового человека» и угадать вектор движения культуры.

Вообще, почему мы можем говорить о слоях культуры? Потому что культура есть способ быть человеком, а чтобы им быть, нужно быть таковым признанным. Такое признание имеет ступенчатый характер: нужно, чтобы тебя признали своим в системе кровнородственных отношений, в системе соседских, гендерных, поселенческих отношений: нужно, чтобы такое признание было удостоверено официальными структурами – государственными, религиозными, образовательными, профессиональными, нужно получить признание и в структу-

рах неофициальных (дружеских сообществ, объединений по интересам и т.п.). То есть основной вопрос культуры, кто есть человек или каков образ человека, сопряжён с вопросом, как и где этот образ воплощается. Он возникает всегда и для каждого. Следовательно, социальная группа даёт свой ответ на такие вопросы и формирует входящих в неё членов по соответствующей программе, то есть производит человека, в соответствии с собственным (зачастую весьма произвольным и субъективным) пониманием его сущности. Поэтому она и выступает в качестве культурного слоя.

Таким образом, насколько общие принципы производства человека разделяются всем социумом, при всех его дифференциациях и противоречиях, настолько складывается и существует единое культурное пространство (то есть общесоциальная система ценностей и ценностных ориентаций). Насколько же в силу тех или иных причин, о чём нужно говорить особо, в данном социуме и внутри составляющих его культурных слоёв складываются социальные группы (вначале, как правило, малые), которые не просто подвергают сомнению или отрицанию эти ценности, но сознательно или бессознательно разрушают механизмы воспроизводства общественного человека, настолько в пространстве культуры появляются деформации, способные расколоть и даже взорвать его единство. Речь здесь может идти о различных формах эскапизма и искусственно формируемого аутизма, о сатанинских культах, о фанатической ксенофобии, о человеконенавистнических теориях и практиках, безответственном манипулировании исследовательским материалом ради сиюминутной славы, о безудержном и безоглядном гедонизме и культе потребительства и т.п. Причём в современном высокотехнологическом информационном обще-

стве все эти формы внедряются в массовое сознание как эстетические и художественные артефакты, как выражение высокой духовной индивидуальности и независимости, как феномены современной элитарной культуры. Конечно же, за всем этим чаще всего стоят «голые» экономический и политический интерес и расчёт, но как проворовавшаяся сельская продавщица сжигает весь магазин из-за мелочной недостачи, как бизнес ради прибыли, не задумываясь, уничтожает среду обитания, так и активная деятельность субъектов подобных групп объективно ведёт к саморазрушению той системы, в которой и только в которой формируется и существует человек. И это необходимо учитывать при анализе культурных слоёв социальной организации, имея в виду, что при определённых условиях несущественное и маргинальное может занять доминирующие позиции в социокультурном процессе. Новейшая мировая и отечественная история полна такими примерами.

Культурные слои различаются также и функционально. Так, их значительная часть складывается в процессе деятельности по сохранению культурного наследия, освоению массивов культуры прошлых эпох последующими, их понимания и диалога с ними, то есть культурная преемственности. Нетрудно видеть, что в этой сфере, так же как и в других, имеет место и научный поиск, и художественное творчество, и всё, что может представлять самостоятельную предметную область других сфер деятельности. То есть культура выступает как фрактальный объект.

Информационно-технологическая революция породила новые феномены бытия культуры – виртуальные. Это как бы дематериализованные, или развоплощённые, её формы. Они существуют и функционируют как взаимодействие знаков и знаковых от-

ношений, которые замещают объективную социокультурную реальность и даже вытесняют её. Культурное пространство моделируется произвольно построенными и поставленными в произвольные отношения знаками, названные Ж. Бодрийяром симулякрами [1], которые начинают играть роль действительных жизнеобразующих смыслов, хотя за ними нет ничего. Это фантомное культурное пространство, все элементы которого имеют равное значение, то есть не имеют значения никакого, поскольку оно задаётся субъективно и произвольно. Здесь открываются безбрежные возможности манипулирования.

Но это виртуальное культурное квази-пространство существует и функционирует, как и реальное. В нём так же и по тем же принципам формируются собственные культурные слои, субъектами которых выступают пользователи социальных сетей. Одной из существенных особенностей формирования сообществ является то обстоятельство, что резко изменяется доступ к информации, и старшие поколения утрачивают своё преимущество в знаниях перед молодыми, снижается их посредническая роль в трансляции культурных ценностей [3].

Виртуальное культурное пространство может быть материализовано в реальное, для чего существуют соответствующие технологии (например, флэш-моб), но в таких воплощениях их динамика плохо предсказуема. Социокультурные, поведенческие паттерны легко переносимы из объективной реальности в реальность виртуальную, но обратная операция может быть губительной для культурного воспроизводства.

Итак, понятие культурного слоя, по нашему разумению, можно определить как субкультурную социальную группу, в той или иной мере выступающую субъектом культурно-исторического процесса. Её место и роль в системе культуры определяется значимостью культуротворческого потенциала, активностью воспроизводственной деятельности и социальным объёмом субъекта.

Культурные слои структурируются по предмету деятельности, по её субъекту и по функциям в культурном воспроизводстве. В этом отношении они представляют постоянную составляющую социокультурного процесса, но исторически изменчивы в своих составах и структурно-иерархических отношениях.

Примечания

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. Москва : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
2. Воеводина Л. Н. Философия культуры в эпоху постсовременности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 29–35.
3. Миронов В. В. От классической к электронной культуре: сложности перехода // Современные глобальные вызовы и национальные интересы. XVI Международные Лихачёвские научные чтения 19–21 мая 2016 года. Санкт-Петербург, 2016. С. 180.
4. Ремизов В. А. Антиномичность культурно-цивилизационного диалога и современная Россия // Культура и образование. 2019. № 1 (32). С. 5–16.
5. Сараф М. Я. Измерение культурного пространства // Пространство и время. 2013. № 3 (13). С. 31–35.

References

1. Bodriyar Zh. [Baudrillard Jean] *Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and simulations]*. Moscow, Publishing house "Postoum, 2015. 240 p. (In Russian)
2. Voevodina L. N. Philosophy of culture in post-modernity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no 3, pp. 29–35. (In Russian)

3. Mironov V. V. Ot klassicheskoy k elektronnoy kul'ture: slozhnosti perekhoda [From classical to electronic culture: the complexity of the transition]. *Sovremennyye global'nye vyzovy i natsional'nye interesy. XVI Mezhdunarodnye Likhachovskie nauchnye chteniya 19–21 maya 2016 goda* [Modern global challenges and national interests. XVI International Likhachev Scientific Readings May 19–21, 2016]. St. Petersburg, 2016. P. 180. (In Russian)
4. Remizov V. A. Antinomicity of culturally civilized dialogue and the modern Russia. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2019, no 1 (32), pp. 5–16. (In Russian)
5. Saraf M. Ya. Izmerenie kulturnogo prostranstva [Change of cultural space]. *Spase and Time*. 2013, no 3 (13). pp. 31–35. (In Russian)

*

ИСТОРИОСОФИЯ Л. П. КАРСАВИНА: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ КУЛЬТУРЫ И МЕТАФИЗИКОЙ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 17-04-00126 «Русское присутствие в Италии
в первой половине XX века»)

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10404

О. Т. Ермишин

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрена историософия Л. П. Карсавина в контексте истории культуры и метафизики. Сделано сопоставление исторических взглядов Карсавина с его философскими работами 1920-х годов, идеями платонизма и философией всеединства. Дан анализ философской эволюции Карсавина, формирования его историософской концепции. На примере работы Л. П. Карсавина «Восток, Запад и русская идея» (1922) прослежена философская интерпретация всеединства применительно к историософии. В книге «Джордано Бруно» (1923) Карсавин продемонстрировал основы своего религиозно-философского мировоззрения. Завершением историософских размышлений 1920-х годов стала работа «Церковь, личность и государство» (1927), обобщающая взгляды автора на отношения между Церковью и личностью. С критикой идеи Л. П. Карсавина выступил Н. С. Трубецкой, который считал неприемлемым применение понятия «личность» к государству и культуре. Персонализм Трубецкого стал альтернативной концепцией по отношению к историософии и метафизике всеединства Карсавина. Автор статьи делает вывод о том, что Карсавин и Трубецкой предложили две разные версии христианской историософии и персонализма. Учение о «симфонической личности» Л. П. Карсавина есть результат его личного метафизического выбора.

Ключевые слова: русская философия, историософия, метафизика всеединства, евразийство, христианство, платонизм, персонализм, симфоническая личность, государство, культура.

Oleg T. Ermishin

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

HISTORIOSOPHY OF L. P. KARSAVIN: BETWEEN CULTURAL HISTORY AND METAPHYSICS

The article devoted to L. P. Karsavin's historiosophy in the context of cultural history and metaphysics. The author of article compared Karsavin's historical views with his philosophical works of the 1920th,

ЕРМИШИН ОЛЕГ ТИМОФЕЕВИЧ – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

ERMISHIN OLEG TIMOFEEVICH – Full Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: oleg_ermishin@mail.ru

© Ермишин О. Т., 2019

the ideas of platonism and philosophy of “vseedinstvo”. He analyzed Karsavin’s philosophical evolution, formation of his historiosophical concept. The author of article researched Karsavin’s philosophical interpretation of “vseedinstvo” in relation to historiosophy on the example of work “East, West and Russian idea” (1922). Karsavin showed the bases of religious and philosophical worldview in the book “Giordano Bruno” (1923). Karsavin’s work “Church, Personality and State” (1927) is the end of his historiosophical reflections of the 1920th, the views to the relations between Church and personality. N. S. Trubetskoy criticized Karsavin’s ideas; he considered unacceptable application of the concept “personality” to the state and culture. Trubetskoy’s personalism is alternative concept in relation to Karsavin’s historiosophy and metaphysics of “vseedinstvo”. The author of article concluded that Karsavin and Trubetskoy offered two different versions of Christian historiosophy and personalism. Karsavin’s doctrine about “symphonic personality” is result of his personal metaphysical choice.

Keywords: Russian philosophy, historiosophy, metaphysics of “vseedinstvo”, eurasianism, Christianity, platonism, personalism, symphonic personality, state, culture.

Для цитирования: Ермишин О. Т. Историософия Л. П. Карсавина: между историей культуры и метафизикой // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 29–36. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10404

Предпосылкой для моей статьи было выступление на презентации тома «Л. П. Карсавин» (серия «Философия России первой половины XX века») в МГУ имени М. В. Ломоносова в декабре 2012 года. Тогда я обратил внимание на то, что исторические и философские труды Карсавина рассматриваются отдельно, как разные этапы научной эволюции. Во время выступления я цитировал статью «”Симфоническая”, совершенная личность» Ю. Б. Мелих: «В определении среднего религиозного человека можно проследить зарождение основных интуиций Карсавина, приводящих его к оригинальному пониманию личности» [8, с. 218]. Можно сказать, что в целом стала распространённой трактовка соотношения между историей и философией в мировоззрении Карсавина как эволюции от первых элементарных идей к созданию законченной и оригинальной системы. Мне представляется, что эта трактовка имеет слабые стороны и не учитывает всех особенностей мировоззрения Карсавина. Для сравнения можно предложить другую гипотезу в отношении эволюционного ряда: уже в исторических трудах Карсавин сформулировал целый ряд идей,

которые затем стали основами его историософии. Философские и исторические труды Карсавина порождают противоречия в рефлексии его читателей и исследователей, которые в попытках разобраться в хитросплетениях мысли Карсавина выбирают одну какую-то стратегию: останавливают внимание на одной группе идей, которую считают главной или наивысшим достижением мыслителя, а всё остальное понимают как второстепенное. В итоге, мы имеем дело с отдельными интерпретациями, которые вступают друг с другом в противоречия. Из исследовательских противоречий можно предложить один очевидный выход: рассматривать труды Карсавина, исходя из целостности его мировоззрения, объединяющего в оригинальном идейном синтезе как историю, так и философию.

В 1910–1912 годах Карсавин находился в научной командировке в Италии, результатом чего стало написание двух диссертаций по истории средневековой религиозности. Уже в этот ранний, дореволюционный период для исторической методологии Карсавина характерно его особое отношение к понятию личности. Карсавин пишет,

что «исследователь всегда выходит за пределы и самой личности и непосредственно ему данного материала» [4, с. 25]. Что же это значит? Далее Карсавин прямо разъясняет: «Выяснение намечаемой здесь проблемы возможно на почве анализа лежащих в основе истории понятий индивидуализации, единства и иерархии единств и немислимо вне того, что можно назвать метафизикой истории» [4, с. 26]. Таким образом, историю Карсавин понимал в контексте метафизики, что, в свою очередь, предполагает метафизику личности. В этом отношении Карсавин интересуется не эмпирическая личность, а группа личностей, или то, что ещё определяется им как «средний человек». А «средний человек» – это не конкретная личность, а всегда нечто общее, результат анализа. Чтобы обосновать необходимость обращения к изучению «среднего человека», Карсавин вводит понятие «религиозный фонд». Он даёт определение: «Общий фонд существует в каждом члене данной группы ... Религиозный фонд представляет собою некоторую систему элементов, или лучше, некоторое единство, в котором достаточно определить несколько элементов, чтобы по ним и из них с необходимостью и достоверностью воспроизвести целое» [4, с. 29].

С одной стороны, в изучении религиозности Карсавин выбрал метод, который, в отличие от персоналистического метода, значительно упрощает исследование. С другой стороны, следует отметить, что у Карсавина вместо конкретной личности выступает только совокупность признаков, общих для группы личностей. Если в исторической науке такой подход имеет условность, которая вполне допустима для достижения исследовательских целей, то в философии он ведёт к формированию мировоззрения, имеющего специфические особенности. Можно сказать, что у Карсавина сна-

чала появляется метафизика исторической личности, а уже затем формируется метафизика всеединства, которая имеет совсем другие истоки, в отличие от В. С. Соловьёва или С. Л. Франка.

В общем подходе Карсавина заложен парадокс. Провозглашая свой метод в истории, Карсавин открывает для себя новые перспективы исследования, путь для индивидуального и субъективного синтеза. Однако когда он проецирует те же методологические принципы на философию, то в результате получается метафизическая система, которая содержит в основе противоречие, хотя и тщательно скрытое под сложной сетью внешне логичных и законченных размышлений.

Например, в исторических рассуждениях Карсавина, задолго до его философских и богословских концепций 1920-х годов, заложен принцип всеединого и абсолютного Субъекта. Если отказаться от конкретного и эмпирического человека, то следует искать в онтологической иерархии более высокий уровень. У Карсавина при изучении истории на высшем уровне сначала находится коллективное сознание как система религиозных представлений и «средний человек», позднее в метафизике 1900-х годов на вершине метафизической иерархии уже будет Бог. Будущий путь к метафизике Карсавина 1920-х годов уже заложен в такой фразе из труда 1915 года: «Поскольку историк восходит в область “метафизики истории”, постольку он получает возможность приблизиться к истинному единству, то есть единству множества, к создаваемой этим единством иерархии и системе частных единств» [4, с. 53] (можно сказать, что потенциально в этом положении заложена вся историософия Карсавина). Личность понимается Карсавиным через единство множества, отдельные субъекты развития рас-

творяются в высшем Субъекте развития. История становится океаном бытия, который поглощает отдельную личность. В этом отношении Карсавин в философии остался историком. У него есть основная интуиция, которая проходит через его как исторические, так и философские труды.

Карсавин формально перешёл от исторических исследований к религиозно-философским трудам в период 1918–1922-х годов, хотя как философ и богослов он сформировался гораздо раньше. Ключевыми работами можно считать, с одной стороны, «Культуру средних веков» (1918), с другой – «Философию истории» (1923).

Книгу «Культура средних веков» Карсавин начинает с теоретических положений, которые объясняют его точку зрения. Он пишет, что история культуры для него – это «изображение развития или раскрытия некоторой основной психической стихии, проявляющейся через индивидуальные осуществления во всех сферах жизни изучаемой коллективности» [3, с. 5]. Вместо того чтобы изучать мелкие факты, что ведёт к «микроскопическим» результатам, Карсавин предлагал исследовать сам «дух истории», как он внешне проявляется во всех сферах жизни. Избранный метод даёт Карсавину возможность рассматривать историю культуры как совокупность явлений, которая объёмлет все стороны человеческой жизни. Карсавин признавал, что за «внешней» историей культуры скрыта её основа – метафизика истории. История культуры и метафизика истории для Карсавина взаимосвязаны как две части одного целостного мировоззрения.

Карсавин видел в культуре сложную систему, имеющую одну основу и состоящую из многочисленных элементов, которые взаимодействуют между собой. Культура постоянно развивается, усваивает новое, от-

брасывает старое. На примере Римской империи Карсавин показывал, как складывается культурно-государственное единство, в котором главную роль играет культура, а вспомогательную – государство. Именно приобщение к образованию и высшим культурным достижениям считалось признаком римского гражданина.

В Средние века ситуация меняется по сравнению с эпохой Римской империи: центром культуры становится Церковь, которая, как пишет Карсавин, «вбирает в себя» культурные богатства Античности. Церковь влияет на культуру, и культура влияет на религиозную жизнь. В результате рождается новый тип культуры, которому Карсавин даёт своё объяснение. Новая культура оказалась жизнеспособной потому, что обладала энергией, вырастающей из коллективной жизни. Семейное и родовое единство, которое было распространено у варварских народов, расселившихся на территории бывшей Римской империи, рождает идею целостности, которая затем была поддержана единством Церкви. По мнению Карсавина, личность в Средние века питается энергией целого, высшее единство определяет индивидуальные проявления, процесс индивидуализации. Из этой коллективной исторической психологии вырастают последующие философские построения Карсавина, которому, по естественным причинам, были близки неоплатонизм и метафизика всеединства.

В труде «Философия истории» Карсавин раскрыл своё понимание метафизики истории. В самом начале книги он дал следующее определение: метафизика истории – это «конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей» [5, с. 15]. В «Философии истории» Карсавин облакает свои исторические интуиции в законченные

философские формулы. Философия истории не может быть без метафизики, объясняющей смысл исторического бытия. По мнению Карсавина, история раскрывается через иерархию, определяемую Абсолютной идеей. Метафизика истории предстаёт как метафизика всеединства, так как субъектом истории является всеединное человечество. Если метафизика как таковая может быть отвлечённой, то метафизика истории всегда имеет отношение к конкретным историческим фактам, служит основой для их объяснения.

Карсавин не ограничился одной общей философской схемой истории, а стремился диалектически развивать её дальше. В этом отношении участие в евразийстве имело для него личный интерес, как область приложения и развития своего исторического и философского мировоззрения. Проследим общее направление мысли и диалектику Карсавина 1920-х годов.

В работе «Восток, Запад и русская идея» (1922) Карсавин утверждал, что субъект исторического развития дан в каждом своём моменте потенциально весь, но актуально – только частично (больше или меньше). В этом и состоит принцип индивидуализации. Таким образом, для Карсавина человечество обладает потенциальным всеединством, которое актуализируется в историческом развитии. Историк по отдельным явлениям может угадать скрытые за ними сущности, а через диалектику фактов познавать метафизику истории. Например, Карсавин считает, что «к пониманию “русской идеи” можно подходить от любого момента русской действительности, диалектически раскрывая его и проверяя выводы на изучении других моментов, но главным образом – моментов несомненного значения» [1, с. 166]. Для каждого народа и национальной культуры имеют значение прежде

всего религиозные моменты или религия. Индивидуализация всеединства происходит в значительной степени через отношение Абсолютной идеи к действительности, а это отношение проявляется преимущественно через религиозное сознание. Рассмотрев разные типы отношения Абсолютной идеи к действительности (теизм, пантеизм, христианство), Карсавин дал общую характеристику православной (русской) идеи. По его мнению, православная идея по разным историческим причинам остаётся потенциальной и требует дальнейшей актуализации. Русский человек тяготеет к абсолютному идеалу, ему свойственно ощущение святости всего сущего, готовность к жертвенности ради идеала. Недостижимость идеала вызывает у русского человека состояние апатии и лени. Однако Карсавин считает, что исторический кризис, связанный с революцией и крушением старого порядка, позволяет надеяться на раскрытие православной идеи и осуществление русским народом его идеального задания. Несмотря на последовательную и ясную формулировку ряда идей, Карсавин в работе «Восток, Запад и русская идея» всё-таки достаточно схематичен, и его схема требовала дальнейшего развития.

В данном случае уместно задать вопрос о философских авторах, на которых ориентировался Карсавин, когда сознательно перешёл от исторических исследований к религиозной философии. Сочетание исторического и философского исследования очень характерно для книги Карсавина «Джордано Бруно» (1923). Из всех мыслителей итальянского Возрождения Карсавин выбрал именно Бруно. Чем был вызван такой выбор? Возможно, Карсавин придавал значение не только философии, но прежде всего личности Бруно, его темпераменту. Он отмечал: «Люди XVI века были не

только искателями. Они хотели убеждать, стремились доказать открытую ими или открывшуюся им истину. Они по натуре своей агрессивны, больше проповедники, чем учёные; в области мысли они такие же нетерпимые деспоты, какими в области веры являются Пий V или Кальвин, в области политики Карл V или Филипп II. Бруно – один из них» [2, с. 63]. И далее ещё о философском характере Бруно: «философ уже осознал свой гений и, витая в абстракциях, остался в жизни, рвался к реальности и её краскам, постигаемым им полнее, конкретнее и глубже, чем кем-либо из засохших педантов или низменных глупцов» [2, с. 69]. Если в рассказе о жизни Бруно Карсавин остаётся в рамках исторического исследования, то уже в главе «Схоластика, Николай Кузанский и Бруно» он демонстрирует свои широкие историко-философские знания. Прекрасно разбираясь в хитросплетениях средневековой мысли, Карсавин тонко указывает на недостатки схоластики и её рационализм, который пытались преодолеть немецкие мистики и Николай Кузанский. Разложению одностороннего рационализма противопоставляются философские идеи, основанные на платонизме. Джордано Бруно продолжает традицию Николая Кузанского, но более смело и решительно, не обращая внимания на противоречия своей философии с официальной католической теологией.

То, как Карсавин представляет и интерпретирует Николая Кузанского, не оставляет сомнений в его приверженности платонизму, который понимается прежде всего как метафизика всеединства. Он пишет о философии Николая Кузанского: «Развёртывается же мир как иерархия родов, видов, индивидуумов, причём род реален в видах и индивидуумах, вид в индивидуумах. И отсюда понятно, что в каждом ин-

дивидууме стяженно заключается Всеединство и сам он есть Всеединство, являющееся им самим в стяженности и ограниченности. Всё во всём и каждое в каждом. И всё и каждое комплицировано и абсолютно в Боге и Бог; и Бог эксплицитно и стяженно во всём и всё» [2, с. 150]. Карсавин пытался развивать метафизику всеединства, ориентируясь на традицию неоплатонизма, в том числе на философию Николая Кузанского.

Присоединение к евразийскому движению, переезд в Париж в 1926 году и руководство Евразийским семинаром в 1926–1927 годах дали новый импульс Карсавину для развития историсофских и персоналистических идей. В записке «Церковь, личность и государство», затем опубликованной отдельной брошюрой (Париж, 1927), Карсавин в своих размышлениях о личности и государстве опирается на понятие Церкви. Для него Церковь есть идеал, к которому стремится мир и человечество. Как писал Карсавин, мир – «материя Церкви, материал, из коего должно быть создано и созидается Тело Христово» [6, с. 403]. Церковь содержит единую Истину как симфонию её индивидуальных проявлений. Она есть образ всеединства. После Церкви второе понятие, на котором основывает свои размышления Карсавин, это личность, которая понимается как божественное начало.

Таким образом, стремление и приобщение к Церкви одновременно означает причастие к личному бытию. Между Церковью и индивидуальной личностью Карсавин признавал наличие соборных, или симфонических, личностей, к которым относил народ, культуру, государство. Карсавин полагал, что государство есть необходимая форма личного бытия. Целью государства является превращение в церковную личность.

В понимании государства резко разошлись Л. П. Карсавин и Н. С. Трубецкой, между которыми состоялась полемика на эту тему.

В первоначальном варианте записки Карсавин назвал государство «народно-культурной личностью» [7, с. 116]. Н. С. Трубецкой настаивал на том, что личностью можно назвать человека и народ («хоровая личность»), но никак не культуру и государство. Культуру Трубецкой понимал как «плод творчества личностей». Ещё более критичен Трубецкой по отношению к понятию государства у Карсавина. По мнению Трубецкого, государство есть «географически-волевая» категория, то есть складывается из общности территории и воли власти. Таким образом, у Трубецкого как индивидуальная личность, так и «хоровая личность» (народ) сохраняют свою субстанциальность. Именно народ является тем духовным центром, который порождает государственность и культуру. Трубецкой подчёркивал: «Существом, субстанцией, на которой происходят все эти процессы, и притом субстанцией одушевлённой, являются народы» [7, с. 135]. Для Карсавина субстанцией, причём абсолютной, является Бог, поэтому в соответствии с метафизикой всеединства всё бытие пронизано субстанциальностью, идущей от Бога. Из допущения, что существуют коллективные личности (у Трубецкого – «хоровые личности») Карсавин строит иерархию личностей: «индивидуум-народ-человечество, причём лишь первое единично, а прочие хоровые» [7, с. 143]. А далее Карсавин доказывает, что между народом и человечеством существуют ещё другие коллективные личности или, по крайней мере, формы личного бытия. Диалектика Карсавина вполне последовательна: между индивидуумами внизу иерархии и Вселенской Церковью есть куль-

туры и государства, которые есть разные типы личного бытия. Коллективный субъект развития существует в форме государства, культуры, цивилизации, то есть не народ порождает культуру или государство, а они являются, по сути, условиями для индивидуальной и коллективной личной жизни. Диалектика Трубецкого и Карсавина развивается в разных направлениях. Тем не менее Трубецкому и Карсавину, несмотря на противоречия, удалось согласовать общие позиции. Карсавин под влиянием критики Трубецкого изменил или исключил ряд формулировок. Он даже согласился не называть государство личностью. Кроме того, Карсавин в окончательный текст «Церкви, личности и государства» ввёл, по аналогии с «хоровой личностью» Трубецкого, понятие «симфоническая личность» (в первоначальном варианте этого понятия не было, хотя были выражения «симфония», «симфонический акт»).

Однако при всех уступках историософские учения Трубецкого и Карсавина представляют собой альтернативные варианты: для Трубецкого личность действует в истории и творит культуру, для Карсавина главную роль в истории играет Бог, который воздействует на историческое развитие через иерархию «симфонических личностей». Карсавин развивал историософию, в которой исследование исторических проблем получает завершение в метафизических выводах, то есть его историософия имела основой метафизику. Личный метафизический выбор Карсавина определил его историософскую диалектику, взгляды на соотношение Божественного и человеческого в истории, сущность государства и культуры.

Карсавин использовал концепцию всеединства для того, чтобы на её основе объединить в общую систему свои историче-

ские и религиозно-философские взгляды. Историю и культуру он рассматривает с метафизической точки зрения, делая их материалом для своей оригинальной философии. Частично Карсавину удаётся историческо-философский синтез, который, в свою очередь, порождает множество проблем. Историческое и культурное развитие имеет различные индивидуальные, частные аспекты, философия же тяготеет к универсальным и обобщающим концепциям. Решить проблему частного и общего осо-

бенно сложно, если пытаться сделать это одновременно как в истории, так и в философии. Карсавину неизбежно пришлось упрощать данную проблему, отдав предпочтение религиозно-философской системе и подчинять ей исторический материал. Тем не менее научно-исторический и религиозно-философский опыт Карсавина очень полезен для понимания взаимодействия между историей культуры и философией, показывает проблемы, значимые для междисциплинарных исследований.

Примечания

1. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Сочинения. Москва : Раритет, 1993. С. 157–216.
2. Карсавин Л. П. Джордано Бруно. Санкт-Петербург : Наука, 2016. 272 с.
3. Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев : Символ, 1995. 208 с.
4. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. 432 с.
5. Карсавин Л. П. Философия истории. Санкт-Петербург : Комплект, 1993. 352 с.
6. Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство // Сочинения. Москва : Раритет, 1993. С. 403–442.
7. Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство; Соображения Н. С. Трубецкого по поводу записки Л. П. Карсавина «О Церкви, личности и государстве»; Ответ Л. П. Карсавина на письмо Н. С. Трубецкого; Дискуссии о Церкви в переписке евразийцев, 1925–1927 // Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 2001–2002 гг. / под редакцией М. А. Колерова. Москва : Три квадрата, 2002. С. 74–174.
8. Лев Платонович Карсавин / под ред. С. С. Хоружего. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2012. 527 с.

References

1. Karsavin L. P. Vostok, Zapad i Russkaya ideiya [East, West and Russian idea]. In: Karsavin L. P. *Sochineniya*. Moscow, Publishing house "Raritet", 1993. Pp. 157–216. (In Russian)
2. Karsavin L. P. *Giordano Bruno*. Sankt-Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2016. 272 p. (In Russian)
3. Karsavin L. P. *Kul'tura srednikh vekov [The Culture of Middle Ages]*. Kiev, Publishing house "Simvol", 1995. 208 p. (In Russian)
4. Karsavin L. P. *Osnovy srednevekovoy religioznosti v XII–XIII vv. [The Bases of Medieval Religiousness in the 12–13th centuries]*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 1997. 432 p. (In Russian)
5. Karsavin L. P. *Filosofiya istorii [A Philosophy of History]*. St. Petersburg, Publishing house "Komplekt", 1993. 352 p. (In Russian)
6. Karsavin L. P. Tserkov', lichnost' i gosudarstvo [Church, Personality and State]. In: Karsavin L. P. *Sochineniya*. Moscow, Publishing house "Raritet", 1993. Pp. 403–442. (In Russian)
7. Karsavin L. P. Tserkov', lichnost' i gosudarstvo [Church, Personality and State]; Soobrazheniya N. S. Trubetskogo po povodu zapiski L. P. Karsavina "O Tserkvi, lichnosti i gosudarstve" [N. S. Trubetskoy's reasons concerning L. P. Karsavin's note of "About Church, Personality and State"]; Otvet L. P. Karsavina na pis'mo N. S. Trubetskogo [L. P. Karsavin's answer to N. S. Trubetskoy's letter]; Diskussii o Tserkvi v perepiske evraziytsev, 1925–1927 [Discussions about Church in correspondence of Eurasians, 1925–1927]. In: Kolerov M. A., ed. *Researches on history of the Russian thought: The year-book for 2001–2002*. Moscow, Publishing house "Tri kvadrata", 2002. Pp. 74–174. (In Russian)
8. Khorunzhy S. S., ed. *Lev Platonovich Karsavin*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2012. 527 p. (In Russian)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАУК ПО Н. И. КАРЕЕВУ

УДК 1(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10405

А. В. Зацепин¹, А. С. Попов²¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого²Мичуринский государственный аграрный университет

Статья посвящена вопросу классификации наук с точки зрения русского философа Н. И. Кареева, который ставил перед собой задачу установления предметного поля каждой из них и дробил их, соответственно, на две группы: феноменологические (история) и номологические (психология и социология). Для мыслителя было очевидным существование достаточно сложного взаимодействия между фактами и закономерностями разных уровней сложности, то есть менее сложные факты и закономерности порождают более сложные, которые впоследствии оказывают определённое воздействие на более простые, их породившие. Эта объективно существующая взаимосвязь законов, фактов и явлений приводила Кареева к мысли о необходимости построения частных наук, изучающих различные феномены реальности на основании особого, специфического метода, применение которого даст наилучший результат в анализе объекта исследования данной конкретной науки.

Ключевые слова: классификация наук, позитивизм, русская философия.

Aleksey V. Zatsepin¹, Aleksandr S. Popov²¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Polytechnicheskaya, 29, 195251, St. Petersburg, Russian Federation²Michurinsk State Agrarian University, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, Michurinsk, Internationalnaya Street 101, 393760, Tambov, Tambov region, Russian Federation

TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF SCIENCES BY N. I. KAREEV

The article is devoted to the classification of sciences from the point of view of the Russian philosopher N. I. Kareev, who set himself the task of establishing the subject field of each of them and divided them

¹ЗАЦЕПИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат философских наук, доцент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ZATSEPIN ALEKSEY VLADIMIRIVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the High school of social sciences, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

²ПОПОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет

POPOV ALEKSANDR SERGEEVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Michurinsk State Agrarian University

e-mail: za_lex@mail.ru¹, aspopov111@mail.ru²

© Зацепин А. В., Попов А. С., 2019

into two groups: phenomenological (history) and nomological (psychology and sociology). It was obvious to the thinker that there was a fairly complex interaction between the facts and the laws of different levels of complexity, that is, less complex facts and patterns give rise to more complex ones, which subsequently have a certain effect on the simpler ones that gave rise to them. This objectively existing interrelation of laws, facts and phenomena led Kareev to think about the necessity to construct private sciences that study various phenomena of reality on the basis of a special, specific method, the application of which will give the best result in the analysis of the object of study of this particular science.

Keywords: classification of sciences, Positivism, Russian philosophy.

Для цитирования: Зацепин А. В., Попов А. С. К вопросу о классификации наук по Н. И. Карееву // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 37–42. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10405

Русский мыслитель Николай Иванович Кареев (1850–1931) решал проблему места истории среди других частных научных дисциплин, опираясь на собственную классификацию наук. Ход его мысли следующий: окружающая действительность состоит из множества явлений, обусловленных объективными закономерностями. Сообразно с тем, на какие сферы действительности (явления либо законы) обращена познавательная активность субъекта, частные науки дробятся, соответственно, на две группы: феноменологические (история) и номологические (психология и социология).

Не вызывает сомнения, что классификация Кареева во многом повторяет классификацию Конта (принципы её разработки сходны с теоретическими установками, на которых базируется контовская классификация), однако между ними есть и определённые расхождения. Действительно, Кареев признавал абсолютно верными принципы, на которых базируется классификация наук Конта. Так, он призывал «начать социологию с изучения явлений социальной жизни по менее сложному материалу» [10, с. 9]. Вместе с тем русский мыслитель указывал и на недостатки контовской классификации. Отечественного философа, в частности, не устраивало то, что Конт, считая психологию, по всей вероятности,

составной частью биологии, не включил её в свою схему в качестве отдельного элемента. В итоге, в определённой степени опираясь на идеи Конта, Кареев разработал свою классификацию: математика, астрономия, физика, химия, биология особи, биология вида, психология особи, психология союза, социология [10, с. 9]. Определённые расхождения в классификациях Конта и Кареева имеют место не только в плане содержательном, но и в плане терминологическом. На наш взгляд, есть смысл рассмотреть их более подробно, тем более что Кареев, испытывавший влияние позитивизма, стремился разработать собственную методологию исторического знания. Отличия выражаются не только в несогласии отечественного учёного с Контом в вопросе о названии категорий наук. Основоположник первого позитивизма считал целесообразным строить классификацию на основании принципа, который можно назвать законом возрастающей сложности при убывающей общности. Согласно данному принципу, трудность обнаружения объективной закономерности находится в прямой зависимости от степени общности тех явлений, в которых она прослеживается.

В своей классификации Конт делит науки на абстрактные и конкретные. Абстрактные направлены на выявление и формули-

рование объективных закономерностей, а задачами конкретных является описание уникальных фактов. По Карееву, такие названия не соответствуют существу тех вопросов, которые они призваны решать. Он был убеждён, что «не всякая абстракция ведёт к открытию законов, и не всякое изображение предметов отличается конкретностью» [11, с. 107]. Русский историк справедливо считал, что не может быть истинной точка зрения Конта, согласно которой любую абстракцию следует рассматривать как обнаружение закономерности, определяющей естественное или социальное развитие. Он был убеждён, что исследование самых разных объектов должно осуществляться как в статике, так и в динамике. По мнению Кареева, элементы абстракции содержатся в исследовании предельно конкретных фактов, тогда как закономерность, вскрытая абстрактными науками, обнаруживается в явлениях, изучать которые призваны науки конкретные. Учёный указывал, что «в этом смысле философия истории будет в конце концов то же изображение всемирной истории, только доведённое до известной степени абстрактности» [4, с. 136]. Данное утверждение, однако, не является свидетельством того, что Кареев сводил отличия таких наук, как всемирная история и философия истории, к различному уровню бесспорно присущей каждой из них абстракции: их отличия носят, прежде всего, качественный, а не количественный характер. В науках, содержащих элемент абстракции, он выражен по-разному. Так, в истории элемент абстракции заключается в понятии развития единичного, в философии истории он сосредоточен в понимании поступательного общественного развития (то есть в теории социально-исторического прогресса), в социологии же – в представлении о законосообразности развития общего. На этом ос-

новании мыслитель предлагает новые наименования для наук, которые Контом были названы абстрактными и конкретными. В свою классификацию он ввёл понятия наук номологических и феноменологических. Кроме того, Кареев скорректировал и саму контовскую классификацию. Переименовав абстрактные науки в науки номологические, в разряд феноменологических наук он полностью включил конкретные и часть абстрактных наук контовской классификации, в задачи которых не входит обнаружение объективной закономерности. Таким образом, в трактовке Кареева философия истории понималась как абстрактно-феноменологическая наука, история – как конкретно-феноменологическая наука и социология – как наука абстрактно-номологическая.

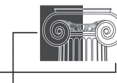
Отвечая на критику Лаврова, считавшего, что подобная классификация имеет определённые недостатки, поскольку законы не могут существовать отдельно от явлений, Кареев писал, что взаимодействие номологических и феноменологических наук заключается в так называемых номологических и феноменологических переходах «от естествознания к наукам гуманитарным». Русский мыслитель полагал, что «феноменология – вообще изучение целого ряда явлений, представляемых внешним миром. В этом ряду палеонтологические явления составляют переход от зоологических к историческим. Поэтому на палеонтологию и, особенно, на антропологию позволительно смотреть как на связь, образовавшуюся между естественно-исторической и исторической отраслями нашего знания о человеке. Вот феноменологический переход от естествознания к наукам гуманитарным» [10, с. 11]. По аналогии он рассматривал и номологический переход: «номология представляет совокупность законов, исследуемых наукой. В этой совокупности законы пси-

хологические составляют переход от биологических к социальным. Поэтому на психологию, и особенно на физиологию мысли, следует смотреть как на посредницу между биологической и социологической отраслями нашего знания о человеке. Вот номологический переход от естествознания к наукам гуманитарным» [10, с. 11]. Кареев не без оснований считал, что терминологически его классификация лишена двусмысленности контовской (наличие абстрактных и конкретных наук). На основе анализа кареевской классификации можно сделать вывод о том, что для мыслителя было очевидным существование достаточно сложного взаимодействия между фактами и закономерностями разного уровня сложности. Так, по Карееву, менее сложные факты и закономерности порождают более сложные, которые впоследствии оказывают определённое воздействие на более простые, их породившие [1, с. 10]. Эта объективно существующая взаимосвязь законов, фактов и явлений приводила Кареева к мысли о необходимости построения частных наук, изучающих различные феномены реальности на основании особого, специфического метода, применение которого даст наилучший результат в исследовании объекта исследования данной конкретной науки. Именно поэтому он, в отличие от многих своих современников, не воспринимал социал-дарвинизм как теоретическую концепцию, способную абсолютно непротиворечиво объяснить социальный характер человеческого существования. Вместе с тем позиция Кареева в отношении методологических проблем исторического познания не может механически отождествляться и с утверждением представителей баденской школы неокантианства о наличии в истории особого индивидуализирующего метода, поскольку русский историк доказывал, что в развитии историческо-

го процесса прослеживаются как социологические, так и психологические закономерности. Таким образом, абстрактные науки в контовской классификации у Кареева получили название «номологических», конкретные же отечественный историк именовал «феноменологическими».

По Карееву, целостное историческое познание предусматривает объединение усилий целого ряда социальных и гуманитарных наук под единым организующим началом философии истории. Он считал, что историческое познание не должно ограничиваться рамками одной науки, пусть даже и применяющей исключительно широкий спектр методов [3, с. 100]. Исходя из утверждения о том, что каждая наука должна строиться на основе какого-либо особого метода, историк подчёркивал, что исторический процесс является объектом исследования многих наук, которые изучают его при помощи собственного специфического метода. Отличия этих научных дисциплин не качественного, а количественного характера, их отличия заключаются в уровне абстракции, им присущем: «художественный образ и схематическое изображение, подробная биография и краткая характеристика, протокол ... однако имеют предмет феномен, будет ли то какая-либо вещь, или личность, или действие. В истории возможна целая градация от художественных картин, мелочных подробностей, длинных перечислений частных до отвлечённых схем ... ряд ступеней между конкретностью непосредственного исторического материала и абстрактностью, так сказать, его квинт-эссенции» [4, с. 136]. Заслуживает внимания разработка учёным системы наук, входящих в сферу исторического познания, на основе которой он очертил области применения тех или иных социально-исторических дисциплин и наметил их специфические зада-

чи [2, с. 110]. Объектом исследования системы исторического знания, разработанной Кареевым, был исторический процесс с его огромным разнообразием.

В связи с этим весьма насущной задачей для русского историка было установление предметного поля каждой из наук, призванных изучать историческое развитие во всех проявлениях, а также постановка вопроса о его закономерности. Наряду с этим нельзя упускать из виду и то, что мыслитель указывал на необходимость синтеза таких наук,

как социология, история и психология, для большей достоверности исторического познания [14, с. 34]. Собственно, сама система исторического знания Кареева включает теорию философии истории (историософию), теорию исторического знания (историку) и социологию, состоящую из социальной статистики и социальной динамики, но не вызывает сомнений, что принципы, положенные русским мыслителем в основу классификации наук, применялись им и при построении своей системы исторического знания.

Примечания

1. Зацепин А. В. Философские идеи в педагогических воззрениях К. Д. Ушинского : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата философских наук : 09.00.03 / Зацепин Алексей Владимирович. Москва, 2007. 16 с.
2. Зацепин А. В. Социально-правовые аспекты творчества К. Д. Ушинского // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2015. № 3. С. 108–112.
3. Зацепин А. В. Взгляд на категорию «счастье» через призму философии К. Д. Ушинского // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 1–2 (18). С. 100–101.
4. Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 304 с.
5. Кареев Н. И. Историология: (Теория исторического процесса). Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
6. Кареев Н. И. Историческая философия графа Л. Н. Толстого в «Войне и мире». Санкт-Петербург : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1888. 64 с.
7. Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 154 с.
8. Кареев Н. И. Наука о человеке в настоящем и будущем // Знание. 1875. № 5. С. 1–16.
9. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории : в 2 томах. Москва : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1883. Том 1. 456 с.
10. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории : в 2 томах. Москва : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1883. Том 2. 400 с.
11. Кареев Н. И. Основы русской социологии. Санкт-Петербург : Лимбах, 1996. 368 с.
12. Кареев Н. И. Отношение историков к социологии // Рубеж: (Альманах социологических исследований). Сыктывкар : СГУ, 1992. № 3. С. 4–36.
13. Кареев Н. И. О современном значении философии истории // Варшавские университетские известия. Варшава, 1884. № 1. С. 4–12.
14. Попов А. С. Теоретико-методологические основания социально-исторических взглядов Н. И. Кареева // Наука и Образование. 2018. № 1. С. 33.

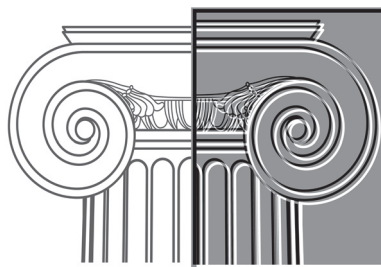
References

1. Zatsepin A. V. *Filosofskie idei v pedagogicheskikh vozzreniyakh K. D. Ushinskogo. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk* [Philosophical ideas in the pedagogical views of K. D. Ushinsky. Synopsis cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2007. (In Russian)
2. Zatsepin A. V. *Sotsial'no-pravovye aspekty tvorchestva K. D. Ushinskogo* [Social and legal aspects of the work of K. D. Ushinsky]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy]. 2015, no. 3, pp. 108–112. (In Russian)

3. Zatsëpin A. V. Vzglyad na kategoriyu “schast’ye” cherez prizmu filosofii K. D. Ushinskogo [A look at the category of “happiness” through the prism of philosophy of K. D. Ushinsky]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal [International Research Journal]*. 2013, no. 1–2 (18), pp. 100–101. (In Russian)
4. Kareev H. I. *Istoriko-filosofskie i sotsiologicheskie etyudy [Historical, philosophical and sociological studies]*. St. Petersburg, 1895. (In Russian)
5. Kareev H. I. *Istoriologiya: (Teoriya istoricheskogo protsesssa) [Historiology: (Theory of the historical process)]*. Petrograd, 1915. 320 p. (In Russian)
6. Kareev H. I. *Istoricheskaya filosofiya grafa L. N. Tolstogo v “Voyne i mire”*. [The historical philosophy of Count L. N. Tolstoy in “War and Peace”]. St. Petersburg, 1888. 64 p. (In Russian)
7. Kareev H. I. *Mysli o sushchnosti obshchestvennoy deyatel’nosti [Thoughts on the essence of social activity]*. St. Petersburg, 1895. (In Russian)
8. Kareev H. I. *Nauka o cheloveke v nastoyashchem i budushchem [The science of man in the present and future]*. *Znanie [Knowledge]*. 1875, no. 5, pp. 1–16. (In Russian)
9. Kareev H. I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii. V 2 tomakh, tom 1 [The main questions of the philosophy of history. In 2 volumes, vol. 1]*. Moscow, 1883. 456 p. (In Russian)
10. Kareev H. I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii. V 2 tomakh, tom 2 [The main questions of the philosophy of history. In 2 volumes, vol. 2]*. Moscow, 1883. 400 p. (In Russian)
11. Kareev H. I. *Osnovy russkoy sotsiologii [Fundamentals of Russian sociology]*. St. Petersburg, Publishing house “Limbach”, 1996. 368 p. (In Russian)
12. Kareev H. I. *Otnoshenie istorikov k sotsiologii [The attitude of historians to sociology]*. *Rubezh: (Al’manakh sotsiologicheskikh issledovaniy) [Frontier: (Almanac of sociological research)]*. Syktyvkar, 1992, no. 3, pp. 4–36. (In Russian)
13. Kareev H. I. *O sovremennom znachenii filosofii istorii [On the modern significance of the philosophy of history]*. *Varshavskie universitetskie izvestiya [Warsaw University News]*. Warsaw, 1884, no. 1, pp. 4–12. (In Russian)
14. Popov A. S. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sotsial’no-istoricheskikh vzglyadov N. I. Kareeva [Theoretical and methodological foundations of socio-historical views of N. I. Kareev]*. *Nauka i Obrazovanie [Science and Education]*. 2018, no 1, p. 33. (In Russian)

*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ПУШКИНА: СУДЬБЫ ГАРМОНИИ

УДК 1:82

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10406

Н. И. Неженец

Московский государственный институт культуры

В статье представлен Пушкин как пророк и мыслитель, национальный историк, воспитатель, государственный муж, который появился, когда Россия стояла на большом историческом распутье, загромождённая многими нерешёнными задачами, также анализируется его влияние на развитие литературы и философию.

Ключевые слова: Пушкин, мыслитель, философия, Россия XIX века.

Nikolay I. Nezhenets

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE AESTHETIC PHENOMENON OF PUSHKIN: THE FATE OF HARMONY

The article presents Pushkin as a prophet and thinker, national historian, educator, statesman, who appeared when Russia stood at a great historical crossroads, cluttered with many unresolved tasks, also analyzed its influence on the development of literature and philosophy.

Keywords: Pushkin, thinker, philosophy, Russia of the 19th century.

Для цитирования: Неженец Н. И. Эстетическое явление Пушкина: судьбы гармонии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 44–53. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10406

Пушкин в русской литературе – явление изначальное, первородное. Оно возникло на историческом переломе, на гребне социокультурного перепада. Россия заканчивала собиране своих территориальных, многонациональных сил. Но она ещё не раскры-

лась духовно, не развернулась в самой мысли о необходимости в стране хозяйственно-бытовых перемен, не распахнула всей мощи и красоты своего языка. Она даже не обозначила чётких граней своего культурно-смыслового пространства.

НЕЖЕНЕЦ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры литературы факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

NEZHENETS NIKOLAY IVANOVICH – Full Doctor of Philology, Professor of the Department of literature, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: klit@mguki.ru
© Неженец Н. И., 2019

Русская интеллигенция едва почувствовала своё дыхание в общественной жизни, а уже начала «литературно западничать» [4, с. 622]; властно закреплявшее себя дворянство ещё не обрело самостоятельного разума, а уже утрачивало в себе веру и готовилось идти на поклон и брать «уроки чистого афеизма» у заезжих вольтерьянцев. Наиболее либеральные его представители, сверхсословно готовясь к реформам, поторопились даже объявить себя «солью земли» и захотели ограничить права монарха.

Россия стояла на большом историческом распутье, загромождённая многими нерешёнными задачами, когда ей в качестве национального историка, воспитателя, государственного мужа был прозорливо ниспослан поэтический гений, пророк и мыслитель Пушкин.

История литературы, как известно, процесс живой, вполне естественный: умирает Пушкин, появляется Лермонтов, и тут же громко заявляет о себе в прозе Гоголь... Постепенно складываются особенности новой русской литературы: она становится трибуной, с которой общество намечает решать свои нравственно-бытовые и философские проблемы. В писательской среде настойчиво забродила идея гармонического миростроения, и внимание соработников сосредоточилось на Пушкине.

Однако отношение к нему было далеко не однозначным. Белинский попытается совместить явление Пушкина с явлением целой русской литературы, но всё-таки заговорит о «гоголевском периоде» в литературе русской. Столь же противоречиво примется уточнять эту мысль Достоевский: Пушкин – явление чрезвычайное; но все мы вышли из гоголевской «Шинели».

Уже в середине столетия интерес к Пушкину заметно ослабевает.

Лев Толстой, кстати не особенно поощрявший занятие поэзией, однажды отозвался о национальном поэте с явным отчуждением: «стихи Пушкина умерли совсем» и теперь они для народа нужны разве что «для сигарки» [7; т. 18, с. 706]; и далее: «Пушкин мне смешон» [5; т. 18, с. 708]. Ещё решительнее о нём высказался Д. И. Писарев в статье «Пушкин и Белинский», написанной в 1865 году в Петропавловском остроге. Он с «демократической» невозмутимостью назвал поэта «устарелым кумиром» и предлагал читателю, не жалея, «бить его налево и направо» [6; т. 3, с. 340–341].

И тем не менее и в 1860-е, и в последующие годы в обществе положительно припоминалось гоголевское: «Пушкин – явление чрезвычайное и, может быть, единственное...» [2; т. 7, с. 260]. Достоевский, завершая свою речь о Пушкине в 1880 году, произнесёт с художественным сожалением: «Он унёс с собою тайну, и теперь мы эту тайну разгадываем» [3; т. 7, с. 542]. Пушкин, по Достоевскому, всечеловечен; он обладал соборно-русским умением откликаться на все явления вселенской жизни.

Принято считать, что Пушкин жил в прекрасное время. Оно, собственно, и характеризовалось явлением в нём Пушкина, а после него – Лермонтова и Гоголя. Но что же в действительности было в ту пору прекрасного?..

Да ничего особенного. Духовно-этические своды России воссоздавали тогда жёсткий сторонник негуманитарного образования (он же министр просвещения) А. Н. Голицын, непреклонный до строгости охранитель православного верования архимандрит Фотий (в миру – Пётр Никитич Спасский), всесмотрящий военный министр А. А. Аракчеев. Надо сказать, грубоватая «аракчеевщина» и страшила, и смешила поэта, так что однажды он даже выплеснул

своё чувство в едкой эпиграмме, назвавшей министра «грощёвым солдатом».

Смягчился в своём отношении к Пушкину и Николай I. В конце августа 1826 года поэт был вызван из ссылки к царю. Пушкина привезли в Комендантское управление Москвы; беседа протекала в Малом Николаевском дворце, примыкавшем к Чудову монастырю, и продолжалась более полутора часов. Вечером того же дня Николай Павлович признался графу Д. Н. Блудову: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?» На вопрос Блудова император ответил: «Это был Пушкин» [1, с. 808].

«Великим мыслителем» назовёт Пушкина Проспер де Барант, французский посол в Петербурге, публицист и писатель, автор известных «Записок о России».

Но на исходе 1820-х годов Пушкин значительно изменился. Он казался себе в поэзии менее свободным, чем прежде, и часто жаловался, что молодость уходит, талант увядает и вдохновение отстранённо покидает его, так что «лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят» («Евгений Онегин», гл. VI, с. 353).

Эпикурейская натура поэта, конечно, брала верх. В Пушкине невольно пробуждается тяготение к общечеловеческим проблемам, что особенно выразилось в его «маленьких трагедиях», написанных болдинской осенью 1830 года. Впрочем, Гоголь отмечал и более значительное в поэте. По его мнению, певец наполнился воистину всечеловеческой мудростью в заключительной главе «Евгения Онегина», в поэме «Медный всадник» и прозаическом романе «Капитанская дочка».

Пушкин, однако, не сделался ни учителем России, ни проповедником, как Лев Толстой. Он неуклонно уходил в священный храм поэзии, с глубочайшим убеждением

говоря себе: «Ты царь: живи один ... Ты сам свой высший суд» [7, с. 160].

Пушкин, при всей своей всеобъемлющей художественной высоте, не пошёл к униженным и обиженным, как это сделал позднее Николай Некрасов. Ещё в пору своей юношеской революционности в стихотворении «Деревня» (1819) он ещё мог указать перстом на несовершенство сословных отношений в России и снисходительно поразмыслить о «рабстве, падшем по манию царя». Но затем он навсегда отодвинется от проблем, выдвигаемых крепостным миростроем; его жизненным уделом неотступно станет искусство литературы и её национального языка.

Что стало предметом его поэзии? «Всё, – скажет Гоголь, – и ничто в особенности ... всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска ... всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия» [2, с. 264]. Стих Пушкина объёмлет небо и землю, историю и быт мирской; в нём дух человеческий духовно смыкается с дыханием Творца. Поэт опевал русский мороз, и бурные всплески вьюги, и по-осеннему тихое увядание природы – «в багрец и золото одетые леса». Слово поэта дышало, пело, мылило, излучая свет и радость бытия. Пушкин как бы говорил, обращаясь к русскому славянству: смотри, человек, как прекрасен мир!.. и ты счастлив, что родился и живёшь в нём.

Любовь к существу, к явлению человека в нём у Пушкина поднимается до высоты неизбывной божественной милосердности, которой судьбоносно суждено подмять даже собственное чувство во имя счастья другого (а точнее, другой). Получив отказ в семье аристократа А. И. Оленина (поэт сватался к Анне, его дочери, в 1829 году), он с умудрённой горечью произнесёт в своём последнем послании к очаровательной избраннице:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим
[7, с. 160].

И тут же в другом стихотворении («Брожу ли я вдоль улиц шумных») поэт объяснит своё видение сущности человеческих связей и гармонии мира, оборванной в искусстве слова после Гомера:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять [7, с. 155].

Белинский с присущей ему бунтарской непреклонностью заметит: Пушкин не принадлежит исключительно ни к какому учению; он художник, стремившийся быть гражданином Вселенной. Позднее Достоевского также поразит всемирная отзывчивость поэта, его способность проникать в души самых разных народов, так что во Франции он француз, в Испании – испанец, в Италии – итальянец.

В поэзии Пушкина нет трагико-драматического разлома жизни. Мотивы любви, дружбы, обыденных устремлений и радости легко и непринуждённо ложились в его стих, так что всё под пером певца озарялось светом нормального естества и духовности. Поэт мог чем-либо огорчиться, опечалиться, но его чувства, мысли, переживания непоколебимо сохраняли в себе жизненную веру в добро, красоту и истину. Печаль оказывалась недолгой и «светлой», сердечное уныние и скука бесследно вытеснялись душевным расположением к сущему, и внутреннее волнение нетревожно соединялось с возвышенным интересом к себе и миру. Неизбывное занимательное, особенное виделось ему и в собственном стихе, и в том, что его окружало, с чем соприкасался его божественно глубокий ум. Художническое сознание по-

эта, гармонично совмещаясь с миром, творя и воспроизводя его содержание, становилось его поэтической историей.

Пушкин, подобно Александрийскому столпу, возвышался в России, но столь же высоко он вознёсся и в мире европейском. Его духовная чистота, цельность и широта натуры объективно-возвышенно выделяли его среди всех поэтов, что жили дотопе на земле. Он возвратил европейской литературе идею гармонии, воспетую у самых культурных истоков Гомером, но вскоре утраченную надолго, на целые тысячелетия после него. Пушкин совместил всечеловеческое согласие с мыслью семейной, положив последнюю в основание мирской жизни.

Мысль семейная, изошедшая из гомеровской «Илиады», собственно, была сначала угадана, а затем существенно разгадана им и скреплена, связавшись навсегда с традицией русского духа. Татьяна, отвергнутая Онегиным в деревне, но привлёкшая его внимание в Петербурге, когда сделалась столичной красавицей и женою «старого» князя, даёт решительную отповедь избраннику сердца:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна [7, с. 370].

В поэме «Медный всадник» мысль семейная, естественно сращенная с пошатнувшимся в горе сознанием Евгения (в наводнении погибла его невеста), подталкивает безумного к бунту против «виновника» несчастья, чей образ властно запечатлён в камне: «Ужо тебе!...» [7, с. 307]. А в романе «Капитанская дочка» идея согласной семьи ценностно утверждается самыми различными по мироотношению персонажами – от мелкого перебежчика Швабрина и честного «вора-бунтовщика» Пугачёва до безза-

ветно преданных государевой присяге капитана и «капитанши» Мироновых и величественно правящей Россией императрицы Екатерины II.

Творчество Пушкина со временем наполняется высочайшей этико-эстетической гуманностью и мудростью. Скупой Барон у него выведен в несколько опозитивированном свете: Барон скуп, но художественно скуп. Вот он отпирает сундук (шестой сундук, ещё не полный) и высыпает в него окропленные слезами золотые монеты: «Вот моё блаженство!.. Я царствую!» [7, с. 440]. И Сальери, подсыпавшего яд гению, Пушкин снисходительно поймёт и, кажется, простит... Его Моцарт простодушно убеждён, что «гений и злодейство две вещи несовместные»; и Сальери мучительно задерживается на этой мысли, решительно перечёркивающей всё его ординарное дарование и неусыпный труд: «ужель он прав, и я не гений?..» [7, с. 446].

Пушкин, обладавший артистической натурой, искренне полагал, что цель поэзии – сама поэзия, ибо в ней, и только в ней, заключена недосыгаемо высокая, облагораживающая идея. Впрочем, Белинскому это покажется некоей искусно придуманной завесой, за которую поэт намеренно хочет спрятаться от духовных запросов общества; потому-то он и останется разве что навсегда избранным повелителем в искусстве.

Время артистизма, оваянное гармонией артистической художественности в поэзии, уходит вместе с Пушкиным. Тотчас явился Лермонтов – и русское сознание неизбежно наполнилось дерзким, неуступчиво юношеским бунтарством; лирический герой, скрытый в образе одиноко «белеющего паруса», захотел вдруг бурного всплеска и волн, «как будто в буре есть покой» [5, с. 143].

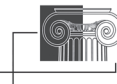
Одновременно русская словесность озаряется явлением Гоголя: тут один гений вы-

тесняет другого гения... Заметим, уже с публикацией психологического романа Лермонтова («Герой нашего времени», 1840) проза Пушкина («Повести Белкина», «Капитанская дочка») покажется прозрачной, так что писать далее по-пушкински было как-то неприлично.

Ещё более психологически сочной и синтаксически усложнённой предстанет проза Гоголя в его «Мёртвых душах» (1842). Гоголь круто повернул русскую литературу с пути художественного на путь философически-нравственный, психологически противоречивый, отчего в ней идея гармонии податливо уступила дисгармоничности и бунтарству. По существу, с Гоголя началась широкая дорога в область мировой литературы. Уточним, в поэзии Пушкина мировая художественная мысль впервые склонилась на русскую сторону; с явлением же Гоголя она окончательно закрепилась на русской стороне на целых два столетия.

Гоголь, несомненно, нарушил (утраченную вскоре после Гомера и восстановленную Пушкиным) идею гармонического мироощущения. Он подхватил русскую литературную мысль, составленную в свете эстетически выдержанной красоты и добра, и понёс её в неведомые дали социально-бытового и психологически-смыслового драматизма. Гоголь, в существе своём, заменил светлое, дневное сознание Пушкина собственным, сумрачным и ночным. Гоголь – это первый больной, первый болезненный мученик в нашей староклассической литературе.

Большая русская литература вышла из гоголевской «Шинели». Достоевский был потрясён обидой Акакия Акакиевича, с какою он воспринимал усмешки своего товарища по присутственному месту: «Оставьте меня, – говорил он, отходя от него на шаг-другой и поворачиваясь к нему лицом,

– зачем вы меня обижаете?.. Я брат твой» [2; т. 3–4, с. 111].

Проблема личности в новой русской литературе начинается с Гоголя. Андрий в «Тарасе Бульбе» бросает отца, брата, своих товарищей – и ничуть не испытывает угрызения совести. Он говорит «паночке»: «Отчизна есть то, чего ищет душа наша ... Отчизна моя – ты ... И понесу я Отчизну эту в сердце моём, пока станет моего веку...» [2; т. 1, с. 269]. И в «Невском проспекте» прекрасная, очаровательная красавица предстаёт в порочном свете ... Комедия «Ревизор» не вызвала никакого морального сдвига в русском обществе. И писатель, гася в себе огорчение, понял это и обратился к религии, безуспешно пытаясь свести вместе эстетическое и моральное начала («Выбранные места из переписки с друзьями», 1846). И, конечно, Гоголь окончательно впал в конфликтное состояние между моральным учительством и эстетической склонностью. Быть может, поэтому он сжигает второй том почти завершённых «Мёртвых душ», что явилось актом его величайшей творческой честности.

Но это было озарение художника, но не прозрение. «В самом деле, – пишет Гоголь к Жуковскому, – не моё дело поучать, моё дело – образы» [2; т. 9, с. 437].

Только Достоевскому удалось соединить в себе пророческий дар с художественностью. Его ищущий дух нацеленно проникал в сумеречную область диких страстей человека, в его стихийное устремление изведать таинственно-неизведанное и, осознавая всю непостижимость затеянного дела, пытался постигнуть и объяснить скрытое в существе человеческом себе и всему миру.

Достоевский исследовал неведомое, душевное, стремясь образно обрисовать переживания и муки человека на его пути к надмирно-высокому, абсолютному. Он ставил вопросы естественные и извечные, которые,

кстати, Пушкину казались ясными, а жестокой совести Достоевского доставляли неисчислимым терзание: есть ли смысл в земном бытии? Зачем человеку дана жизнь и в чём существо его страданий?

Заметим, Гоголь старался ввести в своё художественное письмо образные типы человеческого характера (Хлестаков, Чичиков, Ноздрёв, Собакевич). Толстой, напротив, тяготел к изображению характера как такового; его интерес сосредоточивался на умении покопаться в его психологии, естественно совмещённой с жизнью обыденной в орбите истории всемирной (Кутузов, Наполеон, Андрей Болконский, Пьер Безухов). А у Достоевского ... Достоевский интересовался личностью.

Личность в сравнении с характером – явление нечто более обобщённое, внутренне укрупнённое. Она выступает всеобъемлюще философическим представлением жизненных идей народа, нации, человечества в целом (Родион Раскольников, Настасья Филипповна, Иван и Алёша Карамазовы). Достоевский пытался вплотную подобраться к идее и свету Бога в стихии мирской; и ему нередко чудилось, что он подходил к Нему очень близко, судьбоносно и личностно вычерчивая своё трагико-романное пространство в неизбывном и вечном.

Толстой воссоздавал эпос, родственно близкий к его древним очертаниям. В 1868 году, завершив вчерне работу над эпопеей «Война и мир», он записывает в дневнике: «Без ложной скромности, это почти как “Илиада”» [8; т. 17–18, с. 674]. Достоевский же обратился к традиции словесного искусства более позднего времени, каким оно сложилось через два с половиной тысячелетия после Гомера в сатирико-драматической прозе Рабле и трагическом романе Сервантеса. Есть основание, что трагедийное письмо «Преступления и наказания»,

«Идиота», «Братьев Карамазовых» связывалось также со смысловым контекстом старобиблейского и «Нового Завета».

Надо сказать, столкновение личности с миром всегда трагично. Оно разрушительно ломает традиции, неуклонно предлагает умственное решение (и сердечное тоже) гипотетической проблемы о смысле жизни и её направленности. По существу, толстовский эпический характер вырос в орбите трагедийной романистики Достоевского до граней личностного содержания.

Художественная мысль Пушкина, таким образом, в своём историко-литературном движении дисгармонично разошлась, расщепилась. Одна, гоголевская, ветвь совместилась с глубочайшими раздумьями Достоевского о существовании личностного содержания человека, его духовно-нравственной неисчерпаемости («Братья Карамазовы», 1880). Другая, лермонтовская, поддерживая в себе традиционно-опоэтизированное основание сущего, стала заземлённо-гармоническим, «домашним способом» срастись с человеческим характером и его историей в эпопее Толстого «Война и мир» (1868). И обе линии, толстовская и достоевская, то образно совмещаясь, то резко расходясь, через художественные всплески в прозе Лескова, Чехова и Горького, устремились в литературно-драматическое пространство XX столетия.

Герои Достоевского весьма самобытны, но не в такой мере, как у Толстого. Чувство любви в повествовании Достоевского непременно прикреплено к чему-то конкретному, к предметно-малой родинке, отчего почти невозможно представить себе эволюции душевного движения. Герои, внутренне повязанные священным чувством, часто разделены расстоянием и вынуждены наблюдать друг за другом издали. Это и «оберегает» их в своей психологиче-

ской неповторимости и цепко схваченной индивидуальности.

Сюжетное действие Достоевского обычно складывается непринуждённо, через называние скандальных ситуаций. В основании скандала, как правило, избирается смысловой протест, очень часто направленный против чего-то благоразумного, традиционно устоявшегося. Герои Достоевского извечно находятся в непосредственном несогласии с обществом. Они со всей решимостью вступают в противоборство с миром и даже с Богом. Кириллову в романе «Бесы» (1873), решившему заявить своеволие, вдруг подумалось, что высшее воление закреплено не только за небесным Духом, но ещё и за ним самим, и, может быть, за ним в большей мере, чем за Творцом, и он берёт ружье, запирается с ним в комнате, гасит свет – и стреляется. Бог дал ему жизнь, а он, согласно собственному своеволию, отказывается от неё... В другом романе, в «Подростке» (1877), глава семейства, безусловно, знает, что иконописное явление Христа наделено особой, священной значимостью в русском православном сознании, а он, Версилов, на глазах жены и детей, вынимает из «святого угла» икону и с размаху хлопает ею о пол.

По существу, трагедийные романы Достоевского сюжетно и складываются как «преступление и наказание». Их герои не осознают (или, скорее, не признают) своих общественно-нравственных проступков. Они ниспровергают вековые законы и взамен измышляют новые, так что «преступление» в их «противомирском» действе становится своеобразной формулой бунта, восстания «взыскующей личности» [9, с. 2]. И Кириллов, и Версилов, и Иван Карамазов мучаются, страдают и, страдая, полагают, что они отвергают разве что несовершенные правила общества, а в действительности

безнравственно крошат и ниспровергают закон верховный, надмирно-абсолютный.

Что же могло бы привести человека к безусловным граням нравственной умиротворённости? Основанием столь положительно необходимого действия, по Достоевскому, является несомненное осознание им собственной православной сущности как нечто высшего, надмирно заданного человеку, полностью исключаящего в нём всякую склонность к принципу «всё дозволено». Именно духом высшей совести живут и Дуня, и Соня, и мать Раскольникова. На совесть от Бога полагается в конечном счёте и сам Родион Раскольников, уже будучи каторжником, узревший на другом берегу Амура кочевых нанайцев, извечно живущих в своём незапачканном согласии и мире.

Кстати, в самом преступлении Раскольникова словно сходятся два мотива: сознательный, по-наполеоновски подталкивающий человека к эгоистической идее «сходить попробовать», и внутренне-совестливый, подсознательно осуждающий это действие. Раскольников готовится совершить преступление как бы автоматически, заранее чувствуя всю его дикую нелепость и ненужность и всем существом понимая страшный ад, куда затем будет брошена его тёмная душа. И ещё до преступления Раскольников начинает осуждать себя, и от того, что он осуждает себя прежде, чем взяться за топор и опустить его на голову старухи, становится возможным его евангельское воскрешение.

Путь к душевному равновесию через воскрешение слова Божеского в человеке сделался неотступной идеей многих писателей в русской литературе. Впрочем, Н. Г. Чернышевский атеистически придерживался другого решения, предлагая идти к общественному согласию на основе «разумного эгоизма». Его Лопухов уступает свою

жену другу Кирсанову, потому что тот любил её и она также в своём сердце склоняется к нему.

Достоевский решительно вынашивает собственное видение темы. Этим он самым неговорчивым образом выбивается из общего художнического русла в русской литературе его времени. Все писатели словесно-философически вошли в русло её: Толстой, Гончаров, Тургенев, Чехов, Лесков, – но только не Достоевский; его там нет.

Конечное духовно-нравственное слово было сказано Достоевским в последнем своём романе «Братья Карамазовы» (1878–1880). Писатель предложил в нём идею спасения человечества через «иночество в миру». На роль православно-христианского поводыря выдвигается Алёша Карамазов, который и должен был стать главным героем намеченного образного действия. Он убеждённо и покорно приемлет мысль старца Зосимы. А она положительно проста и жизненна: не надо излишне закидывать сети в бытие мирское и выуживать оттуда человека чистого, чтобы затем поселить его в скиту. Зосима не осуждает человека за то, что он проходит мимо храма. Грех, по старцу, явление всемирское, так что в жизни земной «всякий пред всяким виноват» [3; т. 6, с. 330].

Достоевский осуждает умерщвление плоти в скиту. По его мысли, иночество в скиту больше разъединяет людей, а вовсе не объединяет. Объединить их можно разве что через религиозную общность. Достоевский, выражая духовную направленность человечества, по-пушкински прикоснулся к его гармонии во Вселенной; она определилась в его формуле: «все – к Богу, и всё – через Бога» [3; т. 6, с. 345].

Алёше предстоит грязное соединить с чистым. Он способен к такой миссии, так как сам является плодом нечистоплотных блужданий греха. Он всем сочувствует, всех

умиротворяет, но не принимает непосредственного участия в деле. С Алёшей не может случиться грехопадения: он не разорвал нитей с церковно-религиозной общностью. А вот братья его порвали все связи с нею; они атеисты – и Дмитрий, и Иван, и Павел Смердяков. Впрочем, Дмитрий ещё колеблется пред Богом в себе; но не Иван и не Павел: эти земные «насельники» навсегда отстранились от Его духа и света.

Достоевский положительно оценивает жизненный подвиг Великого Инквизитора, собравшего всех людей в «единый и согласный муравейник» и тем самым заменившего «чудо» Христа. Человек, в представлении старца-правителя, «слаб и подл»; он «низко пал», так что захотел теперь только «есть» [3; т. 6, с. 279]. Инквизитор заставил его выпрямиться, собраться с силами, превратить «камни в пустыне в хлебы» и накормить ими людей. Но Достоевский осуждает его чрезмерно разросшуюся мирскую власть, приведшую к изгнанию Христа из жизни земной.

Здесь и произошло расхождение его линии с образным видением Льва Толстого. Он противоречиво принимал и не принимал идеи «яснополянского учения». В 1877 году он прочёл роман «Анна Каренина» и в статье, посвящённой его проблематике, заметил, что это великое произведение; но оно расходится с его идеей, потому что оно совсем «не то».

В свою очередь, Толстой почти теми же словами характеризует творческие воззрения Достоевского. В 1868 году он читает его роман «Идиот» и в дневнике записывает: «Всё это правильно; но всё это не то». И далее прибавляет: «Достоевский не умеет писать; стиль его неряшливый» [8; т. 19–20, с. 745, 746].

Эти два великана русской и европейской литературы так ни разу не встретились и

не поговорили друг с другом. Даже оказавшись вместе в здании Дворянского собрания в 1880 году, где проходили торжества в связи с открытием памятника Пушкину, они не сблизятся, не обмолвятся ни единым словом; Толстой, отстранённо прослушав известную речь Достоевского, произнесёт тогда: «Это совсем не то...» [8; т. 22, с. 366].

Толстой мудро узрит у Пушкина идею семейного и бытового согласия и сделает её основанием своей поэтики. Собственно, в эпопее «Война и мир» она совместится с гармонией Гомера, а затем, также по-гомеровски (от «Илиады» к «Одиссее»), продолжит своё движение далее, к трагико-драматическим граням «Анны Карениной».

И Достоевского, и Толстого, по сути, занимала одна и та же общественно-нравственная тема, обусловленная необходимостью гармонического устройства мира. Однако решения, предлагаемые ими, оказывались взаимоисключающими: писатели по-разному оценивали существо человека. Достоевский полагал, что человек в своём несовершенстве очень низко пал, так что теперь, чтобы с ним и для него выстроить нечто единое и благородно-полезное, его прежде надо духовно-психогически (и социально) поднять, и, поднимая, встряхнуть, а встряхнув, основательно почистить. Толстой, напротив, утверждал, что человек современный заносчиво-высоко поднялся и поэтому его в интересах общественного лада необходимо опустить. Его Нехлюдову пришлось оставить своё беззаботно-привычное дворянское положение и заняться судьбою простолюдинки Катерины, которую он некогда обманул и тем самым подвёл её к преступному состоянию и каторге («Воскресение»).

«Взыскующе»-мятежная совесть Достоевского и не менее мятежная и взыскующая у Толстого сменяется к исходу столетия бо-

лезненно-озабоченным вниманием к человеку у Чехова. Но в новом, XX, веке идея совести неожиданно обернётся суровым от-

рицанием сущего в творчестве Горького и жестокой мстью за происходящее в трагической прозе Шолохова.

Примечания

1. Андреев Л., Бразоль Б. А. С. Пушкин // Русская литература : энциклопедия / под ред. О. А. Платонова ; [сост. А. Д. Степанов]. Москва : Энциклопедия русской цивилизации, 2004.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 9 томах. Москва : Русская книга, 1994. 864 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 8 томах. Москва : Лексика, 1996.
4. Ильин И. А. А. С. Пушкин // Русское мировоззрение / [предисл. О. Платонова]. Москва : Энциклопедия русской цивилизации, 2003.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 2 томах. Москва : Правда, 1988.
6. Писарев Д. И. Собрание сочинений : в 4 томах / [подготовка текста, вступ. статья и примеч. Ю. С. Сорокина]. Москва : Гослитиздат, 1955–1956.
7. Пушкин А. С. Сочинения. Москва : ГИХЛ, 1949. 952 с.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 томах / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др. ; коммент. А. В. Чичерина]. Москва : Художественная литература, 1978–1985.
9. Шibaева М. М. Традиция «взыскующего сознания» // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика : коллективная монография / под ред. Е. В. Мареевой, Н. В. Синявиной. Москва : МГИК, 2018.

References

1. Andreev L., Brazol B. A. S. Pushkin In: Platonov O. A., ed. *Russkaya literatura: entsiklopediya [Russian literature: encyclopedia]*. Moscow, Published by Encyclopedia of Russian Civilization, 2004. (In Russian)
2. Gogol N. V. *Sobranie sochineniy. V 9 tomakh [Collected Works. In 9 volumes]*. Moscow, Publishing house "Russian Book", 1994. 864 p. (In Russian)
3. Dostoevsky F. M. *Sobranie sochineniy. V 8 tomakh [Collected Works. In 8 volumes]*. Moscow, Publishing house "Leksika", 1996. (In Russian)
4. Ilyin I. A. A. S. Pushkin. In: Platonov O. A., ed. *Russkoe mirovozzrenie [Russian worldview]*. Moscow, Published by Encyclopedia of Russian Civilization, 2003. (In Russian)
5. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy. V 2 tomakh [Collected Works. In 2 volumes]*. Moscow, Publishing house "Pravda", 1988. (In Russian)
6. Pisarev D. I. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh [Collected Works. In 4 volumes]*. Moscow, State Literary Publishing House, 1955–1956. (In Russian)
7. Pushkin A. S. *Sochineniya [Works]*. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1949. 952 p. (In Russian)
8. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy. V 22 tomakh [Collected Works. In 22 volumes]*. Moscow, Publishing house "Hudozestvennaya literatura", 1984. (In Russian)
9. Shibaeva M. M. Traditsiya "vzyskuyushchego soznaniya" [The tradition of "exacting consciousness"]. In: Mareeva E. V., Sinyavina N. V., eds. *Camoopredelenie Rossii v mirovom kul'turnom prostranstve: iskusstvo, religiya, politika: kollektivnaya monografiya [Self-determination of Russia in the world cultural space: art, religion, politics: collective monograph]*. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2018. (In Russian)

*

РУССКАЯ УСАДЬБА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10407

М. А. Полякова

Российский государственный гуманитарный университет

Статья посвящена проблеме изучения русской усадьбы как историко-культурного феномена. В статье выявлены и охарактеризованы основные этапы её изучения. Рассмотрены истоки этого процесса – начало XX века, когда сохранение и изучение русской усадьбы впервые были представлены научной проблемой. Опираясь на конкретные научные исследования, автором рассмотрены не только история, но и современные направления изучения русской усадьбы. В статье подчёркивается междисциплинарный уровень трудов последних десятилетий, в которых усадьба рассматривается системно: как картина мира, «культурный ландшафт». Автор делает вывод, что при достаточно обширной историографии русской усадьбы, при востребованности её в различных областях гуманитарного знания, процесс её изучения бесконечен. Основания для этого – выявляемые новые источники, применение новых научных технологий.

Ключевые слова: русская усадьба, «усадебный текст», «культурный ландшафт», «просвещённый заказчик», актуализация усадьбы, виртуальная музейная публикация.

Marta A. Polyakova

Russian State University for the Humanities, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Miusskaya sq. 6, 125993, Moscow, Russian Federation

THE RUSSIAN COUNTRY-ESTATE AS AN OBJECT FOR HISTORICAL AND CULTURAL RESEARCH

The article deals with the problem of researching of Russian country-estates as a historical-cultural phenomenon. The main phases of researching of Russian country-estates are exposed and characterized in this article. The source of its process, when conservation and researching of Russian country-estate were represented as an scientific problem for the first time, is analyzed by the author. Based on specific scientific research the author explains not only historical perspective, but the current trends in research of Russian country-estates. The author focuses on the important role of interdisciplinary scientific works of the latest decades, in which the Russian country-estates is considered as a part of a larger picture, as a “whole scheme of things”. The author comes to a conclusion that the process of study is endless whereas comprehensive historiography of this theme. New source and know-how can be the basement for this process.

Keywords: the Russian country-estate, cultural landscape, educated patron, actualization of country-estate, virtual museum publication.

ПОЛЯКОВА МАРТА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета

POLYAKOVA MARTA ALEKSANDROVNA – Ph.D. (History), Professor of the Department of Museology, the Russian State University for the Humanities

e-mail: martapolyak@yandex.ru

© Полякова М. А., 2019

Для цитирования: Полякова М. А. Русская усадьба как объект историко-культурного изучения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 54–59. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10407

Литература о русской усадьбе достаточно обширна. Мы сегодня пишем об особой области гуманитарного знания междисциплинарного уровня – «усадьбоведении». Усадьба стала привлекательным объектом исследования самых разных специалистов – искусствоведы и архитекторы изучают её как многогранное художественное явление; культурологи рассматривают её широко – как «модель или картину мира»; историки и теоретики литературы пишут об «усадебном тексте» или «усадебном топосе». Хронологический охват материала также достаточно широк – от XVII века вплоть до наших дней, то есть это довольно продолжительный период в несколько веков, с разной степенью полноты обеспеченный источниками, как письменными, так и артефактами. Историографический аспект изучения усадьбы привлекал многих учёных, есть ряд работ по этой проблеме [4; 7; 8; 9]. Во многом подведение итогов в изучении русской усадьбы связано с юбилейными датами Общества изучения русской усадьбы: в каждом юбилейном сборнике охарактеризованы работы членов этого общества [8; 11].

Первенство в изучении русской усадьбы по праву принадлежит искусствоведу Николаю Николаевичу Врангелю (1882–1915). Его искусствоведческих работ не так уж много: за свою короткую жизнь ему не удалось в полной мере реализовать себя как учёного-искусствоведа. В изучении же русской усадьбы это имя занимает важное место, так как его статья «Помещицья Россия» открывает начало исследования этого уникального историко-культурного национально-феномена. Это уже не просто «бытописание» той или иной усадьбы, это постановка

принципиально важных научных проблем. Учёный предлагает периодизацию усадьбы, выделяя пик её развития (вторая половина XVIII века – XIX век) и падение – в начале XX века. После крестьянской реформы, по мнению Врангеля, русская усадьба начинает умирать. Среди многочисленных причин упадка усадьбы (Отечественная война 1812 года, пожары) он выделяет русскую национальную черту – «неряшливость, безразличие ко всему, небрежность». «Русские люди сделали всё возможное, чтобы исковеркать и затереть следы старой культуры, – писал он. – С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свели на нет всё, что создали их предки» [1, с. 9–10]. Осмотрев 26 подмосковных усадеб, он впервые поставил вопрос о важности изучения внутренней, интимной жизни усадьбы: для него это было важнее, чем восхваление парадных архитектурных форм. Им вводятся в научный оборот такие понятия, как «крепостное искусство», «усадебное искусство».

Исследование русской усадьбы как феномена продолжает Юрий Иванович Шамурин, который, исследуя подмосковные усадьбы (Кусково, Архангельское, Царицыно, Ярополец, Белая Колпь и другие), выделяет этапы формирования отношения к усадьбе [16]. Едкая ирония и сатира (вспомним «Мёртвые души» Н. В. Гоголя) середины XIX века сменяется печалью и ностальгией по гибнущим дворянским гнёздам конца века. В начале XX века усадьба вызывает эстетический интерес искусствоведов. Многочисленные публикации в журналах «Старые годы», «Мир искусства», «Столица и усадьба» – яркий тому пример.

Важным этапом в изучении усадеб стало создание в 1922 году Общества изучения русской усадьбы, во главе которого стоял молодой искусствовед Владимир Васильевич Згура [5]. Общество объединяло специалистов различного профиля из Академии художеств, Академии наук, Московского университета, Академии истории материальной культуры. Можно вспомнить имена Б. Р. Виппера, А. И. Некрасова, Ю. П. Анисимова, С. А. Торопова, М. А. Ильина, Г. А. Новицкого и других. Общество изучало усадьбу в основном как памятник искусства (архитектуру, сады и парки, театр, живопись и скульптуру), хотя история и быт также входили в число изучаемых проблем.

В. В. Згурой было введено понятие «усадьбоведение» (архитектура, сады и парки, их стилистическая взаимосвязь), в отличие от «усадьбоописания», – исчерпывающее изучение всего художественного и бытового материала, находящегося на усадебной территории (библиотеки, интерьеры). Учёным был даже подготовлен проект создания Института усадебоведения. ОИРУ издавало свои труды (тоненькие книжечки на газетной бумаге, которые сейчас являются библиографической редкостью), планы экскурсий [14]. Члены общества работали над текстами путеводителей по подмосковным усадьбам. В 1925 году было издано 6 выпусков, посвящённых Кускову, Останкину, Архангельскому, Никольскому-Урюпино, Остафьеву, Муранову, Ольгово и другим.

В последующий период (1930–1970-е годы) усадьба изучалась в прежних временных границах, причём выделялось искусствоведческое направление исследований. Многие усадебные ансамбли были разрушены как в 1930-е годы, так и в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на огромные потери в усадебном наследии, совет-

ский период его изучения был очень важным. По словам М. В. Нащокиной, «именно в советский период усадьба была впервые осмыслена как архитектурный ансамбль и в этом качестве попала во все хрестоматии и многотомники по русскому искусству и архитектуре» [8, с. 12]. Имён искусствоведов и архитекторов, изучавших усадьбу как яркое художественное явление, довольно много (М. А. Ильин, О. С. Евангулова, И. Л. Бусева-Давыдова, Т. П. Каждан, Р. М. Байбурова и другие).

С возрождением в 1992 году Общества изучения русской усадьбы процесс исследования усадебного наследия заметно активизировался. Об этом свидетельствуют ежегодно проходящие научные конференции по самым разным проблемам, а главное – публикация материалов этих конференций в научных сборниках «Русская усадьба». На сегодняшний день издано 25 выпусков сборника, материалы которых представляют собой широкую картину изучения этого национального феномена.

Сегодня Обществу изучения русской усадьбы 27 лет. Его деятельность – это важный, достаточно плодотворный этап в исследовании русской усадьбы. Усадьба, как и прежде, активно изучается искусствоведами. Архитектура, театр, живопись, садово-парковое искусство – вот неполный перечень тем, который исследуются специалистами. Фундаментальных работ и научных статей достаточно много. Среди имён специалистов можно назвать Б. М. Соколова, И. Н. Слюнькову, И. Е. Путятину, Л. А. Перфильеву, Н. И. Завьялову и других. Искусствоведов и архитекторов привлекла проблема западноевропейских связей (в частности, влияние палладианства). Работа над этой темой дала возможность обратиться к творчеству ряда зарубежных мастеров – архитекторов, художников, декораторов.

Благодаря ОИРУ, мы сейчас можем говорить об изучении проблем, ранее не исследованных, по сути, «белых пятен» в усадебоведении. Это касается усадьбы пореформенного времени – конца XIX – начала XX века. Хотелось бы отметить работы М. В. Нащокиной и Е. Н. Савиновой по усадьбам Серебряного века [10; 13].

Современные научные подходы в изучении культурного наследия в целом, естественно, применимы и к русской усадьбе. Это относится прежде всего к территориальному подходу в изучении наследия, рассмотрении объекта культурного наследия как культурного ландшафта. «Усадьба как культурный ландшафт» – тема, ныне очень востребованная, так как позволяет рассматривать усадьбу как целостный объект во всей совокупности взаимосвязей [2]. Рассмотрение усадьбы как культурного ландшафта (то есть объекта, характеризующего сотворчество человека и природы) вывело исследователей на проблему «просвещённого заказчика», которого в ряде случаев можно рассматривать фактическим вдохновителем и создателем усадебного ансамбля. Эта проблема, конечно же, ещё ждёт своих исследователей, но уже сейчас можно назвать имена Л. В. Тыдмана, Т. П. Каждан, внёсших заметный вклад в её изучение [6; 15].

Современное «культурологическое» изучение русской усадьбы позволило рассматривать её как целый мир, центром которого является человек с его мировосприятием. Не случайно в научной литературе стали устойчивыми такие понятия, как «мир русской усадьбы», «усадьба – картина мира». Усадьба воспринимается частицей российской действительности со всеми проблемами (экономическими, социальными, духовными), ей свойственными.

ОИРУ бесспорно активизировало и «историческое» направление в изучении

русской усадьбы. Многолетний председатель ОИРУ, инициатор его возрождения Людмила Васильевна Иванова возглавила творческий коллектив сотрудников Института российской истории АН, который в начале двухтысячных издал фундаментальную монографию «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» [3]. Работа интересна тем, что на большом объёме различных источников рассматриваются проблемы, ранее не входившие в число приоритетных, – экономические, социальные, историко-культурные, правовые.

Итак, русская усадьба является объектом пристального внимания современных учёных уже много лет. И не только отечественных: с ОИРУ в тесном контакте работают учёные из различных стран; например, серьёзно и глубоко усадьбой занимается американская исследовательница Присцилла Рузвельт [12], итальянка Фредерика Росси, на конференциях ОИРУ выступала исследовательница из Китая.

Казалось бы, за столько лет усадьба изучена досконально, как объект историко-культурного изучения она себя исчерпала. Вместе с тем не будет преувеличением назвать этот процесс поистине бесконечным: учёными вводятся в научный оборот новые, ранее неизвестные источники; передовые научные технологии позволяют посмотреть на это явление с разных ракурсов. Большой, накопленный за много лет материал об усадьбах позволяет сейчас, применяя новые электронные технологии, создавать различные виртуальные музейные публикации – выставки, каталоги и даже музеи.

До сих пор актуальной остаётся проблема «просвещённого заказчика». В истории искусства эта проблема открывает широкие горизонты в изучении архитектуры, живописи, декоративного и садово-паркового искусства.

Перспективным является и «историческое» направление, сегодня исследованы далеко не все экономические, правовые, социальные проблемы, связанные с русской усадьбой. Не секрет, что на протяжении многих лет учёных привлекала прежде всего «культурная» составляющая бытования усадьбы.

За рамками исследований оставалось очень многое – проблемы наследования, их правовые основы, дробление имений, закладывание их под залог и пр.

Недостаточно досконально сегодня изучен мир провинциальной усадьбы. Он коренным образом отличается от усадеб придворной знати, усадеб богатых и знатных царедворцев.

Вместе с тем нередко в работах учёных рассматривается некая усреднённая модель русской усадьбы. Это методологически неверный подход, жизнь провинциального мелкопоместного владения, поместья сред-

ней руки и усадьбы богатого помещика отличается коренным образом.

Современные проблемы бытования усадьбы: передача их в частные руки, превращение исторических усадеб и парков в общественные городские пространства, на наш взгляд, требует широкого обсуждения и изучения. Формы актуализации усадьбы могут быть различными (гостиница, семейный дом, культурно-досуговый центр), но каждый раз необходимо не переходить очень тонкую грань, за которой уникальный объект культурного наследия превратится просто в парк культуры, развлекательный центр, по словам М. Б. Пиотровского, просто в балаган. Несмотря на возрастающий процесс исчезновения усадеб с культурной карты нашей страны, изучение их будет продолжаться очень долго, так как усадьба – это феномен национальной культуры, неотделимый от России, её национальной идентичности.

Примечания

1. Врангель Н. Н. Помещичья Россия // История русских усадеб и поместий. Москва : Эксмо, 2009. 608 с.
2. Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. Москва : Новый Хронограф, 2018. 472 с.
3. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. : Исторические очерки. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 784 с.
4. Злочевский Г. Д. Наследие Серебряного века: избранные страницы. Москва : Институт наследия, 2006. 368 с.
5. Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). Москва : Институт наследия, 2011. 368 с.
6. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. Москва : Традиция, 1997. 319 с.
7. Нащокина М. В. Актуальные проблемы изучения русской усадьбы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. № 13–14 (29–30). Москва, 2008. С. 7–16.
8. Нащокина М. В. Итоги двадцатилетия и перспективы изучения русского усадебного наследия // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. № 19 (35). Москва ; Санкт-Петербург, 2014. С. 11–20.
9. Нащокина М. В. Перспективы изучения русского усадебного наследия // Восьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Подольск, 16–17 мая 2014 года). Москва, 2016. С. 457–463.
10. Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. Москва : Улей, 2007. 432 с.
11. Полякова М. А. Обществу изучения русской усадьбы – 25 лет // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. № 22 (38). Москва ; Санкт-Петербург, 2017. С. 10–26.
12. Рузвельт Присцилла Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории / пер. с англ. Н. А. Вознесенского и А. В. Вознесенского. Санкт-Петербург : Коло, 2008. 520 с.
13. Савинова Е. Н. Русская усадьба. Серебряный век. Москва : АСТ-Пресс, 2008. 536 с.

14. Сборники Общества изучения русской усадьбы. № 1–14. Москва, 1927–1928.
15. Тьдман Л. В. Дворец. Дом. Изба. Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 336 с.
16. Шамурин Ю. И. «Подмосковные» // Культурные сокровища России. Книга 1. Москва, 1912. Выпуск 3 ; Книга 2. Москва, 1914. Выпуск 9.

References

1. Vrangeli' N. N. Pomeschchich'ya Rossiya [Landowning Russia]. *Istoriya russkikh usadeb i pomestiy [History of Russian estates and estates]*. Moscow, Publishing house "Eksmo", 2009. 608 p. (In Russian)
2. Vedenin Yu. A. *Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyu naslediya [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage]*. Moscow. Publishing house "New Chronograph", 2018. 472 p. (In Russian)
3. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: Istoricheskie ocherki [The noble and merchant rural estate in Russia of the XVI–XX centuries: Historical essays]*. Moscow, Editorial URSS, 2001. 784 p. (In Russian)
4. Zlochevsky G. D. *Nasledie Serebryanogo veka: izbrannye stranitsy [The Legacy of the Silver Age: Selected Pages]*. Moscow, Publishing house of the D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, 2011. 368 p. (In Russian)
5. Zlochevsky G. D. *Obshchestvo izucheniya russkoy usad'by: ego deyatelnost' i rukovoditeli (1920-e gody) [Society for the Study of the Russian Estate: its activities and leaders (1920th)]*. Moscow, Publishing house of the D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, 2011. 368 p. (In Russian)
6. Kazhdan T. P. *I Khudozhestvennyy mir russkoy usad'by [The art world of the Russian estate]*. Moscow, Publishing house "Tradition", 1997. 319 p. (In Russian)
7. Nashchokina M. V. Aktual'nye problemy izucheniya russkoy usad'by [Actual problems of studying a Russian estate]. In: *Russkaya usad'ba. Sbornik OIRU [Russian Estate. Collection of OIRU. No. 13–14 (29–30)]*. Moscow, 2008. Pp. 7–16. (In Russian)
8. Nashchokina M. V. Itogi dvadtsatiletiya i perspektivy izucheniya russkogo usadebnogo naslediya [Results of the twentieth anniversary and prospects of studying the Russian estate estate]. In: *Russkaya usad'ba. Sbornik OIRU [Russian Estate. Collection of OIRU. No. 22 (38)]*. Moscow, St. Petersburg, 2014. Pp. 11–20. (In Russian)
9. Nashchokina M. V. Perspektivy izucheniya russkogo usadebnogo naslediya [Prospects for the study of Russian estate heritage]. In: *Vos'mye Vserossiyskie kraevedcheskie chteniya (Moskva – Podol'sk, 16–17 maya 2014 goda) [The Eighth All-Russian Local History Readings (Moscow – Podolsk, May 16–17, 2014)]*. Moscow, 2016. Pp. 457–463. (In Russian)
10. Nashchokina M. V. *Russkaya usad'ba Serebryanogo veka [Russian estate of the Silver Age]*. Moscow, Publishing house "Ulei", 2007. 432 p. (In Russian)
11. Polyakova M. A. Obshchestvu izucheniya russkoy usad'by – 25 let [The Society for the Study of the Russian Estate – 25 years]. In: *Russkaya usad'ba. Sbornik OIRU [Russian Estate. Collection of OIRU. No. 22 (38)]*. Moscow, St. Petersburg, 2017. Pp. 10–26. (In Russian)
12. Roosevelt Priscilla *Zhizn' v russkoy usad'be. Opyt sotsial'noy i kul'turnoy istorii [Life in a Russian estate. Experience of social and cultural history]*. St. Petersburg, Publishing house "Kolo", 2008. 520 p. (In Russian)
13. Savinova E. N. *Russkaya usad'ba. Serebryanyy vek [Russian estate. Silver Age]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2008. 536 p. (In Russian)
14. *Sborniki Obshchestva izucheniya russkoy usad'by. № 1–14 [Collections of the Society for the Study of the Russian Estate. No. 1–14]*. Moscow, 1927–1928. (In Russian)
15. Tydman L. V. *Dvorets. Dom. Izba. Zhiloy inter'yer Rossii s 1700 po 1840-e [Palace. House. Hut. Residential interior of Russia from the 1700 to 1840th]*. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 2000. 336 p. (In Russian)
16. Shamurin Yu. I. "Podmoskovnye" ["Moscow Region"]. *Kul'turnye sokrovishcha Rossii [Cultural Treasures of Russia]*. Book 1. Moscow, 1912. Issue 3. Book 2. Moscow, 1914. Issue 9. (In Russian)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

УДК 7.03

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10408

А. В. Барков

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается история военно-исторических музеев России рубежа XIX–XX веков. Ключевые изменения в работе уже существовавших на тот момент музеев связаны с ростом численности посетителей и большей ориентации на привлечение широкой публики, с перестройкой экспозиций на основе предметно-хронологического принципа, а также с расширением коллекций и усилением государственного внимания к вопросам сохранения и каталогизации предметов военно-исторического прошлого. Другой тенденцией обозначенной эпохи стало создание новых музеев, что связано как с завершением эпохи покорения Кавказа и Средней Азии, так и серией юбилейных мероприятий начала XX столетия. Внимание автор уделяет масштабным, но нереализованным проектам Русского военно-исторического музея и Народного музея Великой войны.

Ключевые слова: военно-исторические музеи, Первая мировая война, Суворовский музей, Кавказский военно-исторический музей, Геок-Тепе, Русский военно-исторический музей.

Aleksandr V. Barkov

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MILITARY MUSEUMS OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

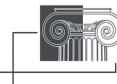
The article deals with the history of military-historical museums of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. Key changes in the work of existing museums at that time are associated with an increase in the number of visitors and a greater focus on attracting the general public, rebuilding expositions on a subject-chronological principle, as well as expanding collections and increasing government attention to the issues of preserving and cataloging military objects. Another trend of this period was the creation of new museums, the main impetus was provided by the end of the conquest of the Caucasus and Central Asia, and a series of anniversary events of the beginning of the 20th century. The author pays attention

БАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – соискатель кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, исполнительный директор Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»

BARCOV ALEXANDER VIKTOROVICH – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, executive director of the All-Russian public-state organization “Russian military historical society”

e-mail: alexander.barkov@rvio.org

© Барков А. В., 2019

to large-scale, but also unrealized projects of the Russian Military History Museum and the National Museum of the Great War.

Keywords: military history museums, World War I, Suvorov Museum, Caucasian Military History Museum, Geok-Tepe, Russian Military History Museum.

Для цитирования: Барков А. В. Развитие системы военно-исторических музеев России рубежа XIX–XX веков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 60–70. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10408

К началу XX века история отечественных военно-исторических музеев насчитывала несколько столетий. Если в XVIII – первой половине XIX века они представляли собой в основном хранилища образцов оружия или научно-образовательные институции, то в эпоху Александра II происходит их трансформация в полноценные публичные музеи, призванные свидетельствовать об имперском величии и стать выразителем национального самосознания. Переход от коллекционирования до выполнения идейно-просветительных функций теснейшим образом был связан с культурной модернизацией страны. В рамках данной статьи мы собираемся подробнее остановиться на развитии военно-исторических музеев в эпоху правления императоров Александра III и Николая II.

Всё это позволит нам внести вклад в изучение тех аспектов, которые связаны с развитием и складыванием культуры исторической памяти в России. Данные примеры будут актуальны в контексте гражданско-патриотического воспитания студенческой молодёжи, особенно тех, кто собирается связать дальнейшую жизнь с музейным делом: рассмотрение достижений и ошибок предшественников, несомненно, способствует передаче исторического опыта и позволяет сформировать грамотных специалистов, воспитанных на отечественных традициях музейного дела.

Современное развитие отечественных военно-исторических музеев, в том числе

создаваемых Российским военно-историческим обществом, безусловно, крайне востребовано нашим населением. Погружаясь в различные эпохи прошлого, видя и изучая предметы, связанные с героическими деяниями своих предков на полях сражений, наше подрастающее поколение лучше осознает свою причастность к великой истории своей страны. Одной из главных задач всех музейных работников в связи с этим становится изучение опыта образования и деятельности различных музейных хранилищ в России.

Прежде всего, необходимо обозначить ключевые направления эволюции уже существовавших военно-исторических музеев. Во-первых, они становятся всё более доступными для посетителей. Так, в 1889 году Музей артиллерии открыл двери для широкой публики (в 500-летнюю годовщину русской артиллерии). Если изначально количество его посетителей было минимальным, то в 1900 году экспозицию осмотрели около 700 русских посетителей, а в 1904 году – около 2 500 человек. Весьма скромный рост объясняется тем, что весь бюджет составлял 1 000 рублей при шести сотрудниках, причём некоторые из них находились в штате Главного артиллерийского управления, будучи прикомандированными к музею [13, с. 142].

Во-вторых, постепенно меняется организация экспозиций: от хаотического или слабоструктурированного набора предметов происходит переход к более системной

организации на основе хронологического принципа. Например, в начале XX века перестроили Музей обороны Севастополя, экспозиция теперь была выстроена на основе тематико-хронологического принципа. Одновременно реэкспозиция произошла в Морском музее: предлагавшиеся для обзора предметы делились на царствования (Петра I, Екатерины II и т.д.), функциональные (механический, гидрографический) и историко-тематические (коммерческий, зал героев, участников Русско-японской войны) отделы [13].

В-третьих, активизируются государственные усилия, направленные на пополнение существующих коллекций. Как правило, существовало два способа их увеличения. Первый представлял собой специальные закупки. Так, с 1904 года Тульский и Ижевский оружейные заводы стали получать от Главного артиллерийского управления специальные средства (500 рублей в год) для приобретения образцов огнестрельного оружия за рубежом. Второй способ предполагал пополнение экспозиций за счёт других (непубличных) хранилищ. Например, к началу XX века в Петропавловском соборе находилось 1 418 знамён, однако в 1904 году 163 знамени и 47 других трофеев передали в Суворовский музей, в 1906 году 27 знамён и 32 других трофеев отправили в Кавказский военно-исторический музей. В 1909 году подполковник Струков обратился в Министерство императорского двора с просьбой передать в возглавляемый им артиллерийский музей знамёна, которые находятся в Петропавловском соборе в неудовлетворительном состоянии. В мае 1909 года специальная комиссия во главе с генералом Комаровым провела ревизию знамён (1 228 штук, а также 32 ключей и 27 отмычек), установив, что все они могут делиться на три группы: 332 «сохранившиеся до некоторой степе-

ни», 215 «пришедшие в ветхость», но годных для реставрации, и 681 «совершенно разрушенные». Как видно, в идеальном состоянии боевые трофеи не находились. Отсутствие должных условий и частные перепады температуры в церкви препятствовали, по мнению комиссии, сохранности знамён. Эти знамёна были переданы в Артиллерийский музей на хранение, однако, по инициативе Главного штаба, оно должно было быть временным: до того, как будет создан Русский военно-исторический музей [1, л. 1–6].

Однако ключевой тенденцией стал рост количества военно-исторических музеев на рубеже XIX–XX веков. Если эпоха Александра II была связана с завершением Кавказской войны и покорением масштабных просторов Средней Азии, то при его наследнике, Александре III, вполне логичными стали увековечение и мемориализация этих события. Так, в 1884 году главноначальствующий на Кавказе генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков поднял вопрос о создании музея, который увековечивал бы героизм русской армии при покорении Кавказа. Идея нашла поддержку как у военного министра П. С. Ванновского, так и у императора Александра III. В 1885 году был заложен первый камень будущего Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе, называемого также «Храмом Славы». Его задача заключалась в сборе и экспонировании предметов, связанных с русско-турецкими и русско-персидскими войнами. Музей был основан при штабе Кавказского военного округа, а специальное здание возвели в 1885–1892 годах по образцу выставочного дворца в Риме. Собрание в основном состояло из картин, трофеев, образцов вооружения, личных вещей участников событий, включая таких прославленных полководцев, как М. С. Воронцов, Н. И. Евдокимов и И. С. Паскевич. Экспозиция вы-

страивалась по тематико-хронологическому принципу. Сами картины писались на заказ, причём создание 17 полотен было поручено тогда ещё молодому и малоизвестному художнику Ф. А. Рубо, который в будущем прославится как один из крупнейших отечественных баталистов рубежа веков [7, с. 43]. Частично экспозиция была открыта в 1888 году во время посещения Кавказа Александром III, однако из-за отсутствия необходимых средств и бюрократической неразберихи на рубеже веков создание музея застопорилось. В 1899 году военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа возглавил известный историк В. А. Потто, который инициировал развитие музея, добившись в 1906 году передачи его в подчинение своему отделу. В начале 1907 года в обновлённом и расширенном виде он был открыт для публики [6, с. 8].

Нельзя обойти вниманием и другой, пусть и менее масштабный, музей, который связан с памятью Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов. Это были фактически последние крупные боевые действия русской армии в Средней Азии: под руководством генерала М. Д. Скобелева была покорена крепость Геок-Тепе, а вместе с ней установлен окончательный контроль над Закаспийской областью. В 1891 году на железнодорожной станции Геок-Тепе (в этом районе располагался штаб «белого генерала») был открыт небольшой музей, посвящённый тем событиям. Основной экспозиционный ряд состоял из картин, портретов участников тех событий, фотографий (включая групповой фотопортрет всех офицеров, штурмовавших крепость), предметов униформы и вооружения. Осенью 1897 года здесь с инспекцией побывал командующий войсками Забайкальской области генерал А. Н. Куропаткин (один из ключевых участников тех событий), который распо-

рядился благоустроить прилегающую территорию, высказал ряд замечаний по экспозиции (недостаточно были отражены все герои), а также указал, что проходящие поезда должны увеличить длительность остановки, чтобы все желающие могли осмотреть музей [3, л. 1].

В начале 1900-х годов около Музея инженера Тихонова, начальника 4-го участка Среднеазиатской казённой железной дороги, был открыт памятник, посвящённый штурму Геок-Тепе. Это событие приковало внимание к этому маленькому музею. Уже вскоре, в 1902 году, сюда стали присылать портретные изображения участников событий, а коллекция также пополнилась личным сюртуком М. Д. Скобелева [3, л. 8]. Однако финансовое положение музея оставалось тяжёлым. Так, из Главного штаба ежегодно на содержание высылалось 560 рублей, из которых 300 рублей шли сторожу. Вход в экспозицию был бесплатным, хотя посетители могли и опускать деньги в специальную кружку для пожертвований. Неудивительно, что в ноябре 1902 года директор музея поручик А. О. Мирбах писал начальнику штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса (которому он и подчинялся) с просьбой оказать содействие в присылке новой формы 81-го пехотного Апшеронского полка, поскольку находящаяся в экспозиции были изъедена молью [3, л. 9]. А в октябре 1904 года случилось вообще чрезвычайное происшествие: неизвестный ночью украл один карабин, два револьвера, кинжал и более сотни патронов [3, л. 17–18].

Наиболее активный характер процессы коммеморации военной истории (включая музеефикацию) приняли при императоре Николае II. В определённой степени это объясняется юбилеями знаковых событий: 1000-летие похода Олега на Византию, 400-летие войн с Литвой, Казанью и Кры-

мом, 300-летие Смутного времени, 200-летие Северной войны, 100-летие войн с Наполеоном [4, л. 118]. Две последние войны действительно воспринимались обществом как особо значимые события. Первые мемориальные мероприятия были привязаны к 100-летию кончины А. В. Суворова. В 1898 году при Главном штабе образовали комиссию для создания музея-памятника А. В. Суворову, которая начала сбор средств. Сам музей был заложен в 1901 году, а открыт в 1904 году. Экспозиция, состоявшая из 5 отделов, не отличалась системностью: предметы, подаренные царём; суворовские реликвии и его изображения; суворовские трофеи; предметы эпохи Суворова, а также коллекция Энгельгардта. Кроме того, возле музея была установлена Суворовская церковь, которую специально перенесли из родового поместья генералиссимуса в с. Кончанском.

Этот музейный комплекс рассматривался как часть более широкого музейно-мемориального комплекса – «храма (пантеона) славы русского оружия». Ещё в 1899 году эту идею одобрил император Николай II, а в 1901 году было издано Высочайшее повеление военному министру А. Н. Куропаткину разработать концепцию Русского военно-исторического музея. Предполагалось, что этот музей будет приурочен к 100-летию Отечественной войны 1812 года, однако не станет ограничиваться лишь наполеоновской тематикой [2, л. 3–7]. В 1903 году была образована комиссия во главе с генералом Н. Н. Обручевым, которая вскоре подготовила концепцию. Цель музея заключалась в том, чтобы собранные предметы свидетельствовали о деяниях и подвигах русской армии, способствуя как «военно-научным, так и патриотически-воспитательным целям» [13, с. 166]. В отличие от существовавших музеев, посвящённых отдельным вой-

нам, предполагалось начать экспозицию с древнейших времён с тем, чтобы отразить всю военную историю Отечества. Ввиду отсутствия большого количества экспонатов главный визуальный акцент комиссия Обручева предлагала сделать на картинах, дополненных манекенами в униформе, предметами вооружения, документами и историческими памятниками. Однако комиссия не просуществовала долго, в феврале 1904 года началась Русско-японская война, летом этого же года умер Н. Н. Обручев.

Деятельность по данному вопросу была возобновлена только в 1907 году [4, л. 119–119, об], когда во главе с генералом Н. Н. Сухотиным был создан фактически новый комитет по созданию в Санкт-Петербурге Русского военно-исторического музея в память о войне 1812 года. Сам факт того, что он должен был быть приурочен к определённым событиям, не должен смущать: комитет рассматривал создаваемый музей как памятник тысячелетней военной истории государства, а Отечественная война 1812 года оказывалась лишь одной из эпох. Изменились и принципы формирования, предполагался больший акцент на подлинных предметах. Поскольку параллельно в печати обсуждался вопрос о создании в Москве Музея 1812 года (то есть музея, посвящённого именно этим событиям), генерал Н. Н. Сухотин настаивал на том, что организуемый им музей по примеру других стран (Германии, Австрии, Франции) должен находиться именно в столице: «В Петербурге место военно-историческому музею-памятнику русской военной истории и потому, что в двухсотлетний петербургский период жизни России нашу вооружённую силою совершён ряд величайших подвигов на пути строения и созидания государства» [4, л. 120].

Комитет достаточно быстро подготовил проект. Согласно сохранившимся документам, музейная экспозиция должна была быть оформлена в хронологическом порядке в соответствии с годами правления монархов. Выделяли следующие периоды: княжеский (862–1533), царский (1533–1682), Петра Великого (1682–1725), преемников Петра Великого (1725–1762), период Екатерины Великой и Павла I (1762–1801), Александра I (1801–1825), Николая I (1825–1855), Александра II, Александра III и Николая II. В каждом из залов предполагались следующие наборы экспонатов: картины, портреты, манекены, статуи и бюсты, предметы вооружения, трофеи, модели сражений, крепостей или памятников, карты походов, а также реликвии. Всего, по мнению комитета, предстояло собрать до 20 тыс. предметов, включая 200 больших и до 500 малых картин.

Если посмотреть на предполагаемый портретный ряд, то везде речь шла о портретах генералов, выдающихся офицеров, представителей императорской фамилии. Простые солдаты, гражданские лица были фактически исключены из репрезентации: они могли появиться либо в рамках сюжетных живописных полотен, либо в обобщённом виде манекенов [4, л. 1–70]. На это обратили внимание и члены комитета. Например, Майков предлагал: «поместить в музее портреты лиц военнслужащих, но оказавших услуги отечеству не оружием, а пером, научной и административной деятельностью», а другой член комитета Жерве указывал, что «желательно иметь изображения второстепенных деятелей в виде фотографий, гравюр, литографий, акварели и т.п.» [4, л. 73].

Впрочем, если оценивать различные предложения и указания, то члены комитета хотели, чтобы музей содержал практически всё, что возможно собрать по воен-

ной истории: письменные документы, общую карту завоеваний, карту естественных операционных линий, портреты военных историков, баталистов и писателей, произведения музыки, лубки, полную коллекцию знамён, штандартов и других знаков отличий, вещи высочайших особ, портреты военных министров, материалы, связанные с военно-учебными заведениями, отразить историю развития вооружения, представить различные таблицы и диаграммы, «общедоступно выражающие главные стороны деятельности быта нашей армии», библиотеку, часовню с иконами, написанными в честь военных событий [4, л. 74–75]. Весьма интересное предложение высказал генерал Н. А. Епанчин: «Устроить панораму перехода через Чёртов мост, сделав её полукругом так, чтобы зрители находились на одной из береговых скал. В панораме должна быть проведена вода» [4, л. 74]. Фактически эта идея предвосхищала современные методы музейной работы, когда происходит реконструкция отдельных событий с целью дополнительного вовлечения посетителя.

Несомненно, даже при изменении подхода к формированию экспозиции ключевое значение в отображении военной истории придавалось картинам. Среди художников планировалось привлечь таких известных мастеров, как Н. К. Рерих (например, в княжеском периоде на такие темы, как «Славянский городок. Сборы к защите», «Добрыня со змеем», «Ладья на волоке», «Создание храма после похода») и Ф. Рубо («Взятие Ленкорана Котляревским», «Подвиг Цесаревича в бою 28 июня», «Занятие Выборгским полком Саквантуна») [4, л. 54–55, 64]. Кроме того, была проведена серьёзная предварительная работа по поиску уже имеющихся картин по ключевым темам. Впрочем, оценивались они не только по художественным достоинствам, но и по исто-

рической достоверности. Например, член комиссии Козлянинов признал «Взятие Казани» Г. И. Угрюмова совершенно негодной в историко-археологическом отношении. Картина К. П. Брюллова «Оборона Пскова» называлась им декоративной по замыслу, но неоконченной, а произведение В. И. Сурикова «Покорение Сибири» характеризовалось следующим образом: «грубо, небрежно написана и неверна в историко-археологическом отношении (одежда и вооружение казаков XVIII века)» [4, л. 71]. Другой член комиссии Кроков рекомендовал не пользоваться картиной И. К. Айвазовского, посвящённой Чесменскому сражению: «она не верна» [4, л. 75, об].

К сожалению, сам проект Русского военно-исторического музея не был реализован. Сначала затянулась работа по выбору проекта здания, затем против выделения необходимых ассигнований высказались депутаты Государственной Думы, посчитавшие, что в условиях после Русско-японской войны необходимо сосредоточить внимание на перевооружении армии, а не распылять средства на вторичные цели. Окончательный крест на проекте поставила начавшаяся Первая мировая война и разразившаяся в 1917 году революция.

В 1900-е годы параллельно с концепцией Русского военно-исторического музея прорабатывался вопрос о праздничных мероприятиях, посвящённых 100-летию Отечественной войны 1812 года, которые могли включать и создание музейных экспозиций. Так, этот вопрос был поставлен военным министерством в 1900 году. Вскоре обер-гофмаршалу Всеволожскому поручили составить опись всех сохранившихся картин, посвящённых этим событиям. Вероятно, имеющиеся в наличии собрания не произвели должного впечатления, а потому по

инициативе А. Н. Куропаткина Николай II выделил крупную сумму, 100 тыс. рублей, художнику В. В. Верещагину на создание 20 тематических полотен [2, л. 2]. Предполагалось, что они будут размещены в Русском военно-историческом музее. Примерно в это же время, в 1902 году, штаб Московского военного округа возбудил вопрос о создании музея на Бородинском поле, причём Министерство императорского двора в 1903 году согласилось передать весь Бородинский дворец (правда, с возмещением тех средств, которые 1899–1902 годах были потрачены на его реконструкцию). В 1903 году переписка заглохла, вероятно, ввиду работы комиссии генерала Н. Н. Обручева [2, л. 12–13].

Как мы писали выше, этот процесс был прерван Русско-японской войной. Только после её окончания и государство, и общество стали возвращаться к идее празднования 100-летнего юбилея. В 1907 году с идеей Музея войны 1812 года в печати выступил подполковник В. А. Афанасьев, который предлагал создать его в Москве частично на общественные средства. В качестве начального капитала он предполагал использовать 50 тыс. рублей, пожертвованных коммерц-советником И. А. Колесниковым Московскому военному округу на устройство школы для детей участников войны 1812 года и музейного зала при ней [2, л. 10]. Поскольку в Санкт-Петербурге Н. Н. Сухотин ратовал за музей, посвящённый всей военной истории страны, то инициативу в области коммеморации собственно событий 100-летья давности перехватила Москва. Московский городской голова Н. И. Гучков (брат известного политика) выступил с такой инициативой, которую, в свою очередь, поддержало Министерство внутренних дел во главе с П. А. Столыпиным [2, л. 44]. В начале 1908 года в Москве был создан особый комитет по устройству

Музея 1812 года. За год музей собрал 32 тыс. рублей пожертвований и более 100 предметов. Однако попытки построить здание около Храма Христа Спасителя окончились неудачно: оказалось, что для этого нужно слишком много средств. Для музея было выделено здание Московского арсенала в Кремле. Однако дело с музеем затягивалось, потому в 1912 году в здании Исторического музея открылась лишь выставка предметов, которая в будущем должна была стать основой музейной экспозиции.

Вопрос музеефикации Отечественной войны 1812 года ставился не только на государственном уровне. В начале XX века по инициативе железнодорожников Бородинской станции, в частности А. М. Ключачева, стали собирать предметы, связанные с Бородинским сражением. Одновременно Обществом хоругвеносцев (при Храме Христа Спасителя) рядом с избой-музеем М. И. Кутузова в Филях в 1912 году была построена музей-часовня.

Нельзя забыть и другой значимый юбилей начала XX века – 200-летие Полтавского сражения. К этой годовщине член Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО) капитан Б. В. Геруа подготовил первое описание памятников этой баталии, а по инициативе директора Полтавского кадетского корпуса И. Ф. Павловского появился небольшой музей Полтавской битвы.

Активно открывались и полковые музеи, которых к 1914 году насчитывалось несколько сотен. Был поставлен вопрос и о создании для них единого положения. Например, в 1913 году состоялся Съезд хранителей полковых музеев Московского военного округа, где было принято соответствующее положение о войсковых музеях и исторических комиссиях. В дальнейшем обобщением опыта создания полковых му-

зеев и распространения лучших практик занялось ИРВИО. Была создана комиссия, которая к 1914 году подготовила новое положение для всех военных музеев [13, с. 193]. К сожалению, начавшаяся Первая мировая война не дала возможности воплотить её в жизнь.

Отдельно стоит выделить деятельность Киевского отделения ИРВИО. В начале 1909 года председатель музейной комиссии Б. В. Адамович выступил с программой создания Киевского военно-исторического музея, который был бы посвящён всей военной истории России с древнейших времён, однако с акцентом на событиях, локализованных в Киеве или вокруг него. Так, один из отделов предполагалось посвятить «казачье-гетмановскому» периоду истории региона. Отметим, что ввиду отбытия Б. В. Адамовича к новому месту службы обязанности главы комиссии были переданы генералу В. М. Драгомирову. Изначально проблема заключалась в поисках помещения: надежды на получение их в Киевском дворце были разрушены отказом Военного совета Киевского военного округа. Только в 1910 году благодаря усилиям попечителя музея генерала Ф. Ф. Трепова Городской музей Киева для этих целей выделил часть своего здания. Сам музей был открыт 28 декабря 1910 года, причём даже император Николай II отправил поздравительную телеграмму [10, с. 33; 11, с. 17–18].

Стоит отметить, что начало XX века – это не только период создания, но и исчезновения военно-исторических музеев. Так, в качестве такого случая можно привести Русско-японскую войну, по итогам которой японцы оккупировали о. Сахалин. В результате пострадал войсковой музей поста Александровский, чьи экспонаты были вывезены в Страну восходящего солнца [12]. В конце 1914 года, когда в Первую мировую войну вступила Турция, было принято решение

эвакуировать коллекцию Кавказского военно-исторического музея (более 1 000 предметов) в Ставрополь, а уже в советское время эта коллекция перестала существовать как единое целое, будучи переданной ряду музеев юга России [9]. Примерно такая же судьба постигла и несформированный музей Великой войны, материалы для которого стали собираться ещё в самый разгар Первой мировой войны. Ещё в апреле 1915 года при Академии художеств был создан военно-художественный отряд: молодые художники выезжали в действующую армию в целях создания художественных полотен [5, с. 163]. Параллельно в 1915 году в Манеже была организована выставка трофеев, за 78 дней её посетили свыше 560 тыс. человек. Этот успех привёл к идее создания Музея Великой войны. Весной 1916 года герцог Лейхтенбергский снял для этого особняк при Императорском обществе ревнителей истории, однако из-за революции 1917 года реализовать проект не удалось, а собранные предметы оказались в фондах Артиллерийского исторического музея. Историческая справедливость была исправлена лишь в 2014 году, когда по инициативе Министерства культуры РФ и поддержке Российского военно-исторического общества в Ратной палате (Царское село) был открыт первый в России Музей Первой мировой войны.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 2. Д. 8337.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1203.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 70.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 511.
5. *Ильина Т. Н.* Герои Великой войны 1914–1918 : материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи / Российское историческое общество, Управление культуры Министерства обороны Российской Федерации, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Москва : Кучково поле, 2014. 502 с.
6. *Колосовская Т. А.* «Забывая прошлое, нельзя ничему научиться и в будущем». Доклад генерал-майора В. А. Потто о централизации архивов на Кавказе и устройстве кавказского военно-исторического музея в 1900 году // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 58–63.

Таким образом, именно на начало XX века пришлось активное развитие военно-музейного дела в России. Обращение к доблестному военному прошлому являлось попыткой найти, во-первых, ответ на революционные вызовы времени, а во-вторых, новые способы укрепления морального духа войск в условиях массовой призывной армии.

Нельзя не отметить, что с большим успехом реализовывались проекты небольших музеев, особенно в тех случаях, когда их развитие становилось предметом усилий энтузиастов, встроженных в военно-бюрократические структуры: В. А. Потто и Кавказский военно-исторический музей, члены Киевского отделения ИРВИО и Киевский военно-исторический музей. В то время как два крупных проекта – Русского военно-исторического музея в Санкт-Петербурге и Музея войны 1812 года в Москве – потерпели провал. Сказалось здесь не только скудное финансирование, но и отсутствие консенсуса относительно значимости хранения памяти о военном прошлом.

Принципиально важно указать на то, что, хотя все создаваемые музеи являлись государственными, в действительности значимую роль играла частная инициатива отдельных лиц, пусть и находящихся на службе.

7. Колосовская Т. А. Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) // История и историческая память. 2014. № 10. С. 41–51.
8. Колосовская Т. А. Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 167–175.
9. Максимчик А. Н. Знамена Кавказской войны в собрании Кавказского военно-исторического музея: история и судьба коллекции // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 53–72.
10. Отчёт Киевского отдела Императорского Русского военно-исторического общества за 1910 г. Киев : Типография штаба Киевского военного округа, 1911. 100 с.
11. Отчёт Киевского отдела Императорского Русского военно-исторического общества за 1911 г. Киев : Типография штаба Киевского военного округа, 1912. 32 с.
12. Поправко Е. А. Повседневная жизнь дальневосточных музеев в условиях войн и революций начала XX века // Экстремальное в повседневной жизни наследия России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Санкт-Петербург : ЛГУ имени Пушкина, 2017. С. 92–97.
13. Разгон А. М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. VII. Москва, 1962. С. 118–203.

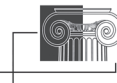
References

1. Russian State Military Historical Archive. Fond 400, inventory 1, document 8337. (In Russian, unpublished)
2. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000, inventory 1, document 1203. (In Russian, unpublished)
3. Russian State Military Historical Archive. Fond 2292, inventory 1, document 70. (In Russian, unpublished)
4. Russian State Military Historical Archive. Fond 16180, inventory 1, document 511. (In Russian, unpublished)
5. Ilyina T. N. *Geroi Velikoy voyny 1914–1918 : materialy Trofeynoy komissii v sobranii Voенno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi* [Heroes of the Great War of 1914–1918: materials of the Trophy Commission in the collection of the Military History Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps]. Moscow, Publishing house “Kuchkovo pole”, 2014. 502 p. (In Russian)
6. Kolosovskaya T. A. “Zabyvaya proshloe, nel’zya nichemu nauchit’sya i v budushchem”. Doklad general-mayora V. A. Potto o tsentralizatsii arkhivov na Kavkaze i ustroystve kavkazskogo voенno-istoricheskogo muzeya v 1900 godu [“Forgetting the past, you cannot learn anything in the future”. Report of Major General V. A. Potto on the centralization of archives in the Caucasus and the construction of the Caucasian Military History Museum in 1900]. *Voенno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal]. 2016, no. 7, pp. 58–63. (In Russian)
7. Kolosovskaya T. A. Iz opyta sokhraneniya istoricheskoy pamyati voennogo proshlogo (po materialam Kavkazskogo voенno-istoricheskogo muzeya) [From the experience of preserving the historical memory of the military past (based on the materials of the Caucasus Military History Museum)]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat’* [History and historical memory]. 2014, no. 10, pp. 41–51. (In Russian)
8. Kolosovskaya T. A. Kavkazskiy voенno-istoricheskii muzey: ot sokhraneniya pamyati k zabveniyu [Caucasian Military History Museum: from preserving memory to oblivion]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2017, no. 9, pp. 167–175. (In Russian)
9. Maksimchik A. N. Znamenа Kavkazskoy voyny v sobranii Kavkazskogo voенno-istoricheskogo muzeya: istoriya i sud’ba kollektzii [Banners of the Caucasian War in the collection of the Caucasian Military History Museum: history and fate of the collection]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2015, no. 3, pp. 53–72. (In Russian)
10. Otchet Kievskogo otdela Imperatorskogo Russkogo voенno-istoricheskogo obshchestva za 1910 g. [Report of the Kiev department of the Imperial Russian Military Historical Society for 1910]. Kiev, Printing house of the headquarters of the Kiev military district, 1911. 100 p. (In Russian)
11. Otchet Kievskogo otdela Imperatorskogo Russkogo voенno-istoricheskogo obshchestva za 1911 g. [Report of the Kiev department of the Imperial Russian Military Historical Society for 1911]. Kiev, Printing house of the headquarters of the Kiev military district, 1912. 32 p. (In Russian)
12. Popravko E. A. Povsednevnyaya zhizn’ dal’nevostochnykh muzeev v usloviyakh voyn i revolyutsiy nachala XX veka [Everyday life of Far Eastern museums in the context of wars and revolutions of the early

- twentieth century]. *Ekstremal'note v povsednevnoy zhizni naslediya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.)*. [Extreme heritage of Russia in everyday life: history and modernity (on the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917)]. St. Petersburg, Publishing house of the Leningrad State University named after Pushkin, 2017. Pp. 92–97. (In Russian)
13. Razgon A. M. Ocherk istorii voennykh muzeev v Rossii (1861–1917 gg.) [An Essay on the History of Military Museums in Russia (1861–1917)]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta muzevedeniya* [Proceedings of the Research Institute of Museum Studies]. Issue VII. Moscow, 1962. Pp. 118–203. (In Russian)

*

ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ РЕМБРАНДТА КАК ТРАНСМЕДИЙНЫЙ РЕСУРС РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.0+7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10409

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

В русской поэзии восприятие Рембрандта долгое время представляло собой не интерпретацию отдельных произведений, но выводы из рассмотрения существовавших в России коллекций. Это было связано с противопоставлением «сценичного» искусства итальянских мастеров Рембрандту, в котором увидели гения интроспекции. Романтическая концепция природы, преломленная в разных видах творчества, потребовала воспринимать не сюжеты Рембрандта, а общие впечатления от эффектов его манеры, и поэтому случайно сложившиеся собрания стали определять ход сюжетов поэтических произведений. Поэзия, претендуя открыть тайну человеческой природы и непредсказуемости поступков, обращалась к таким переключкам между произведениями внутри собраний, прежде всего Эрмитажного. Сюжеты произведений Лермонтова, Добролюбова, Брюсова, Пастернака, Поплавского становятся понятными, если увидеть в них трансмедийный экфрасис: описание не отдельных произведений, а общих впечатлений от посещения галереи, которое должно объяснить, как возможна интроспекция, отличающаяся от сюжетного самоанализа с его заранее определёнными паттернами. Таким образом, Рембрандт оказывается образцом подражания внутренней природе, отличающейся от внешней роли, что позволяет обновить миметическую теорию и соединить интуиции великого художника с особенностями понимания внутренней жизни в русской культуре.

Ключевые слова: Эрмитаж, Рембрандт, русская поэзия, экфрасис, мимесис, трансмедийность, впечатления, интроспекция, жанры живописи.

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Miusskaya sq. 6, 125993, Moscow, Russian Federation

HERMITAGE COLLECTION OF REMBRANDT AS A TRANSMEDIA RESOURCE OF RUSSIAN CULTURE

In Russian poetry, Rembrandt's perception for a long time was not an interpretation of particular works, but conclusions from observing collections that existed in Russia. This ought to opposition of the stage expressive art of the Italian masters and Rembrandt, in which Russian poets and intellectuals have seen

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH – Full Doctor of Philology, Professor of the Department of the Cinema and Contemporary Art, the Russian State University for the Humanities

e-mail: markovius@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

© Марков А. В., 2019

the genius of introspection. The romantic concept of nature, refracted in different types of art, required to perceive not the plots of Rembrandt, but general impressions of the effects of his manner, and therefore collections in Hermitage determined course of the plots of poetic works. Poetry, claiming to discover the secret of human nature and the unpredictability of actions, turned to such reminiscences between works within the collections. Obscure plots of the works of Lermontov, Dobrolyubov, Bryusov, Pasternak, Poplavsky become understandable if we see transmedia ecfrosis as description of not individual works, but general impressions of visiting the gallery, which should explain how introspection is possible, different from the plot introspection with its predetermined patterns. Thus, Rembrandt was in Russia an example of imitation of the internal nature, which differs from the external role, which allows updating the mimetic theory and combining the intuitions of the great artist with the peculiarities of understanding internal life in Russian culture.

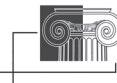
Keywords: Hermitage, Rembrandt, Russian poetry, ecfrosis, mimesis, transmedia, impressions, introspection, painting genres.

Для цитирования: Марков А. В. Эрмитажное собрание Рембрандта как трансмедийный ресурс русской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 71–78. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10409

Изучение экфрасиса в последние годы становится одним из приоритетов междисциплинарного сближения литературоведения и культурологии и полем проверки достижений визуальных исследований [6]. При этом как на отдельных авторов, так и на то, что условно можно назвать культурным настроением, влияют не только отдельные произведения, моделируемые в жанре экфрасиса, но и более сложные комплексы: города и парки, музейные собрания и выставки, маршруты и привычные предметы искусства (артефакты) – они одновременно создают набор востребованных образов (имагинарий) автора и его современников и позволяют обогатить привычные литературные сюжеты или порядки культурного взаимодействия новыми аспектами переживания внутреннего эстетического опыта, превратить этот внутренний опыт в часть нового сюжета. В данной статье доказывается, что сложившийся в классической и высокой модернистской русской поэзии образ живописи Рембрандта обязан не столько знанию ключевых произведений великого художника (что станет нормой позднее, уже в русской поэзии второй половины XX

века [5]), сколько знакомству с петербургскими собраниями и тем впечатлениям, которые эти собрания оставляли у зрителей. По сути, мы можем говорить о том, что долгое время влияние сюжетов культуры могло быть сильнее, чем влияние сюжетов отдельных произведений, и потребовалась работа гениев, от Достоевского до Блока, чтобы убедить, что одна отдельная картина может менять жизнь и мировоззрение человека.

Рембрандт в целом избалован вниманием русской поэзии, конечно, благодаря историческим причинам, если бы Екатерина II не купила бы по совету Д. Дидро коллекцию семейства Кроза (1772), в которой Рембрандт был представлен целыми семью картинами, а через несколько лет и коллекцию Роберта Уолпола (1779), он не был бы так сравнительно быстро понят. Эрмитажные полотна сразу показывали способность Рембрандта изображать любой возраст, от младенческого до старческого, что отразилось в строках из «Домика в Коломне» (1833) Пушкина: «Старушка (я стократ видал точь-в-точь / В картинах Рембрандта такие лица)», – иначе говоря, другие художники с их системой условностей и как бы вневременным жизне-

подобием не могут передать именно специфику возраста и сопровождающего этот возраст поведения – а «Домик в Коломне» как раз исследует за пределами литературных жанров поведение людей, вызванное не структурой интриги, но, наоборот, формирующее интригу в силу психофизиологии данного возраста, что, конечно, связано и с тогдашними размышлениями самого Пушкина о старости и смерти.

Включение Рембрандта в канон великих западных религиозных художников, которых необходимо знать всякому, кто будет создавать полотна и росписи на библейские сюжеты, определило и его место в официальном имажинарии. Скажем, А. Е. Егоров, учитель Брюллова, писал большую часть духовных картин в стиле Рафаэля, но все картины страстного цикла – в караваджистско-рембрандтовских тонах. Отчасти такой переход от Рафаэля к Рембрандту обязан тому, что академизм требовал «нимбов» центральных изображённых лиц, хотя бы эти нимбы с трудом вписывались в жизнеподобную организацию пространства и выглядели как подсветка или диски на голове, исключаящие другой «головной убор». В сценах Страстной недели далеко не все лица святые, кроме того, необходимо подчеркнуть особую божественную святость Спасителя при неприглядности происходящего. Рембрандт, мастер головных уборов, умел передавать сияние святости не только традиционным нимбом-подсветкой, но и более сложными эффектами освещения, поэтому принятие его манеры для этой темы диктовалось темой, тематизм оказывался сильнее стилистики.

Приведём простой пример. К 100-летию Патриотического института было выпущено официальное издание, в котором упоминалось, что в институте якобы была копия «Нагорной проповеди» Рембрандта [1, с. 50].

Но у Рембрандта не было произведения с таким названием, проповедь с точки зрения его живописной поэтики несценична. Но само это описание стало возможно благодаря тому, что для института была приобретена картина А. Е. Егорова «Снятие с Креста», отчасти имитирующая одноимённое произведение Рембрандта, которое и заставило подозревать любые сцены с Христом, которые не относятся к страстному циклу, в том, что в них изображена проповедь, – ведь деяния и чудеса потребовали бы более классицистской композиции и нимбов, исходя из тогдашних художественных привычек зрителей, тогда как Нагорная проповедь, хотя и существовала в итальянских образцах, не опознавалась именно как эта проповедь, а не любая другая беседа, без пояснений. Если что-то опознано как Нагорная проповедь без пояснений, тогда казалось, что это не итальянская, а рембрандтовская традиция, у которого без пояснений каждая проповедь характерна, а не вписывается в готовые треугольники композиций.

Такая оптика, связывавшая с классицизмом деяния, иначе говоря, резкий перелом от одной ситуации к другой, а со стилем Рембрандта – возраст, который один даёт право на проповедь, всегда и проявлялась в поэтическом восприятии Рембрандта, начиная со знаменитого экфрасиса Лермонтова «На картину Рембрандта», в котором обычно видят внимание Лермонтова к мрачной светотени [4, с. 114]. Лермонтова поразила находившаяся в собрании Строганова (позднее переданном в Эрмитаж) картина «Титус в монашеском платье», он сделал и карандашный набросок картины, явно прочитанной в ключе байроновского «Гяура», повлиявшей и на сюжет поэмы «Мцыри». В собрании Строганова была и вторая картина Рембрандта, «Иеремия, оплакивающий гибель Иерусалима», и, конечно, уста-

новка скорби как одиночества оказывается ключевой при модификации сюжета «Гяура». У Байрона сложный сюжет мести, которая, даже если она праведна, не способна разделить эротическое влечение и тираническую злобу, логично получает свой финальный символ – кольцо, которое главный герой передаёт рассказчику как талисман памяти обо всём произошедшем. У Байрона убийца Гассана обречён на бесславие всем строем жизни Высокой Порты, в которой слава может достаться лишь таким, как Гассан, и его монашество – только метафора этого беславия. Тогда как в стихотворении Лермонтова «Гяур», наоборот, назван «беглец ... знаменитый», и замыкается другое кольцо, не кольцо мести и памяти об убитой Лейле, а кольцо самой природы: писать верно с натуры и писать автопортрет – для Лермонтова одно и то же. Одиночество человека в природе означает непроницаемость природы человека для него самого: он уже не может увидеть себя в ясном зеркале природы, но, напротив, всегда оказывается загадкой для самой природы.

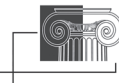
Следовательно, загадка изображений Рембрандта не может быть разгадана указанием на какие-либо биографические обстоятельства, на то, какие лица послужили моделями или в какой мере изображение автопортретны. Такое отношение к Рембрандту прямо противоположно тому, как воспринимался Рафаэль и, вообще, итальянская ренессансная живопись, где как раз биографические ключи оказывались основной интерпретации и на Западе (от картины Энгра 1814 года «Рафаэль и Форнарина» до концепции живописи Леонардо и скульптуры Микеланджело у З. Фрейда), и в России (от «Мадонны» Пушкина до романа «Воскресшие боги» Мережковского). Итальянское живописное зеркало природы превращает биографию в автобиографию, а зна-

чит, смотрясь в это зеркало, мы лучше понимаем себя. Тогда как Рембрандт говорит о чём-то другом, чем биографическая реальность, скорее, о непознаваемости и загадочности природы или о невозможности такого замыкания рефлексии в биографический дискурс.

Такое хрестоматийное противопоставление условной итальянской манеры и рембрандтовской мы находим, например, в позднем стихотворении В. Брюсова «Боттичелли» (1921). Брюсов в стихах рассуждает о трансгрессии: итальянская манера изображать события в обличье перелома к святости в конце концов приводит к тому, что художник отрекается от своего творчества и идёт к святости, что мы видим на примере Боттичелли, увлечёвшегося проповедью Савонаролы. Поэт противопоставил Боттичелли, сжигающего свои картины под влиянием проповеди Савонаролы, и Рембрандта, становящегося новой мерой оправдания искусства:

Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?

Боттичелли – не выдерживающий давления истории художник, тогда как Рембрандт – сам как бы совершенное произведение искусства, само движение искусства. Дым от картин сравнивается со скинией, способной «примеры вселенной хранить», иначе говоря, доказывающей, что художественная идея не работает, если она просто воплощена, но только когда становится поступком. Таким образом, у Брюсова Рембрандт тоже оказывается художником Страстной недели (вряд ли он имеет в виду конкретную картину, но, скорее, это общее свойство «петербургского» Рембрандта), ху-

дожником вертикальной композиции, в отличие от риторических кадров классицизирующей живописи, а значит, автором, который и оказывается характерным героем собственной ситуации, а не исполнителем благочестивых шаблонов. Этому есть параллель в прозе Брюсова «Последние страницы из дневника женщины»: герой возит возлюбленную по Италии, показывая мастеров, и в этом сценичная драматургия любви, но свой кабинет украшает гравюрами с Рембрандта, и в этом – внесценичная тайна его жизни.

Задолго до этого эстетического итога и Брюсов, и другие символисты пытались осмыслить границы итальянского и рембрандтовского типа творчества, и в случае Рембрандта никогда не получалось отсылки к отдельному произведению, но только к какому-то проходящему через разные произведения приёму. Но самое интересное – это явное влияние эрмитажной коллекции, превышавшее влияние репродукций самых хрестоматийных работ Рембрандта. Оказывалось, что Рафаэля можно знать по репродукциям (отчасти санкционировал это Гоголь в «Выбранных местах...», благословивший репродукцию академика Иордана с «Преображения» Рафаэля), тогда как Рембрандта нужно видеть, более того, одно произведение не исчерпывает содержания увиденного, что именно Рембрандт проделывает с собственной природой. Сами условия эксперимента видны по соседним произведениям, которые оказались в коллекции. Так, в стихотворении Александра Добролюбова «Эрмитаж 796» описывается картина с соответствующим инвентарным номером (судя по всему, ошибочным). Как часто у этого символиста, стихотворение имеет указание на ритм исполнения «Allegro con fuoso» и делится на три части:

Я ли Его не оплакала? Я ли Его не обвеяла? От Моей груди всосал Он жизнь. От Моей груди всосал Он скуду.

Юнош! не бойся. Не забывай Золотистое! Господь внемлет гласу моления Твоего. Господь Твой – вертоград благоухающий.

Вечереют синие, синие горы. Склоняются осенние ветви... Я ли его не обвеяла? Я ли его не оплакала?

При всём неожиданном модернизме или импрессионизме образов стихотворение наследует трёхчастной риторической композиции: экспозиция, действие, мораль. При этом каждой части отвечает целый вид красноречия: контрасты судебного, движение от части к целому, эпидиктического и тавтологии совещательного. В стихотворении представлена прогулка по всему эрмитажному собранию (в реконструкции экспозиции мы руководствуемся [2]). Первая крупная композиция, которая встречала зрителя, была «Снятие с Креста» (инв. 753), далее шло «Жертвоприношение Авраама» (инв. 727) и, наконец, «Даная» (инв. 723). В таком случае сюжет понятен, исходя из импрессионистических ассоциаций с временами года. Распятие происходит весной – глагол «обвеяла» напоминает о весенних ветрах, а «скуда», голод – вообще о посте и нехватке пищи весной. Далее, жертва Авраама ради урожая явно ассоциируется с летом, «золотистое» как название вина и обещание вертограда – знак Исааку, что он будет не жертвой, а наоборот, главой семейства и что он разделит пир с отцом. Глас испуга превратился в глас моления, а лето до времени сбора урожая отмечено благоуханием. Наконец, золотой дождь вызывает ассоциацию с листопадом, а листопад – с осенними ветвями, ассоциативные цепочки всё усложняя-

ются, чтобы ввести «Данаю» в число евангельских картин. Осенний дождь оборачивается плачем, золотой жаркий день сменился синим вечером, непорочное зачатие и его прообраз в сюжете Даная – невинными слезами.

Тогда восстанавливается простой сюжет уже не биографического, а глубинного познания природы: за весной приходит лето, а после – осень, всё возвращается к былому, но при этом обретается одно, речь, уже свободная от ассоциаций, от необходимости разгадывать, к какому событию какая речевая формула относится. Таким образом, Рембрандт освобождает от классицистской формульности благочестивой живописи и позволяет впервые от первого лица высказать религиозное чувство, в виде концентрированного и многослойного символа, где Даная-дождь-непорочность-осень-плод-Царствие Небесное оказываются объединены в одну неоспоримую реплику.

Также явно не к одному, а к нескольким произведениям Рембрандта обращается Пастернак. Закрывающее, пятое стихотворение цикла «Сон в летнюю ночь» (1918–1922) подытоживает темы первых четырёх: творчество как непрерывность в противовес скудному бытовому распределению (1), призвание поэта как призвание врача, который должен напоить мир своей щедростью (2), музыкальный ритм как возможность вызвать эту щедрость (3), сверхчувствительность поэта как постоянное ощущение смертности и доказательство бессмертия от противного (4). Эти темы опять названы: «непрерывным патрулём», «жажда гигантов», «тише, не гамьте», «это был мор» – и причудливо перемешаны.

Пей и пиши, непрерывным патрулём
Ламп керосиновых подкарауленный

С улиц, гуляющих под руку в июле
С кружкой пива, тобою пригубленной.

Зеленоглазая жажда гигантов!
Тополь столы осыпает пикулями,
Шпанкой, шиповником –
тише, не гамьте! –
Шепчут и шепчут пивца загогулины.

Бурная кружка с трёхгорным
Рембрандтом!
Спёртость предгрозя тебя
не испортила.
Ночью быть буре. Виденья, обратно!
Память, труби отступление
к портерной!

Век мой безумный, когда образумлю
Темп потемнелый былого бездонного?
Глуби Мазурских озёр не разуют
В сон погруженных горнистов
Самсонова.

После в Москве мотоцикл тараторил,
Громкий до звёзд, как второе
пришествие.
Это был мор. Это был мораторий
Страшных судов, не съезжавшихся
к сессии.

Вопреки комментаторам [3, с. 213], считающим, что «трёхгорный Рембрандт» – реклама на этикетке трёхгорного пива (ни этикеток, ни реклам с репродукциями Рембрандта найти не удалось), речь в этой строке идёт о Bierkrug Rembrandt, китчевом изделии: оловянной кружке с барельефами по мотивам известных полотен Рембрандта. Изучение коллекций этих кружек показало, что никогда дело не ограничивалось одним произведением: ведь надо было занять весь цилиндр кружки. В этом немецком изобретении выразилось как раз проти-

востояние Рембрандта с его выстраиванием новых форм, в том числе как бы новых форм себя, классицизму с его разделением видов искусства и своими правилами работы в каждом из видов и жанров.

Такие кружки любили в германском мире, и дальнейший рассказ в стихотворении о поражении армии Самсонова при Танненберге подтверждает, что речь идёт об общей хрупкости мира в Первую мировую войну. Подразумеваемый образ оловянной кружки позволяет осмыслить мировую войну как чуму и «мор», потому что «спёртость предгрозя» указывает на явление «оловянной чумы», деформации кристаллической решётки под влиянием низких температур. Олово появилось не случайно: «оловянная чума» приводит к хрупкости не только самого изделия, но и соседних, соприкасающихся, происходит «заражение», дальнейший обвал кристаллической решётки. Смысл стихотворения: память о прошлом нельзя вытеснить, даже если пытаешься забыть о дурном и помнить хорошее, но её можно пересобрать на новом месте, в Москве, а не на полях сражений. Поэтому московский локус и потребовал обращения не к эрмитажному собранию, а к подручному собранию на немецкой оловянной кружке.

Открытую Лермонтовым традицию считывания живописного портрета Рембрандта как психологической загадки, не сводящейся к драматическим сценическим перипетиям, замкнул Борис Поплавский в загадочном стихотворении 1923 года:

Голоса цветов кричали на лужайке,
Тихо мельницу вертело время.
Воин книгу за столом читал.
А на дне реки прозрачной стайкой
Уплывали на восток всё время
Облака.
Было жарко, рыбы не резвились,

Фабрики внизу остановились,
Золотые летние часы
С тихим звоном шли
над мёртвым морем:
Это воин всё читает в книге.
Буквы в книге плачут и поют.
А часы вселенной отстают.
Воин, расскажи полдненным душам,
Что ты там читаешь о грядущем.
Воин обернулся и смеётся.
Голоса цветов смолкают в поле.
И со дна вселенной тихо льётся
Звон первоначальной вечной боли.

Стихотворение Поплавского во многом воспроизводит мотивы лермонтовского стихотворения: одиночество героя, его медитативное состояние и неизбывная боль, средство психологического состояния с состоянием природы. Но только там, где у Лермонтова психологическая разгадка героя, там у Поплавского его пытается разгадать сама природа, и при этом «буквы» и «часы» не справляются с этой загадкой. Таким образом, сюжет можно реконструировать как то, что воин может быть наедине с собой только тогда, когда сама природа переживает состояние особой полуденной тоски, канонизированной романтизмом, но и то, его загадка не может быть разгадана никем, даже им самим, он «смеётся», иначе говоря, ключ к его психологической жизни не может быть найден. Тогда закономерно можно предположить, что Поплавского вдохновил тот же портрет, что и Лермонтова, но опыт общения с живописью Рембрандта оказался не сведён к реконструкции сюжета, но уже перешёл к пониманию живописной поэтики.

Поэтому мы предполагаем, что данное является экфрасисом трёх картин, которые встретились в эрмитажном зале и которые представляют три роли Титуса. Интересно,

что все три картины были проданы в 1927–1930 годах на мировых аукционах. Комментаторы обращали внимание, что у Рембрандта нет сюжета с читающим воином, как и соединения всех упомянутых элементов, как цветы, мельница и воин, в одном сюжете. Но заметим, что при этом Рембрандт был мастером коротких теней, значит, изображение полдня было частью его профессиональной деятельности.

Во всех трёх картинах с Титусом падающий свет очень ярок, хотя и падает он с разных точек. И если мы соединим три роли Титуса: Иосифа Прекрасного как чтеца и разгадчика сновидений, как воина, который

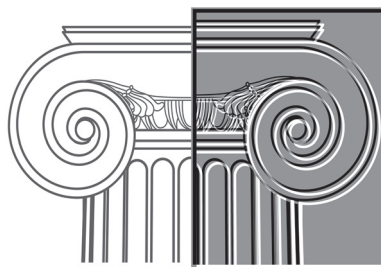
впервые примеряет своё облачение и как монаха, углублённого в себя, то становится понятно, о чем идёт речь: о невозможности, толкуя чужую боль, как-либо преодолеть собственную боль, которая оказывается везде. Опять Рембрандт противопоставляется академической живописи с её изображением страстей и сильных переживаний, но не как растворённых во вселенной, а как локализованных в перипетии сюжета. Рембрандт оказывается художником Страстной недели и Воскресения, независимо от того, берёт ли он библейские или мифологические сюжеты, и это определило ряд достижений русской культуры.

Примечания

1. Бардовский И. Ф. Патриотический институт за 100 лет. Санкт-Петербург, 1913. 72 с.
2. Бенау А. Н. Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа. Санкт-Петербург : Издание общины св. Евгении, 1911. 448 с.
3. Мальцева О. Шекспир, Шопен, Рембрандт и другие: Концепция гения в христианской парадигме Бориса Пастернака // *Acta Polono-Ruthenica*. 2016. Том 21. С. 205–216.
4. Поташова К. А. Эстетика света и поэтика контрастов в художественных системах Рембрандта и Лермонтова // *Литературоведческий журнал*. 2014. № 35. С. 107–116.
5. Сурат И. З. Автопортрет, кувшин и мученик Рембрандт // *Новый мир*. 2017. № 10. С. 202–212.
6. Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / ред. Т. Автухович. Siedlce, 2018. 703 с.

References

1. Bardovsky I. F. *Patrioticheskiy institut za 100 let [Patriotic Institute for 100 years]*. St. Petersburg, 1913. 72 p. (In Russian)
2. Benua A. N. *Putevoditel' po kartinnoy galeree imperatorskogo Ermitazha [Guide to the Art Gallery of the Imperial Hermitage]*. St. Petersburg, Publication of the community of St. Eugenia, 1911. 448 p. (In Russian)
3. Mal'tseva O. Shekspir, Shopen, Rembrandt i drugie: Kontseptsiya geniya v khristianskoy paradigme Borisa Pasternaka [Shakespeare, Chopin, Rembrandt and others: The concept of genius in the Christian paradigm of Boris Pasternak]. *Acta Polono-Ruthenica*. 2016, vol. 21, pp. 205–216. (In Russian)
4. Potashova K. A. Estetika sveta i poetika kontrastov v khudozhestvennykh sistemakh Rembrandta i Lermontova [Aesthetics of light and poetics of contrasts in the artistic systems of Rembrandt and Lermontov]. *Literaturovedcheskiy zhurnal [Literary Journal]*. 2014, no. 35, pp. 107–116. (In Russian)
5. Surat I. Z. Avtoportret, kuvshin i muchenik Rembrandt [Self-portrait, pitcher and martyr Rembrandt]. *Novyy mir [New World]*. 2017, no. 10, pp. 202–212. (In Russian)
6. Avtukhovich T., ed. *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya [Theory and history of ecfrasis: results and prospects of study]*. Siedlce, 2018. 703 p. (In Russian)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
И СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

INSTAGRAM КАК ЗЕРКАЛО ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАЗДНОГО КЛАССА

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10410

А. А. Лисенкова

Пермский государственный институт культуры

В статье говорится о влиянии социальных сетей на трансформацию форм демонстративного статусного потребления. «Праздничный класс» в современном мире изменяется под влиянием новых средств коммуникации, приобретает всё более массовые черты и создавая фреймы эталонного потребления для различных групп, перенимающих данные привычки и способных мимикрировать под элиту. Гипервизуализированный контент социальных сетей, в частности сети Instagram, становится современным доступным средством самовыражения для миллионов пользователей, делая максимально зримым праздничный образ жизни, тем самым порождая новую образность в процессе артикулирования и репрезентации собственного Я через различные стратегии презентации праздничного образа жизни и статусного потребления, создавая моду на праздность и навязчивую демонстративность.

Ключевые слова: праздничный класс, демонстративное потребление, репрезентация, социальные сети, цифровизация, автопроект, персональный брендинг.

Anastasiya A. Lisenkova

Perm State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Gazety "Pravda" str., 18, 614000, Perm, Russian Federation

INSTAGRAM AS A MIRROR OF THE DEMONSTRATIVE CONSUMPTION OF THE IDLE CLASS

The article deals with the impact of social networks on the transformation of forms of demonstrative status consumption. The "idle class" in the modern world is changing under the influence of new means of communication, acquiring more and more mass features and creating frames of reference consumption for different groups adopting these habits and able to mimic under the elite. Hypervisualized social media content, in particular Instagram, is becoming a modern accessible means of expression for millions of users making the most visible idle lifestyle, thereby generating new imagery in the process of articulation and representation of one's own "I" through various strategies of presentation of an idle lifestyle and status consumption, creating a fashion for idleness and obsessive demonstrativeness.

Keywords: idle class, conspicuous consumption, representation, social networking, digitalization, self-management, personal branding.

Для цитирования: Лисенкова А. А. Instagram как зеркало демонстративного потребления праздничного класса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 80–86.

ЛИСЕНКОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры

LISENKOVA ANASTASIYA ALEKSEYEVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor, Vice rector for research and international activities, Perm State Institute of Culture

e-mail: Oskar46@mail.ru
© Лисенкова А. А., 2019

*Для господина, живущего в праздности,
демонстративное потребление материальных ценностей
есть средство достижения уважения*
Т. Веблен

В эпоху бурного развития интернет-технологий и мобильных устройств, перманентной коммуникативности и связи «всего со всем» (М. Маклюэн) новые медиа становятся актуальной платформой для реализации горизонтальных связей и всеобъемлющей консьюмеризации. Данные трансформации оказывают влияние не только на изменение представлений о пространстве и времени, но и на процессы репрезентации и идентификации современного человека.

Гипертрофированное восприятие медиареальности становится определяющим фреймом развития новых отношений и стратегий достижения персонального успеха и признания, где «медиареальность становится более реальной, чем сама реальность» [3, с. 294], а отношения внутри виртуальной сети, где создаются и транслируются новые символические значения, единственно возможными и желаемыми. Данные трансформации формируют устойчивую потребность в конструируемой идентичности и различных стратегиях её сетевой виртуальной репрезентации, а «через символическое потребление в значительной степени происходят самоидентификация и социализация человека в современном мире» [4, с. 45]. Таким образом, умножение различного вида коммуникаций, постоянная потребность в заявлении о себе, подтверждении собственного присутствия и существования создают условия для появления новых, часто агрессивных стратегий репрезентации персонального опыта и создания гипертрофированных, фриковых эталонных героев новых медиа, которые вы-

ступают не только в роли информационных трансляторов, но и производящими реальности, формируя глобальное пространство с бесконечным количеством дискурсов. «Мир “явлений” – знаков, образов, интерпретаций становится миром медиа, а реальность всё в большей степени обретает черты медиареальности» [2, с. 143], где тотальная коммуникативность порождает новые смыслы, новые форматы репрезентации и идентификации.

Таким образом, новые медиа из инструмента для развлечений трансформируются в мощнейшие каналы воздействия и влияния, становясь механизмами формирования новых жизненных стратегий и управления общественным мнением, а цифровые мобильные устройства изменяют наши представления о себе и об окружающих.

Данный перманентный процесс публичной нарративизации, самопрезентации и коммуникации задаёт фрейм для идентификационных стратегий успеха в виртуальном мире Глобальной сети, где для современного человека цифровой эпохи мобильность, демонстративность и постоянная включённость стали неотъемлемым образом жизни. Потребность быть видимым, оценённым, признанным и востребованным становится одной из движущих сил современного общества. «Мы заявляем о своём присутствии лайками, комментариями, постами и репостами, фотографиями и изменениями статусов, предъявляя себя миру и другим людям в режиме реального времени и практически непрерывно, так как в мире тотальной визуализации

и маркетизации всех сфер оставаться вне этого поля невозможно» [1, с. 217]. Как отмечает М. Мафессоли, вводя определение «новый трайболизм» по отношению к складывающимся явлениям, сегодня над потребностью в индивидуализации довлеют потребности в соучастии, совместном переживании эмоций, принадлежности, зрелищности, символическом статусном поведении и признании. Благодаря развитию технологий и новых форм фиксации и репрезентации повседневного опыта именно эти потребности наиболее полно нашли своё удовлетворение в социальных сетях, где индивидуальный опыт становится не только достоянием многих, но и эталоном для подражания и статусного самоопределения. Символическое потребление в социальных сетях становится всё более демонстративным и гипервизуализированным, приобретая новые черты, выходя за рамки привилегированных сообществ и приобретая массовый характер. Особенно ярко данные тенденции проявляются в среде так называемого праздного класса, с его подчёркнутой перформативностью, активной демонстрацией статусного потребления, публичного утверждения актуальных и востребованных жизненных стратегий.

Сегодня коннотация термина «праздничный класс» трактуется несколько иначе, чем первоначальное определение Тройстена Веблена [8], приобретая новые смыслы и значения. Так, например, в связи с развитием технического прогресса, появлением и развитием новых видов деятельности и новых профессий «праздничный класс» эволюционирует и представляет уже не только военных, священнослужителей, спортсменов, ремесленников и управленцев, но и значительную часть современной непромышленной сферы, в том числе фриланса, шоу-бизнеса, представителей различных творче-

ских профессий и многих других отраслей, не связанных с непосредственным производством. Данный сектор в России с каждым годом всё увеличивается и сегодня составляет уже более 60% рынка, что связано с различными изменениями в экономических и политических сферах. Необходимо отметить, что стимулами роста увеличения «праздного класса» в России также выступают: низкая предпринимательская активность, рост государственного аппарата (чиновников), расширение влияния православной культуры (порицающей частную собственность), увеличение непромышленной сферы (торговля, охрана, услуги и т.п.), а также то, что молодые люди быстро перенимают эталонные привычки элиты и создают так называемый побочный праздничный класс, активно мимикрирующий под элиту.

Таким образом, современный «праздничный класс» в России многочисленный, и его обыденные практики и способы организации досуга характеризуются наличием достаточного свободного времени и относительно высоким качеством жизни, что порождает спрос на новую структуру организации досуговой деятельности, способов её фиксации, репрезентации, а также стратегии и каналы трансляции.

Что же влияет на эту демонстративную образность потребления? Ответ, кажется, лежит на поверхности – социальные перемены, трансформации систем и каналов общения, технологии, размывание границ времени и пространства, процессы глобализации и мультикультурализма, а также всепоглощающая мобильность и гипервизуализация. Потребность постоянно быть включённым, быть «на связи», замеченным и одобренным формирует мировоззрение успеха современного человека поколения *digital native*, для которого цифровой спо-

соб передачи информации, коммуникации и презентации себя оказывается естественным и единственно возможным образом жизни, более того, опираясь на цифровые инновации и новые способы деятельности, современный человек конструирует себя и задаёт свою жизненную стратегию. В этом отношении виртуальные коммуникации и социальные сети позволяют не только быть всегда «в контакте», но и создают возможности для «оживания» и «очеловечивания» цифровой среды, в частности создавая условия для развития различных стратегий демонстрации праздности.

В данных условиях праздность становится не только маркером благосостояния и агрессивного финансового соперничества, как это было ранее, но и способом активной публичной репрезентации собственной идентичности в цифровом мире, вытесняя приватное в область публичного, реализуя потребность в признании и одобрении, в создании собственного сетевого автопроекта и персонального бренда.

Благодаря развитию визуальных форм фиксации повседневного опыта, начиная с фотографии и заканчивая современными сетевыми формами визуальной коммуникации, такими как Instagram или Facebook, индивидуальный опыт становится достоянием многих. А тотальная визуальность, порождая новые форматы образности, на первый план активно выводит жизнь тела и представление его физического присутствия в коммуникационном пространстве виртуальной среды через различные стратегии демонстрации праздности. В этом отношении конструирование социального профиля виртуальной личности в Глобальной сети становится автопроектом и персонализированным нарративом успеха через самосозерцание и отождествление себя с Другими в опосредованном взаимодействии че-

реды телесных образов и одобряемых моделей поведения.

В этой связи показательным ресурсом, отражающим современные тенденции демонстративного потребления и организации различных форм досуга праздного класса, стала социальная сеть Instagram. Выступая в качестве цифрового аналога глянцевого журнала с открытым доступом и отсутствием редакционной политики, Instagram является доступной и открытой площадкой для миллионов пользователей, делая максимально зримым праздный образ жизни, тем самым порождая новую образность в процессе артикулирования и репрезентации собственного Я, задавая тем самым фрейм стратегиям репрезентации, ориентированным на массовость и интерактивность потребления глянцевого образа всеми пользователями сети ежедневно семь дней в неделю, находясь в любой точке мира. Обладая специфическими чертами, такими как массовость, интерактивность, гиперперформативность, партиципаторность, модульность создаваемого нарратива, ритуальность, Instagram создаёт моду на праздность и чрезмерную визуализированность. При этом демонстрация праздного образа происходит по заранее заданным эталонным канонам и выстраивается в рамках определённых фреймов, играющих роль маркеров успешности и достатка.

Необходимо отметить что в роли маркеров могут выступать дети, любовные отношения и семья, создавая благополучно-сентиментальный фон для демонстрации успеха, подтверждая собственным присутствием в кадре статус презентуемого (как ранее успешность и статус праздного класса подчёркивался в том числе через статус «женщины-спутницы», сегодня эту роль выполняют также мужчины-спутники, дети, домашние животные и друзья, селебритиз).

Особое место в Instagram-презентациях занимают фотографии путешествий и еды, которые служат не только безусловным маркером состоятельности, но и объектом самокатегоризации презентуемого через собственное присутствие (я не только то, что я ем и где путешествую, но и каким образом я это делаю), таким образом наделяя собственный образ образом места и утверждая себя как «пробующего новое, неизведанное» в окружении других статусных атрибутов (места путешествий, отели, пляжи; посуда и интерьер в процессе еды и т.д.). Фотографии еды и путешествий также служат не только подтверждением собственного существования, но и качества жизни и проведения досуга в глазах других – я ем, путешествую, следовательно, я есть, более того, я ем красиво и отдыхаю в красивом месте, активно демонстрируя и создавая эталон, выступая законодателем моды для аналогичного потребления других слоёв и социальных групп.

Отдельного внимания заслуживают телесные практики презентации демонстративного потребления, активно представленные в Instagram через различные косметические манипуляции и демонстрацию здорового образа жизни (фитнес, йога и т.п.). Образ тела здесь всегда рекламопривлекателен и служит подтверждением успеха, процветания, долголетия, красоты и статуса. Быть в форме модно, уделять время исключительно себе престижно, продавать образ тела выгодно. Таким образом, здоровый образ жизни становится одной из главных стратегий репрезентации, позволяя сочетать в себе презентацию и рекламу, вплетая в собственный проект популярные бренды, и самому становиться частью мейнстримной культуры и продаваемым брендом.

Отличительной специфической особенностью современного «праздного клас-

са» становится неразделённость досуга и работы, если ранее, как отмечал Т. Веблен, «праздный класс» характеризовался именно наличием времени для проведения досуга, то сегодня досуг часто становится органичной частью рабочего времени, так как само рабочее время перестаёт иметь чёткие временные характеристики рабочего дня (например, эти тенденции наиболее ярко проявляются в среде шоу-бизнеса, политики, фриланса и других).

Данные тенденции позволяют не только олицетворять себя с определённым видом деятельности, носящим престижный характер, но и благодаря собственному имиджу создавать престиж профессии. Эти факторы имеют единый вектор развития, взаимодополняя и обогащая друг друга, работая совместно на капитализацию и престиж как сферы деятельности, так и каждого её участника. Демонстрация процессов работы позволяет создавать целостный образ презентуемого, подчёркивая его состоятельность и успешную жизненную стратегию. Особенно ярко данные проявления можно наблюдать в публичных Instagram-блогах политиков, спортсменов, представителей шоу-бизнеса, писателей, журналистов и других.

Отличительной особенностью современного демонстративного потребления «праздного класса», в связи с массовостью новых медиа, становится тот факт, что максимальная публичная нарративность во всех сферах становится дополнительным источником роста его капитала, а постоянная визуализация повседневных практик в сетевом пространстве создаёт условия для эталонности различных форм репрезентации персонального опыта. Сегодня наиболее популярные Instagram-блогеры за счёт массовости и публичности своих аккаунтов получают возможности размещения рекла-

мы, опосредованного продвижения, скрытой рекламы брендов, увеличивая и капитализируя собственные профили и бесконечно умножая яркие рекламные образы праздности. В отличие от журналов и фотоальбомов времён Т. Веблена, транслирующих привлекательность жизни «праздного класса» ограниченному сообществу, социальные сети создали доступную и всеобъемлющую платформу для возникновения моды на праздную жизнь во всех слоях общества, тем самым размывая границы демонстративного потребления. Таким образом, создавая моду на жизнь, подчинённую объективу, в стремлении быть востребованными и особенными, пользователи социальных сетей всё в большей мере становятся похожими на эталон, тиражируе-

мый серийностью и сериальностью массовой культуры.

В итоге, создавая условия для демонстрации различных форм досуга, символического потребления, агрессивного статусного соперничества и престижного времяпровождения Instagram обеспечивает моду на праздную образность повседневности в современном мире. Праздность становится эталоном проведения не только свободного времени, так как границы работы и досуга всё более размываются, но и в целом успешной жизненной стратегией, а её навязчивая демонстративность является дополнительным источником финансового благополучия, порождая стремление подражать и становясь целью жизни многих молодых людей.

Примечания

1. Конева А. В., Лисенкова А. А. День без селфи прожит зря, или Цифровые визуальные стратегии самоидентификации // Вестник Томского университета. Серия: культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 214–228.
2. Савчук В. Медиафилософия. Присутствие реальности. Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2014. 350 с.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Москва : Аспект Пресс, 2004. 400 с.
4. Фуркин Б. А. Символическое потребление и человек в информационном обществе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6 (50). С. 45–50.
6. Kerwin Kofi Charles, Erik Hurst, Nikolai Roussanov *Conspicuous Consumption and Race*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w13392.pdf> (In English)
7. Maffesoli M. *Tribalismepostmoderne De l'identité aux identifications*. Available at: <https://www.cairn.info/revue-societes-2011-2-page-7htm#> (In French)
8. Veblen T. (1994) *Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan. 400 p. (In English)

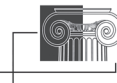
References

1. Koneva A. V., Lisenkova A. A. Den' bez selfi prozhit zrya, ili Tsifrovye vizual'nye strategii samoidentifikatsii [A day without a selfie is lived in vain, or Digital visual strategies of self-identification]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk University. Series: Cultural Studies and Art History]. 2018, no. 32, pp. 214–228. (In Russian)
2. Savchuk V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. Fit of reality]. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Academy of Arts, 2014. 350 p. (In Russian)
3. Uebster F. [Webster F.] *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow, Publishing house «Aspect Press», 2004. 400 p. (In Russian)
4. Furkin B. A. Simvolicheskoe potreblenie i chelovek v informatsionnom obshchestve [Symbolic consumption and man in the information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 6 (50), pp. 45–50. (In Russian)

6. Kerwin Kofi Charles, Erik Hurst, Nikolai Roussanov *Conspicuous Consumption and Race*. Available at: <https://www.nber.org/papers/w13392.pdf> (In English)
7. Maffesoli M. *Tribalismepostmoderne De l'identité aux identifications*. Available at: <https://www.cairn.info/revue-societes-2011-2-page-7htm#> (In French)
8. Veblen T. (1994) *Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan. 400 p. (In English)

*

ГЛАМУРНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 130: 316

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10411

Е. Л. Яковлева

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Целью статьи является исследование гламурной меланхолии, формируемой сегодня идеологией гламура и медийной средой, тиражирующей её ценности. Проанализировав текст К. Юханнисон «История меланхолии», согласно которому в каждой культурно-исторической эпохе складывается собственный вид меланхолии, автор выдвигает гипотезу о существовании в современности гламурной меланхолии, базирующейся на страхах. Проведённый анализ социокультурной ситуации, опирающийся на феноменологический метод, привёл к заключению, что жизнь современной личности, манипулируемой гламурными стандартами, оказывается страховоопасной. Среди значимых страхов можно назвать страхи несоответствия собственной внешности гламурным стандартам, старости, выражаемый в синдроме Дориана Грея, и смерти. Автору удалось обновить проблематику меланхолии, представив новый материал по исследуемой теме. В научный оборот социальной философии и философии культуры введены термины «гламурная меланхолия», «синдром Дориана Грея» и «эффект Даннинга-Крюгера», позволяющие диагностировать социосферу и личность с философских позиций.

Ключевые слова: гламур, гламурная меланхолия, страх, образ, гламурная личность, синдром Дориана Грея, эффект Даннинга-Крюгера.

Elena L. Yakovleva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML),
Moskovskaya str., 42, 420111, Kazan, Russian Federation

GLAMOUS MELANCHOLY OF MODERNITY

The purpose of the article is to study the glamorous melancholy, which is formed today by the ideology of glamor and the media environment replicating its values. After analyzing the text of K. Juhannison “The History of Melancholia”, according to which in each cultural and historical epoch a personal kind of melancholia is formed, the author puts forward a hypothesis about the existence of glamorous melancholy based on fears in modern times. The analysis of the sociocultural situation, based on the phenomenological method, led to the conclusion that the life of a modern person manipulated by glamorous standards is insured. Among the significant fears are the fears of non-compliance of one’s own appearance with glamorous standards, old age, as expressed in Dorian Gray’s syndrome, and death.

ЯКОВЛЕВА ЕЛЕНА ЛЮДВИГОВНА – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

YAKOVLEVA ELENA LUDVIGOVNA – Full Doctor of Philosophy, Ph.D. (Cultural Studies), Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

e-mail: mifoigra@mail.ru
© Яковлева Е. Л., 2019

The author was able to update the problematics of melancholia, presenting a new material on the studied topic. The terms “glamorous melancholia”, “Dorian Gray syndrome” and “Dunning-Kruger effect” are introduced into the scientific circulation of social philosophy and philosophy of culture, allowing to diagnose the sociosphere and personality from a philosophical point of view.

Keywords: glamor, glamorous melancholy, fear, image, glamorous personality, Dorian Gray syndrome, Dunning-Kruger effect.

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Гламурная меланхолия современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 87–97. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10411

Гламур, доминирующий с 90-х годов XX века, привёл к появлению собственной идеологии. Благодаря ей сформировался особый тип общества, живущий по задаваемым и тиражируемым в медиасреде гламурным стандартам. Современная личность, следующая предлагаемым рекомендациям, должна демонстрировать своим внешним видом красоту, молодость и богатство. Перечисленные параметры, возведённые в культ медийной средой, оказывают мощное давление на массовое сознание, манипулируя им. Личность, игнорирующая стандарты гламура, считается несвоевременной, отставшей от жизни. Но при этом даже следование задаваемым гламурным параметрам не способствует уверенности индивида в себе. Напряжение создаёт постоянная и непредсказуемая смена модных тенденций, что рождает у личности *гламурную меланхолию*, поддерживаемую медийной средой.

Объектом исследования представленной статьи становится гламурная меланхолия, появляющаяся под воздействием манипулятивных атак со стороны медийной среды. В результате давления медиа современное массовое сознание начинает испытывать страх несоответствия гламурным стандартам. Проблема исследуется посредством феноменологического метода, позволяющего раскрыть особенности гламурной меланхолии и её проявлений в жизни личности.

Меланхолия как коллективная память представляет собой особое расположение духа, связанное с нервозностью, унынием, тоской, ранимостью, угнетением, уязвимостью, скукой, одиночеством, усталостью, тревогой, ужасом, растерянностью, упадком сил и утратой иллюзий [11, с. 7, 8]. В каждой культурно-исторической эпохе обнаруживается специфический модус меланхолии, обусловленный формированием *структуры чувств*, выражаемых неосознанно индивидом. Как справедливо замечает К. Юханнссон, «в обществе осознание того, как структуры чувств используются в качестве кодов социального взаимодействия, нередко приходит задним числом» [11, с. 11]. Проявляемые чувства как компоненты символического и культурного капитала изменяют индивида, пытающегося посредством собственного жизненного стиля завоёвывать себе ниши в социуме. Дело в том, что чувства «не только являются внутренними переживаниями человека, они также участвуют в социальных процессах» [11, с. 15].

Меланхолия, обусловленная отсутствием или утратой чего-либо/кого-либо, базируется на сформированных чувствах беспокойства, среди которых особое место принадлежит *страху*. Необходимо подчеркнуть, что страх экзистенциален. Он сопровождает индивида на протяжении всей жизни, постоянно меняя интенсивность воздействия (доминируя, отступая или скрываясь). Онтологические причины страха,

связанного с меланхолией, разнообразны: личность боится Бога, сил природы, зла, Других, Я, жизни/смерти, судьбы, новаций, деятельности, конфликтов, ошибок, свободы и пр. Ещё одной особенностью страха является его направленность в будущее: страх вызван боязнью неизвестного и несвершившегося, чему-то не соответствовать или что-то потерять. Сопряжённые со страхом эмоции обладают довольно большой амплитудой колебаний: от робости и трепета до ужаса и отчаяния. Подчеркнём, страх, связанный с меланхолией, вносит определённый раскол в существование личности. Он повергает индивида в пучину хаоса, заставляя метаться/тревожиться/искать/страдать и проявлять решительность/смелость/безрассудство/глупость/апатию. При этом в одних ситуациях человек способен контролировать силу проявлений страха, сгущая и разрезая его интенсивность, мобилизуя ресурсы и раскрывая собственный потенциал, что позволяет говорить об управлении ситуацией; в других – он бездействует и ничего не изменяет в сложившихся обстоятельствах. Нередко меланхолия и вызванный ею страх, главенствуя в бытии индивида, парализуют рефлексивное/креативное мышление, деятельность воли, разрушая дух. Но в любой ситуации, связанной с меланхолией и её страхами, индивид получает возможность проявить себя и извлечь жизненные уроки. В этом случае страх воспитывает личность, способную противостоять ему или снизить силу давления. Находясь внутри ситуации, связанной со страхом, и действуя в ней, (неожиданно) меланхолия отступает, открывая много путей для проявления индивида.

Каждая культурная эпоха, формируя (явно/прозрачно) собственную идеологию и шкалу ценностей, создаёт почву для рождения меланхолии и связанных с ней страхов в бытии личности, задаваемых извне.

Как заключил К. Юханнисон, меланхолия и страх формируются временем, его нормами и ценностями, при этом проявив себя и сообщив о своём существовании публично (например, в медиасреде), они становятся алгоритмами поведения личности, её восприятия себя и Другими, фиксируясь в качестве современного синдрома [11, с. 266, 270].

У каждой культурно-исторической эпохи обнаруживается свойственный ей вид меланхолии с генерализованной линией страха. Современность не является исключением: сегодня культурным самосознанием эпохи становится *гламурная меланхолия*, обладающая собственной спецификой. Меланхолический страх имеет множество ликов, раскрывающихся перед человеком постепенно, на протяжении всей жизни. В пространстве гламурного социального, подверженного манипулятивным технологиям медийной среды, страхи привносятся в жизнь индивида извне, а затем нагнетаются объективно и субъективно. При этом сегодня меланхолический страх приобретает черты гламурности, что наиболее ярко проявляется в языковой форме. Вспомним современные фразеологизмы: *страшно красивые, ужасно молодые, чтоб умереть, рядная обнажённость*. Или метафоры, подчёркивающие современный формат жизни, в котором смещаются гендерные функции, что косвенно характеризует страх перед жизнью, обстоятельствами и ответственностью – *женственный мужчина* и *мужественная женщина*. В приведённых примерах, согласно рассуждениям Ж. Бодрийяра, страх как зло уравнивается красотой, женственностью – мужественностью. Здесь «нарушения порядка не происходит, а логика сохраняется», демонстрируя «тонкое равновесие отрицания, уравнивание Зла Злом», вследствие чего происходит «рассеяние пола в его рассеянных фрагмен-

тах» [2, с. 112, 188]. Таким образом, меланхолический страх есть воплощение «логической последовательности Зла» (Ж. Бодрийяр), прозрачно внедряемого в социосферу.

Как мы отметили выше, гламур является *медийным проектом*, задающим свои эталоны и образы жизни посредством тиражирования материалов в СМИ и Интернет. Сегодня именно медийная среда (в том числе гляцевые журналы, каналы моды, социальные сети) становится основным транслятором текущих гламурных тенденций. При этом акцент в них сделан на *образ* как ключевую составляющую гламура, дополненную небольшим, довольно поверхностно-развлекательным текстом. Как справедливо заметил М. Ямпольский, сегодня наблюдается «общее движение нашей культуры от вербализируемых смыслов к смутным идеям аффектов» [12, с. 412], рождаемым образами, потому что «у нас остался только зрительный нерв, а все остальные удалены» [2, с. 224]. Не случайно именно образ, скроенный по шаблонам гламура, оказывается мощным манипулятивным средством, управляющим страстями и рождающим у массового сознания одновременно восхищение и меланхолический страх. Последний связан с тем, что, с одной стороны, гламур позиционирует свободу и креативность в самовыражении, с другой – незаметно программирует их. В данном процессе мы сталкиваемся с прозрачным манипулированием, что обеспечивается медийной средой, тиражирующей в качестве рекламы модные образы, тенденции, стиль жизни, воспринимаемые к сведению массовым сознанием. Именно в медийной среде задаётся главенствующий тон жизни, но при этом незаметно внедряются и определённые страхи, связанные с *несоответствием собственной внешности задаваемым стандартам*. Личность, окружённая гламурными образами, начинает испытывать дискомфорт

из-за своей разницы с канонами гламура, что привносит в её существование нервность и страдания. Незаметно внушённая ей формула, что *внешний вид современного человека должен соответствовать модным стандартам гламурного образа*, действует безотказно.

Необходимо отметить, современный *гламурный образ* оказывается практически полностью сконструированным. Технологичность медийной среды, стирающая грань между естественным и искусственным, преподносит практически полностью сконструированный искусственный образ как естественный, воспринимаемый массовым сознанием в качестве эталона для подражания. Созданный с помощью постановочной театральности жестов и поз, образ фиксируется фото- и видеосъёмкой, подвергаясь компьютерной обработке. При этом «модель может быть без макияжа, с невымытой головой, да хоть с короткими ногами – всю красоту потом сделает фотешоп» [5, с. 100], убирающий всё лишнее и добавляющий необходимое согласно гламурным стандартам. Конструируемый образ оказывается абсолютно изолированным, лишённым места существования. Его можно классифицировать в качестве *нейтрального портрета*: на лице гламурного образа «нет читаемых следов», оно «никак не маркировано», в нём «нет ни биографии, ни социального статуса», но технически его «фотографии сделаны с очень высоким разрешением, то есть несут в себе огромное количество следов внешнего воздействия», «каждая деталь в них фиксируется абсолютно точно» [12, с. 252, 253].

Проходя цифровую обработку, гламурный образ начинает тиражироваться в медийной среде, что способствует его закреплению в массовом сознании. Подчеркнём, такой образ, принадлежащий «необъятному массовому архиву», «утратил определённый

ность и перестал быть условием индивидуализации» [12, с. 253]. Тиражирование в СМИ и социальных сетях образов буквально *вымывает субъекта из культуры* (М. Ямпольский). Сконструированный образ есть «рабский подневольный образ, призрак некогда независимого существа, чья сингулярность была уничтожена» [2, с. 234]. Но современные люди, созерцая тиражируемые образы, моментально воспринимают визуальную информацию, связанную как с самим модным видом персоны, так и рекламируемыми атрибутами гламура. Дело в том, что гламурный образ – это в первую очередь медийный проект, формирующий эстетические ценности общества и стимулирующий потребительский спрос на брендовые товары и услуги для элиты и обеспеченного сегмента общества, их реплики и симулякры – для массового потребителя. В результате этого массовое сознание начинает приобретать рекламируемые предметы роскоши и имиджа, санкционированные модой. Не случайно ключевое предназначение созданного гламурного образа связано с рекламой роскошного образа жизни и соблазнением им. В медийном проекте гламура акцент на красоте не случаен: он выполняет функцию *очаровывающего обольщения*, соблазняя массовое сознание. Благодаря приобретению модных товаров и услуг человек создаёт собственный имидж, демонстрируя его в медийном пространстве и социальных сетях. Позиционирование себя по задаваемым образам в медиасреде, в том числе социальных сетях, делает личность гламурной персоной.

Среди стандартов красоты в современном образе подчёркивается молодость и присущие ей стройность и даже худоба. Рождаемый подобными установками *страх старения* называется психиатрами *синдромом Дориана Грея /Dorian Gray syndrome*. В основе данного синдрома лежит желание

длительного сохранения молодого образа жизни. Гламурная личность катастрофически боится физического старения и постепенного увядания: мысль о старости приводит её в ужас [4]. Вследствие этого индивид предпринимает отчаянные попытки prolongации молодости, выражаемые в ношении молодёжной одежды и атрибутики, копировании манер поведения и сленга молодых людей, подчёркнутой сексуальности и злоупотреблении косметическими средствами, использовании антидепрессантов в качестве модуляторов настроения и омолаживающих фармакологических препаратов, интенсивных занятиях спортом и обращении к помощи пластической хирургии. Гламурная личность активно борется с морщинами, дряблостью тела, сединой, бросая вызов возрасту, нередко радикальными способами. Жизнь выстраивается согласно фразеологизму *ужасно молодая(ой), чтоб умереть*.

В погоне за сохранением молодости личность с синдромом Дориана Грея теряет чувство меры и адекватность восприятия собственного возраста. Необходимо отметить, что сегодня не только медийные люди подвержены данному синдрому. Массовое сознание, манипулируемое идеями гламура, приходит к вытеснению возраста «за ширму сознания»: «на возраст наложена стигма, зрелость как психологический концепт обесценивается» [4].

Сильнейшая озабоченность сохранением молодости приводит личность с синдромом Дориана Грея к *дисморфическим расстройствам*, выражающимся в обеспокоенности даже малейшими дефектами собственного тела, связанными с процессами старения. Чтобы избавиться от морщин, дряблости и излишков собственного тела, индивид прибегает к диетам, физическим тренировкам, пластическим операциям, постоянно истязая себя перечисленным. Чувство вины за естественный процесс старения достав-

ляет дискомфорт, нередко доводя личность до депрессии и мешая радости восприятия себя.

Необходимо отметить, что название синдрома было заимствовано из произведения О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891), в котором за тело героя *старел портрет*, что сохраняло Дориану Грею молодость. Сложившаяся ситуация не принесла Дориану Грею счастья. Другое дело, что из художественно описанной истории массовое сознание сегодня не извлекает никаких уроков, пытаясь бороться с естественной старостью различными способами.

Со страхом старости оказывается сопряжённым и *страх смерти*, что приводит личность к отчаянию от осознания *бездны отсутствия* (Ж. Батай): понимание пустоты вызывает ужас того, что «жизнь потеряется в смерти» [1, с. 134, 135, 140]. Последняя оказывается неизбежно приближающимся (на большой скорости) событием, погружая жизнь личности в состояние неотвратимого страха. Отметим, гламурные омолаживающие методы, многочисленные пластические и косметические процедуры не вселяют надежды «избежать разрушения, остаться во владении вещами» [1, с. 152]. В гламурном бытии прячущееся уклонение от смерти в старости отступает, и над личностью нависает ужас смерти, неопределённость которой трансформируется в *определённость, возможную каждый момент*. Бытие-в-мире «вталкивает экзистенцию в её конечность» как *вперёд-себя-в-уже-бытии-в-некоем-мире* [9, с. 187]. В данной ситуации бегство от страха как *не-по-себе* оказывается невозможным: все точки жизни стягиваются к смерти. Данный эпизод бытия деструктивен: в нём индивид полностью оказывается во власти страха смерти, подавляющего его. Растущий ужас перед исходом жизни – смертью – постепенно завладевает личностью, ставя перед ней бытийный во-

прос: «не в том ли существо трагедии, что человек может жить не иначе, как разрушая, убивая, поглощая?» [1, с. 155]. Жизнь, вступая в последнюю фазу, в которой всё меньше места уделяется гламурному, обнажает одиночество: «смерть уединяет» [9, с. 226], с его трагическим осознанием *брошенности в смерть*: «в бытии к смерти присутствие отнесено к *себе самому* как отличительной способности быть», а «смерть *есть* всегда лишь своя» [9, с. 209, 227]. В состоянии брошенности в смерть гламурность как красивый проект жизни отступает, не обнадёживая, а значит не облегчая бытие-в-жизни перед лицом смерти, трактуемой в качестве «бытия к концу из основоустройства присутствия», связанного с падением присутствия как *больше-не-способности-присутствовать* [9, с. 206].

Бессознательно убегая от страхов гламурной меланхолии (несоответствия гламурным стандартам, старости и смерти), индивид пытается реализовать в медиасреде и социальных сетях собственный (возможный) проект бытия, фиксируя свои образы и размещая их на онлайн-платформах. Свою (бесполезную) борьбу с возрастом индивид фиксирует, делясь достижениями в медийном пространстве и социальных сетях: «человек самоинсталлирует себя в мире» и «находит основания для самоидентификации в условиях новых медиа» [7, с. 228]. Социальные сети позволяют свободно позиционировать себя, собирая взгляды Других и получая их одобрение. Дело в том, что оценка уровня гламурности в первую очередь даётся не самой личностью, а окружающими людьми. Но их оценочный взгляд обусловлен модными тенденциями, тиражируемыми СМИ, особенно глянцевыми журналами и передачами.

В сетях личность, (предъ)являя себя миру, демонстрирует собственное благополучие, счастливую и беззаботную жизнь,

вуалируя гламурную меланхолию и её страхи. Фокус внимания современной личности сосредотачивается на создании гламурного имиджа, который можно продемонстрировать. Одним из способов конструирования имиджа гламурного образа можно назвать копирование. Чтобы осуществить его, индивид воспроизводит образы медийных людей, обнажая собственный вуайеризм. Он связан с подглядыванием и наблюдением за жизнью и проявлениями Других, оказывающихся образцом для подражания. Вуайеризм свидетельствует о зависимости личности от икон гламурного стиля, отсутствии самодостаточности и независимости позиций. При этом недостаток образования и культуры у индивида приводит к искажению копируемого. Рецепции гламурного образа оказываются опошленными, несоответствующими и несоответствующими копирующей личности. Не имея эстетического вкуса и чувства меры, личность переусердствует в переконструировании тела/лица, являя своё бытие-здесь-для-другого в аномальном виде.

Деформации при копировании медийных образов являются показателем *эффекта Даннинга-Крюгера* как метакогнитивного искажения людей с низким уровнем квалификации, а значит – образования. Завышая представления о себе и собственные способности, такие люди принимают неудачные решения, высказывают ошибочные суждения и не осознают ошибок. Тем не менее они с достоинством позиционируют свои образы в медийной среде и социальных сетях, не понимая их карикатурности и нелепости. Индивид, осуществляя преобразования с собственным образом, доходит до крайностей, превращая себя в декоративный предмет, нередко ужасающий своим внешним видом, тем самым демонстрируя гламурный фразеологизм *страшно красивый*.

К нелепым образам, тиражируемым в медийной среде и социальных сетях, создаются *мифизированные нарративы*, оказывающиеся одновременно средством укрытия от гламурной меланхолии и её увеличения.

Дело в том, что в создаваемых мифах наблюдаются «метастазы идентичности», где «части целого рассеиваются на индивидуальные истории» и «у каждого есть свой коктейль», «одновременно отличительный и безликий» [2, с. 196]. Мифизированные истории воплощают «тоску по другому существу», которым *можно стать* [6, с. 28]. Но данная тоска игнорируется, потому что миф для гламурной личности оказывается довольно привлекательной формой. В него можно поместить любую историю, приукрашивающую жизнь индивида. Перед созданным мифом бледнеет реальность: «живя тем, чего нет и быть не может», массовое сознание «уже не может мыслить о том, что может быть» [6, с. 353]. Мифизированная «ложь – это просто идеальный язык души», поэтому люди «пользуются ложью и вымыслом, чтобы понять друг друга» [6, с. 209]. Современная гламурная ложь личности обладает очарованием невинности и извращённости её фантазии. Единственное, что омрачает флёр мифизированного, *страх раскрытия вымышленного*: «самое болезненное в мечте – это несуществование» [6, с. 393]. Но данный страх оказывается практически неощутимым личностью: он меркнет перед силой гламура, то есть того, ради чего создаётся миф. Дело в том, что мифический нарратив вместе с визуальным материалом *эстетизируют повседневную жизнь личности*. В современности эстетизация «достигает той меры, когда естественно думать об эстетическом как о некотором всеобщем основании, фактуре ткани современной культуры» [10, с. 33]. При её построении се-

годня совмещаются несколько измерений – мир реальный, фантазийный и технологизированный. Созданный на основе совмещения миров образ и миф демонстрируют особую ступень реальности, где всё приукрашено, преувеличено, превосходно: «и ложное имя, и настоящая мечта действительно создают новую реальность» [1, с. 60]. Образ и миф оказываются точкой пересечения идеала, их желания личностью и виртуального мира. В итоге эстетизация повседневной жизни в гламурном дискурсе есть сконструированный *эффект идеальности*, в котором мечта личности, воплощённая в образе, (пред)являет себя миру.

Эстетизация повседневной жизни как своеобразное бегство от гламурной меланхолии и её страхов приводит к *забвению реальности*, а «забвение не тяготит», потому что «в мечтах я всего добился» и все величественные образы «живут в моём воображении» [6, с. 90]. Сегодня «большинство людей спонтанно проживает вымышленную и чужую жизнь» [6, с. 221], не задумываясь о негативных последствиях. Мифизирующая свою жизнь и образ личность превращается в собственный вымысел, теряя себя и прекращая размышлять о себе: «я настолько снял с себя собственное бытие», что «становлюсь собой, только когда облакаюсь в маску» [6, с. 221]. Образ и мифический нарратив к нему помогают «устроить нашу жизнь так, чтобы для других она была тайной, чтобы тому, кто знает нас лучше, вблизи мы были знакомы меньше» [6, с. 97]. Пускаемый в тираж образ и мифизированные истории к нему впоследствии получают поддержку со стороны социального, в котором одобряются идеалы гламура и скроенные в соответствии с ними типажи. Но «всё, чем мы являемся, есть чужое впечатление, мелодрама с нашим участием, в которой мы ощущаем себя, становясь собственными зрителями» [6, с. 19].

Массовое увлечение эстетизацией повседневной жизни свидетельствует об «эстетической инфекции», связанной с «нарушением тайного кода эстетики»: сегодня все превратились в «потенциальных творцов», «всё ничтожество мира оказалось преображённым эстетикой ... самое банальное и непристойное – и то рядится в эстетику, облачается в культуру и стремится стать достойным музея» [3, с. 25]. Перечисленное трансформирует онтологические основания социокультурной сферы и метафизики личности.

Эстетический образ, скроенный по гламурным канонам, и мифические нарративы к нему оказываются *симуляциями*, являя кажимость жизни. Но сегодня «быть ничем скорее, чем чем-то, быть не там, где должно быть что-то» есть «стратегия иллюзии», «стратегия соблазна», в которой наигранность доставляет удовольствие [2, с. 114]. В современных симуляциях создаётся видимость красоты, молодости и богатства, что расщепляет сознание личности. Она одновременно проявляет себя реально и симулятивно. В современности подобная двойственность становится стандартом, демонстрируя *нормальность ненормального*. Сегодня «существует бесконечное число реальностей», «которые живут отрицанием в своей внутренней структуре как необходимым условием их существования» [8, с. 85]. И подобное существование в виде «надуманной конструкции» доставляет удовольствие личности [2, с. 114].

Позиционирование личности в медийной среде и социальных сетях посредством копирования образов и мифизаций как симуляций собственной эстетизированной жизни приводит к амбивалентной ситуации. Копирования и мифизации являют *мёртвую настоящую жизнь* – кажимость *бытия-здесь-для-другого*. Приукрашивая и приумножая существующе-несу-

ществующее, личность формирует социальный капитал, измеряемый количеством откликов. Маскируя меланхолию и сопряжённые с ней страхи, личность пытается удостовериться в собственной гламурности и значимости в глазах Других, выворачиваясь наизнанку. Демонстрируя вместе с внешностью свою глупость и посредственность, она превращает их в декорации. В связи с тем, что от современной личности не ждут «ничего иного, кроме внешности», то «личное знакомство вредно вследствие своей бесполезности» [6, с. 384]. Гламурный человек превращается в оболочку, постоянно меняющую свои маски и одежды, не заботясь о развитии и смыслах жизни. Индивид, следя за внешностью, в итоге отчуждается от неё, превращаясь в «существо, обладающее другим существованием и проходящее сквозь него с неопределённым интересом», но при этом чуждым этому существованию [6, с. 385]. Размещённые в медиасреде и социальных сетях образы и мифизированные нарративы личности, рассказывая, ничего не рассказывают, показывая, ничего не показывают: они демонстрируют осколки реального, в которых потерялся индивид. В итоге в современности «никто не знает, потому что никто ничего не знает, а пески поглощают и тех, у кого есть знамёна, и тех, у кого их нет» [6, с. 49].

Прикосновение к симулятивной красоте с её идеальностью не рождает «томления по метафизическому» (Т. М. Шатунова) и не даёт испытать духовного счастья. Гламурная личность теряет понимание естественного хода событий своей жизни, включающих в себя процессы старения, которые олицетворяют «красоту изломанных побегов и увядания, дисгармонии и хаоса», но «разрушение, распад и уход таят в себе собственную красоту» с «бесконечными переходами красоты и безобразия» [10, с. 82]. Эстетизированные симуляции и недоволь-

ства, связанные с попытками достижения идеального образа, приводят к разочарованию и унынию, угнетённости и тоске («изпод облачения идеала, который мы создаём и который расползается, показывается реальное тело человеческой личности, на которое мы его надели» [6, с. 92, 95]). Личность, взирая на созданное, оказывается неудовлетворённой, что вносит дискомфорт в её жизнь. Итогом проделанной работы оказывается «усталость от всех иллюзий и от всего того, что есть в иллюзиях – их утрата, бесполезность их наличия, предусталость от необходимости их иметь для того, чтобы их потерять, горечь от того, что они были, умственный стыд от того, что ты их питал, зная, что они так закончатся» [6, с. 61–62]. Постоянное (пре)бывание в сетях и позиционирование себя приводит к тому, что индивид, став «для самого себя личностью не до конца ясной и отчётливой», испытывает «утомление от того, что ты – предмет бремени чужих переживаний» [6, с. 97, 187]. Перечисленное усугубляет гламурную меланхолию с её страхами (страхами несоответствия гламурным канонам, старости и смерти). В данной ситуации обнаруживается ирония гламура, основанная «на пустой позитивности, на возрастающей по экспоненте банальности, раздувающейся до тех пор, пока процесс не инвертируется сам собой и всё заново не обретает великолепие пустоты» [2, с. 116].

В заключение отметим, меланхолия, базирующаяся на страхах, оказывается одним из состояний человеческой жизни, определяя вектор проявлений личности. Каждая эпоха формирует собственную разновидность меланхолии, а в современности она имеет гламурный модус. Гламурная меланхолия являет нервное состояние духа, вызванное угнетением личности со стороны идеологии и манипулятивных атак медиасреды, навязывающих массовому сознанию

гламурный образ и стиль жизни. Постоянно тиражируясь, образы заставляют не только наслаждаться и соблазняться ими, но и испытывать ненависть – как к ним, так и самому себе. Гламур выступает довольно мощной силой контроля, активизирующей искания индивида в направлении создания имиджа. Другое дело, что тиражируемые образы прозрачно внушают личности страхи несоответствия им, формируя у неё боязнь старости и смерти, что оказывается отправной точкой её метаний. Индивид, ужасаясь своим несоответствием образам гламура, направляет все усилия на создание привлекательной внешней оболочки и пози(цион)ирования её в медийном пространстве и социальных сетях. Сезонная смена модных тенденций заставляет следить за ними, вызывая панический страх не успеть идти в ногу со временем. Перечисленное изводит личность, делая её усталой, не способной справиться с гламурной меланхолией и вызванными ею страхами, нагнетаемыми искусственно. Упадок сил, связанный с (пере)конструированием образов, приводит индивида к унынию и тоске, но не только по ускользающим образам гламура, а ещё по до конца неосознаваемому, связанному со смысложизненными поисками. Ирония гламура заключается в том, что индивид, создавая эстетизированный формат повседневной жизни с собственными симулятивными образами и мифическими нарративами к ним, оказывается в их плену, не рефлексируя над ситуацией. Современный индивид, буквально расщепляя себя, постоянно создаёт множество скопированных образов, сочиняя возможные ситуации с ними. Сконструированные образы

и их тиражирование в медийной среде и социальных сетях демонстрируют кажимость жизни, но не саму реальную жизнь. Перечисленное не приносит удовлетворения и не способствует пониманию личностью самой себя, рождая гламурную меланхолию.

Личность, испытывающая гламурную меланхолию, подвергается метаморфозам: она превращается в *страшную личность*, разрушенную изнутри страхами и внешне переключенную в соответствии с модными тенденциями. Она живёт с идеей «Я ужасно молод(а), чтоб умереть». Необходимо признать, что эстетизация повседневной жизни, связанная с конструированием гламурного образа и мифизированных нарративов к нему, симулятивных по своей природе, оказывается тщетной попыткой борьбы с гламурной меланхолией и создаёт иллюзию победы над её страхами. Предпринимаемые личностью попытки противостояния гламурной меланхолии и её страхам не удовлетворяют экзистенциальных потребностей личности, связанных с пониманием бытия и его смыслов. Симулятивная конструированность эстетизированной повседневности приводит к личной стагнации, связанной с бегом в гламурном социальном по ленте Мебиуса, где иллюзии творческой активности в виде копирования гламурных образов оборачиваются псевдотворчеством, создаваемой красоты – красотой, поддержания вечной молодости – вульгарной старостью, гламурности – псевдоэстетизмом. Для преодоления подобного состояния, усугубляющего гламурную меланхолию, личность должна отправиться в иной путь – не виртуальный, а реальный, для нахождения не возможных, а истинных опор своего бытия.

Примечания

1. Батай Ж. Человек перед страхом смерти и пустоты // Делюмо Ж., Батай Ж. Пустота страха. Москва : Алгоритм, 2019. С. 126–167.
2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление / заговор искусства : [сборник статей] / [перевод с французского А. В. Качалов]. Москва : РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. 347 с.

3. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла : [сборник эссе] / [пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской]. Москва : Добросвет, 2000. 257, [1] с.
4. Брозиг Б., Ойлер С., Брелер Э., Гилер У. Синдром Дориана Грея [Электронный ресурс] // Психология зрелости и старения. 2010. № 3. URL: https://www.academia.edu/24111365/Синдром_Дориана_Грея
5. Осиновская И. Поэтика моды. Москва : НЛО, 2016. 144 с.
6. Пессоа Ф. Книга непокоя : [в новом переводе Александра Дунаева]. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 446 с.
7. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург, 2013. 296 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / [пер. с фр., предисл. В. И. Колядко]. Москва : АСТ, 2009. 925 с.
9. Хайдеггер М. Экзистенция страха и бытие к смерти // Делюмо Ж., Батай Ж. Пустота страха. Москва : Алгоритм, 2019. С. 168–229.
10. Шатунова Т. М. Эстетика социального (эстетическое начало в процессе идентификации современного человека). Казань : Казанский университет, 2012. 140 п.
11. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. Москва : НЛО, 2012. 320 с.
12. Ямпольский М. Изображение. Курс лекций. Москва : НЛО, 2019. 424 с.

References

1. Batay Zh. [Bataille J.] Chelovek pered strakhom smerti i pustoty [A Human in Fear of Death and Void]. In: Delyumo Zh., Batay Zh. *Pustota strakha [Emptiness of fear]*. Moscow, Publishing house “Algorithm”, 2019. Pp. 126–167. (In Russian)
2. Bodriyyar Zh. [Baudrillard Jean] *Sovershennoe prestuplenie / zagovor iskusstva [Crime Crime / Art Conspiracy]*. Moscow, Publishing house “RIPOL Classic”, Publishing house “Pangloss”, 2019. 347 p. (In Russian)
3. Bodriyyar Zh. [Baudrillard Jean] *Prozrachnost' Zla [Transparency of Evil]*. Moscow, Publishing house “Dobrosvet”, 2000. 257 p. (In Russian)
4. Brozig B., Oiler S., Breler E., Giler U. Sindrom Doriانا Greya [Dorian Gray Syndrome]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya [The Psychology of Maturity and Aging]*. 2010, no. 3. Available at: https://www.academia.edu/24111365/Синдром_Дориана_Грея (In Russian)
5. Osinovskaya I. *Poetika mody [Poetics of fashion]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2016. 144 p. (In Russian)
6. Pessoa F. *Kniga nepokoya [The Book of Restless]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 446 p. (In Russian)
7. Savchuk V. V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti [Media philosophy. Fit of reality]*. St. Petersburg, 2013. 296 p. (In Russian)
8. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii [Being and Nothing: The Experience of Phenomenological Ontology]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2009. 925 p. (In Russian)
9. Khaydegger M. [Heidegger M.] Ekzistentsiya strakha i bytie k smerti [Existence of fear and being to death]. In: Delyumo Zh., Batay Zh. *Pustota strakha [Emptiness of fear]*. Moscow, Publishing house “Algorithm”, 2019. Pp. 168–229. (In Russian)
10. Shatunova T. M. *Estetika sotsial'nogo (esteticheskoe nachalo v protsesse identifikatsii sovremennogo cheloveka) [Aesthetics of the social (the aesthetic principle in the process of identification of a modern person)]*. Kazan, Publishing house of the Kazan University, 2012. 140 p. (In Russian)
11. Yuhannison K. [Juhannison K.] *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhniye vremena i teper' [History of melancholy. About fear, boredom and sensitivity in the old days and now]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2012. 320 p. (In Russian)
12. Yampolsky M. *Izobrazhenie. Kurs lektsiy [Image. Lecture course]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2019. 424 p. (In Russian)

*

DIGITAL-ДЕТИ: АНАЛИЗ МИФОВ И РЕАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10412

Д. А. Фурсова

Московский государственный институт культуры

Данная статья посвящена обзору проблем, связанных с распространением информационно-коммуникативной среды и интеграцией её в социокультурное пространство детства, а также анализу мифов, которые существуют в обществе в связи с ИКС. Дается общая классификация проблем, связанных с этим процессом. Рассматриваются изменения в когнитивной деятельности (ухудшение памяти, снижение способности воспринимать информацию, неумение критически оценивать прочитанное/увиденное) и особенности социокультурного поведения digital-детей (ориентированность на материальный успех, редуцирование общения, селфимания), в том числе и с точки зрения этнокультурных паттернов. Представлена аргументация, развенчивающая мифы, связанные с ИКС. Приведены различные причины, по которым родители активно впускают ИКС в жизнь детей. Также затрагивается вопрос перевода традиционных социализаторов (в первую очередь системы образования) в цифровое пространство.

Ключевые слова: цифровые аборигены, digital-дети, информационно-коммуникативная среда, традиционная социализация, киберсоциализация.

Darya A. Fursova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

DIGITAL-CHILDREN: THE ANALYSIS OF MYTHS AND REAL PROBLEMS

This article is devoted to a review of the problems associated with the dissemination of the information and communication environment and its integration into the sociocultural space of childhood, as well as the analysis of myths that exist in society in connection with ICS. A general classification of the problems associated with this process is given. Changes in cognitive activity (memory impairment, decreased ability to perceive information, inability to critically evaluate what has been read / seen) and features of the socio-cultural behavior of digital children (focus on material success, reduction of communication, self-interest), including from the point of view of ethnocultural patterns, are examined. The argumentation debunking myths related to ICS is presented. Various reasons are given for parents actively letting ICS into their children's lives. The issue of transferring traditional socialize (primarily the education system) to digital space is also raised.

Keywords: digital natives, digital children, information and communication environment, traditional socialization, cyber socialization.

ФУРЦОВА ДАРЬЯ АВЕТИСОВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

FURSOVA DARYA AVETISOVNA – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: da_fursova@mail.ru
© Фурсова Д. А., 2019

Для цитирования: Фурсова Д. А. Digital-дети: анализ мифов и реальных проблем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 98–106. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10412

Термины *digital natives (цифровые аборигены)* и *digital immigrants (цифровые иммигранты)* были введены в научный дискурс М. Пренски [15] для обозначения людей, родившихся во время цифровой и эпохи и до её начала.

Современных детей можно с полным основанием называть digital natives: с самого раннего возраста они окружены различными гаджетами. Вполне естественным в связи с этим оказывается тот факт, что, наряду с «традиционной» социализацией, digital natives проходят киберсоциализацию.

Процесс киберсоциализации начинают родители, ежедневно демонстрируя ребёнку, что общение, развлечение, поиск чего-то нового сосредоточены в гаджете. По данным зарубежного исследования Common Sense, родители проводят время в Интернете в среднем в 1,5 раза больше, чем подростки, и в 2 раза больше, чем младшие школьники [8].

Существуют разнообразные детоориентированные (специально разработанные для детей) девайсы. Последние можно условно разделить на две группы: *устройства-посредники* в отношениях с родителями (смарт-соски, радио-няни, анализаторы плача, устройства для укачивания и пр.) и *устройства-социализаторы* (роботизированные игрушки типа Робопёс, Фёрби, а также различные приложения и т.д.).

Доступ к устройствам, относящимся ко второй группе, юные пользователи могут получить начиная с 6–8 месяцев. Эти устройства обычно содержат контент, формирующий начальные математические представления (счёт до 10), языковые (алфавит, тематическая лексика как на русском,

так и на иностранном языках) [7]. Иными словами, это тот объём знаний, который в традиционном варианте образования и развития ребёнка дошкольного возраста предполагается получать от родителей. Однако многие родители предпочитают делегировать свои прямые обязанности электронным устройствам. Для объяснения позиции самоустранения из процесса социализации современные родители приводят разные доводы: бытовые обязанности и нехватка времени, отсутствие усидчивости у ребёнка, нежелание вступать в конфликт с ребёнком, необходимость использовать ИКС в воспитании современных детей и т.д. Действительно, смартфон надолго притягивает внимание ребёнка. Проводя часы за монитором, интеллектуально сохранный ребёнок неизбежно запомнит ту информацию, предложенную ему приложением. Так, дети двух лет могут считать или называть цвета на двух языках (в случае, если нет задержки развития), приводя в умиление взрослых. Однако родители не всегда учитывают то, что, во-первых, информация часто не соответствует возрасту и либо запускает «преждевременное» развитие, либо наоборот тормозит его [9]; во-вторых, информация часто не адаптирована для восприятия детей, существует в отрыве от общего социокультурного поля ребёнка и его возрастных особенностей; в-третьих, утрачивается культура детско-родительских отношений и культура родительства.

Помимо развивающих приложений, разработчики активно внедряют приложения социальной направленности, призванные улучшать коммуникативные навыки, а также адаптировать детей, у кото-

рых есть проблемы с социализацией. Идея разработки подобных приложений представляется спорной, прежде всего потому, что науке известны случаи, когда в качестве агентов социализации выступали не люди, а животные. Так называемые дети-маугли не смогли стать полноценными людьми. Социализация человека при помощи искусственного интеллекта/digital-социализатора может привести к потере человеческого в человеке. Нельзя не учитывать также и то, что само понятие «социализация» подразумевает интеграцию индивида в социум, то есть предполагает участие в жизни социума. Коммуницируя лишь с искусственным интеллектом, ребёнок (тем более с проблемами в социализации) изолирует себя от социума, сокращая свои шансы на успешную социализацию. В то время как коммуникация с разными людьми вынуждает выходить из зоны комфорта, что в конечном счёте способствует развитию коммуникативных навыков.

Последствия альтернативной социализации техническими средствами уже видны. В частности, многие современные дети проявляют сходное интонирование, напоминающее озвучивание в «развивающих» приложениях. Другим, возможно, менее заметным, но более ощутимым в перспективе изменением можно считать постепенное изменение типа мышления: чтобы получить от программы/роботизированной игрушки желаемый результат, необходимо правильно сформулировать запрос. Таким образом, мышление ребёнка трансформируется, упрощается, переориентируясь на алгоритм работы искусственного интеллекта.

Таким образом, можно говорить о том, что постепенно информационно-коммуникативная среда и гаджеты, как её трансляторы, начинают выступать в роли социализатора для ребёнка наравне с такими тра-

диционными институтами социализации, как семья или школа. Дети, с рождения общающиеся с различными гаджетами, относятся к этому новому социализатору с не меньшим доверием, чем несколько поколений назад дети относились к телевидению. В этом смысле многие исследования массмедиа, связанные с теле-детством [13; 14], могут быть экстраполированы на digital-детей. При этом возможности Интернета настолько шире возможностей телевидения, что специалисты в различных областях (культура, образования, психология) сталкиваются с необходимостью переосмысления современного детства.

Наблюдаемые перемены можно условно разделить на три группы: изменение типа когнитивной деятельности у детей, изменения социокультурного поведения, а также цифровизация традиционных институтов социализации.

В данной статье рассматриваются эти вопросы в контексте реально существующих проблем, а также мифов, связанных с ними.

Некоторые эксперты положительно оценивают информационно-коммуникативную среду [1; 6], идеализируя новое антропогенное чудо и наделяя digital natives некими особыми когнитивными сверхспособностями. В частности, отмечают многозадачность современных детей. Концепция многозадачности, ставшая неким эталоном работы в информационном обществе, пришла из области IT-технологий: её символическим отражением является монитор с большим количеством открытых окон.

Однако прежде чем констатировать наличие неких сверхспособностей у digital-детей, следует обратиться к исследованиям в области мозга, в частности, вспомнить о трёх системах мозга – рефлексивной, рефлексивной и архивизирующей [4].

Эти когнитивные системы выполняют разные функции и являются антагонистами по отношению друг к другу. Так, рефлексивный мозг отвечает за мышление; рефлекторный – за быструю реакцию на внешние стимулы, а архивирующий – за упорядочивание и хранение поступившей информации.

Мышление – это механизм осознанной работы с информацией, который осуществляется только в режиме последовательной многозадачности, причём переход от одной задачи к другой требует большого времени. Если мы пытаемся выполнить сразу несколько мыслительных операций, рефлексивный мозг лишь переключается с одной задачи на другую, теряя при этом часть информации. Иными словами, само многозадачное мышление относится к области научной фантастики.

В отличие от рефлексивного, рефлекторный мозг может работать в режиме многозадачности и быстро. Такой тип работы обусловлен простыми и рефлекторными стимулами и бессознательным режимом. Рефлекторный мозг является стимулозависимой системой. В поиске новых стимулов он легко переключается на новые и новые – то есть отвлекается. Так происходит замена мышления на удовольствие от стимулов, которых требуется всё большее количество, так как однозадачность, столь необходимая рефлексивному мозгу, подменяется быстрым и бесцельным пролистыванием разнообразного контента.

В этом непрерывном информационном потреблении очень мало перерывов для работы архивирующего мозга, выполняющего функцию упорядочивания и хранения всей поступающей информации. К сожалению, неспособность детей запоминать большие объёмы информации сейчас объясняется некой нецелесообразностью, ко-

торую digital-дети интуитивно ощущают: информации много, некогда запоминать, в ней нужно ориентироваться. Однако в связи с этим хотелось бы отметить следующее: во-первых, личный объём памяти и способность запоминать информацию никак не связаны с умением ориентироваться в информационном пространстве; во-вторых, существует иерархия навыков. Навык ориентирования в информации подразумевает наличие таких сформированных компонентов, как умение анализировать, критически оценивать, структурировать полученную информацию. Все эти навыки чаще всего отсутствуют у современных детей, с высокой степенью доверия относящихся к информации, полученной в Интернете.

Таким образом, многозадачные digital-дети – это миф, скорее, этих детей можно назвать поколением детей отвлекающихся. В то же время можно констатировать наличие специфических черт: инфантильно-доверчивое отношение к информации, полученной в Интернете; непонимание текстов на содержательном уровне (не говоря о концептуальном) – функциональное чтение сейчас одна из основных задач в школе; проблемы с произвольным вниманием; плохую память. Подобные когнитивные изменения уже нашли отражение в научной литературе под названием псевдодебилность [см.: 3; 5; 12].

Перейдём ко второй группе проблем, связанных с изменениями социокультурного поведения.

Для русского архетипа характерна высокая нравственная культура. Такие черты, как сопереживание, сострадание, сочувствие, высоко оценивались и культивировались через искусство, литературу, передавались через традиционные институты дружбы, семьи [11]. К сожалению, digital-дети в меньшей степени нравственно раз-

виты и в большей степени оторваны от русских культурных корней. Развлекательный контент (игровой и сетевой) не ориентирует на аксиологическую проблематику. Доступность информации о частной жизни публичных («звёзд», молодёжных кумиров и пр.) и не только публичных персон, представленной в постах в Сети, также является контентным фактором, провоцирующим нравственную стагнацию детей. Чужая успешность, порождает постоянное депрессивное неудовлетворение своей жизнью, латентную зависть, желание подражать и пр. Длительное нахождение в подобном состоянии приводит к фрустрациям и неврозам [10].

Снижение культуры общения является логичным продолжением снижения нравственного, духовного развития. Несмотря на нахождение в постоянном общении (многие подростки получают более 200 сообщений в день), реальное и подлинное общение сокращается по времени и примитивизируется по содержанию. Редуцирование общения начинается с самого раннего детства, с сокращения общения с родителями, многие из которых по разным причинам создают условия для погружения детей в новое социокультурное пространство (об этом говорилось выше). Дети принимают как должное коммуникативную депривацию и включаются в предложенный им родителями режим.

Информационно-коммуникативная среда – это прекрасная среда для интеллектуального общения или обмена информацией, но не для эмоционального, не только вербального, но и обогащённого и паралингвистическими компонентами. И если цель коммуникации состоит в обмене смыслами, а цель разговора в создании новых, то в гиперподключённом режиме, не чувствуя собеседника, создать эти смыс-

лы не представляется возможным. Реальное общение, так же как и мышление, процесс сложный и энергозатратный; для него необходимы определённые условия: наличие общего информационного и смыслового поля, сформированных коммуникативных навыков и пр. В то время как «общаться» в виртуальном пространстве значительно проще и комфортнее, ведь его можно прекратить: «убрать из друзей» или «расфрендить».

Само общение во многом превращается в обмен визуальной информацией – фото и видео, часто в формате селфи. Сложно установить первопричину: селфи стало причиной изменения типа коммуникации или изменения вызвали расцвет селфи. Отметим, что пока культурологи дискутируют [2], является ли селфи автопортретом и можно ли рассматривать живописные автопортреты прообразами селфи, и в области психиатрии выходят работы, посвящённые этому феномену [10].

Действительно, селфи изменило тип коммуникации, внося ряд существенных изменений. Во-первых, селфи стало заменять текст. Во-вторых, селфи существует в контексте лжи, самолюбования. На фотографии или видео можно создать иллюзию любого социального статуса, принять любую внешность и пр. Действительно, современная культура не приемлет неудачников. Социальные сети в данном случае, во-первых, позволяют самому обманывать других, а во-вторых, вынуждают обманываться на счёт других. То есть социум привыкает жить в ситуации показной, абсолютно материальной успешности (иного рода успешность не транслируется посредством фотографии). Кроме того, селфи запускает момент проживания лишь в момент публикации в сети/демонстрации окружающим, а не в момент нахождения в ситуации. На различных мероприятиях или в живопис-

ных местах можно увидеть людей, которые не наслаждаются моментом здесь и сейчас, не впитывают ощущения, а увлечённо снимают фото и видео. Момент концентрации на чувствах, ощущениях пропадает, чувство удовлетворения от прожитого момента появляется лишь в случае социального одобрения в виде лайков. И наконец, селфи провоцирует на асоциальное поведение – наиболее нашумевшие примеры – это игры типа «Беги или умри», набирающие обороты явление «селфицид» [10].

Чаще всего детское селфи – это низкокачественный фото-, видеоматериал, созданный по образцу контента, выкладываемого взрослыми. С точки зрения культурологии можно говорить о двух тенденциях: превращении искусства (фотографии, кинематографа, журналистики) в бытовой навык, с одной стороны; и об исчезновении детского творчества, с другой стороны.

Материальная успешность тесно переплетена с понятием удовольствия, которое становится ведущим мотивом деятельности. Однако редуцирование волевого компонента приводит к инфантилизации сознания.

Таким образом, изменения в социокультурном поведении включают в себя изменение нравственного эталона, характерного для русской культуры; снижение культуры общения и сведение к минимуму реального общения. Происходит втягивание детей в виртуальную реальность, в которой не так важно то, что на самом деле, а каждый творит миф о самом себе.

Третья группа проблем касается цифровизации традиционных институтов, в частности, системы образования, формирования цифровой культуры, цифровых сред. Во многом вопросы эти связаны с мифами из первой и второй групп. В частности, миф о том, что digital-дети, с рождения окру-

жённые digital-средой, нуждаются в ней, не меньше чем в воздухе или пище, и, соответственно, цифровизация образования – необходимость. Однако на Западе уже говорят о том, что использование гаджетов не оказывает положительного влияния на обучение детей, не способствует формированию произвольного внимания, а напротив, тормозит когнитивные процессы [см.: 3; 5; 10; 11; 12].

Другим распространённым мифом является убеждённость в том, что цифровые аборигены умеют пользоваться технологиями, потому что они родились в век технологий и знакомы с ними с раннего детства. Однако основная масса цифровых аборигенов невежественна в цифровых технологиях, имеет о них весьма поверхностное и узкое представление, используя их для самых простых задач, не обладает достаточными навыками для анализа информации, использует развлекательный и релаксационный ресурсы ИКС.

Возможно, они владеют так называемым навыком информационного сёрфинга. Но, во-первых, даже если считать этот навык тем, что традиционно называлось просмотром чтения, то это всего лишь один из многочисленных навыков работы с информацией, а другие у цифровых аборигенов не развиты. И, кроме того, умение просматривать информацию не тождественно чтению заголовков; в основе этого навыка лежит умение схватывать текст целиком, вычленять ключевые фразы, сортировать информацию по степени значимости. Для того чтобы производить такие операции, у ребёнка должен быть и читательский, и аналитический опыт. А как показывают исследования, цифровые аборигены не читают текстов длиннее одной экранной страницы [3]. Их внимания хватает на проглядывание непрерывной череды постов объёмом

менее 140 символов каждый, причём мальчики читают меньше девочек [4].

В качестве одного из преимуществ цифровизации образования называют демократизацию Интернет-пространства, о равных возможностях. На самом деле ИКС не уравнивает в возможностях детей из разных социальных слоёв, но углубляет социальный разрыв: дети из обеспеченных семей тратят на гаджеты на 90 минут в день меньше, чем их сверстники из семей с низким уровнем дохода [4].

Если же говорить о тех, кто создаёт технологии (специалисты из таких компаний, как Google, Apple, Yahoo, Hewlett-Packard), то их дети не пользуются гаджетами и посещают дорогие частные школы, работающие «по старинке», где вместо гаджетов и уроков компьютерной грамотности – традиционные детские игры, много времени уделяется чтению, другим видам речевой деятельности, в том числе и на иностранных языках, спорту, ручному труду [см.: 4; 11].

Именно поэтому идея цифровизации школы вызывает не просто много вопросов, но есть все основания считать её одним из способов разрушения отечественной системы образования [11].

Таким образом, несмотря на растиражированные мифы об Интернете, исследования и практика скорее развенчивают, чем подтверждают их. Между тем доступ в Интернет, который является достаточно опасным пространством, детям никак не ограничивается: доступен любой контент, нет лимитов по времени. Виртуальность постепенно захватывает реальность детей, изменяя её: цифровые аборигены доверяют Интернет-пространству безоговорочно, сокращают общение с родителями, виртуализируют общение со сверстниками и т.д. В то же время формируется определённая элита – те, кто пользуются Интернетом в

ограниченном объёме и социализируются традиционным способом. Разрыв между этими социальными группами будет велик, и преимущество будет на стороне традиционно социализируемой группы. Технологии передачи информации на фоне сознания, настроенного на удовольствие, могут использоваться в самых разных областях управления людьми; позволяют изменить представление о вещах/событиях, политические представления.

Подводя итог, хочется отметить, что digital-дети ничем не отличаются от поколений детей до них. Они также повторяют всё за взрослыми, любят поиграть и не большие охотники до учёбы. Беда digital-детей в том, что они поставлены в очень сложный социокультурный контекст, который обусловлен технологическим прогрессом и мифами, активно внедряющими этот прогресс в жизнь детей с самого раннего возраста. Традиционное детство было, если можно так выразиться, более физиологично: отвлекаясь от когнитивной деятельности, ребёнок переходил к игровой. Работа с информацией была ограничена временными и содержательными рамками. В информационном обществе digital-ребёнок отвлекается от одного вида информации на другой, потребляет её без каких-либо ограничений. Информационная булимия не менее опасна, чем пищевая. Появление доступной некачественной еды вызвало волну ожирения и различных проблем со здоровьем, в том числе психическим. Обилие доступной не слишком качественной информации – пищи для ума – уже породило ряд проблем: псевдобезразличие, изменения социокультурных отношений и паттернов. И тот факт, что реальные проблемы скрываются за красивыми мифами, лишь усугубляет эти проблемы.

Примечания

1. Асмолов А. Г., Семенов А. Л., Уваров А. Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. Москва : НексПринт, 2010. 95 с.
2. Гринькова Е. А. Селфи – взгляд на историю культурного феномена // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 1. Ч. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/40930>
3. Карр Н. Гугл делает нас глупее? [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2lw3T3f>
4. Компернолле Т. Мозг освобожденный : как предотвратить перегрузки и использовать свой потенциал на полную мощь / пер. с англ. [Ирина Евстигнеева]. Москва : Альпина Паблшер, 2015. 569, [1] с. : ил.
5. Курпатов А. В. Как уберечь детей от цифрового слабоумия [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2uXIxOK>
6. Нестик Т. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу. [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2KxKhJd>
7. Обзор приложений для самых маленьких [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adme.ru/zhizn-semya/15-prilozhenij-dlya-detej-samyh-malenkih-i-postarshe-803160/>
8. Отчёт об исследовании некоммерческой компании Common Sense [Электронный ресурс]. URL: https://www.commonsemmedia.org/sites/default/files/uploads/research/census_researchreport.pdf
9. Савельев С. В. Нищета мозга. Москва : Веди, 2014. 192 с.
10. Сандомирский М. Е. Новая социальная эпидемия: селфимания, экстримальные селфи и селфицид // Психопатология и Аддиктивная Медицина. 2015. № 1 (сентябрь). С. 3–17.
11. Четверикова О. Н. Разрушение будущего : кто и как разрушает суверенное образование в России. Москва : [б. и.], 2015. 117 с. : ил., портр.
12. Шнитцер М. Антимозг : цифровые технологии и мозг / пер. с нем. Гришина А. Г. Москва : АСТ, 2014. 284, [1] с.
13. Postman N. *Amusing ourselves to death*. Available at: <https://quote.ucsd.edu/childhood/files/2013/05/postman-amusing.pdf> (In English)
14. Postman N. (1994) *The Disappearance of Childhood*. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc. (In English)
15. Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, MCB University Press, Vol. 9, No. 5, October. (In English)

References

1. Asmolov A. G., Semenov A. L., Uvarov A. Yu. *Rossiyskaya shkola i novye informatsionnye tekhnologii: vzglyad v sleduyushchee desyatiletie* [Russian school and new information technologies: a look into the next decade]. Moscow, Publishing house “NexPrint”, 2010. 95 p. (In Russian)
2. Grinkova E. A. Selfie – vzglyad na istoriyu kul'turnogo fenomena [Selfie – a look at the history of a cultural phenomenon]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovation]. 2015, no. 1, part 3. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/40930> (In Russian)
3. Carr Nicholas *Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains*. Available at: <https://bit.ly/2lw3T3f> (In English)
4. Compennolle Theo *Brain chains* (In Rus. ed.: Kompennolle T. [Compennolle T.] *Mozg osvobozhdenny: kak predotvratit' peregruzki i ispol'zovat' svoyu potentsial na polnyuyu moshch'* [Brain released: how to prevent overload and use its full potential]). Moscow, Alpina Publisher, 2015. 569 p. (In Russian)
5. Kurpatov A. V. *Kak uberech' detey ot tsifrovogo slaboumiya* [How to protect children from digital dementia]. Available at: <https://bit.ly/2uXIxOK> (In Russian)
6. Nestik T. *Intellektual'nye seti: ot setevogo individualizma k tvorcheskomu kapitalu* [Intelligent networks: from network individualism to creative capital]. Available at: <https://bit.ly/2KxKhJd> (In Russian)
7. *Obzor prilozheniy dlya samykh malen'kikh* [Application overview for the smallest]. Available at: <https://www.adme.ru/zhizn-semya/15-prilozhenij-dlya-detej-samyh-malenkih-i-postarshe-803160/> (In Russian)
8. *Common Sense Nonprofit Study Report*. Available at: https://www.commonsemmedia.org/sites/default/files/uploads/research/census_researchreport.pdf (In English)

9. Savelyev S. V. *Nishcheta mozga [Poverty of the brain]*. Moscow, Publishing house “Vedi”, 2014. 192 p. (In Russian)
10. Sandomirsky M. E. Novaya sotsial'naya epidemiya: selfimaniya, ekstrimal'nye selfi i selfitsid [New social epidemic: self-addiction, extreme selfies and self-confidence]. *Psikhopatologiya i Addiktivnaya Meditsina [Psychopathology and Addictive Medicine]*. 2015, no. 1 (September), pp. 3–17. (In Russian)
11. Chetverikova O. N. *Razrushenie budushchego: kto i kak razrushaet suverennoe obrazovanie v Rossii [Destruction of the future: who and how destroys sovereign education in Russia]*. Moscow, 2015. 117 p. (In Russian)
12. Shpittser M. *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg [Anti-brain: digital technology and the brain]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2014. 284 p. (In Russian)
13. Postman N. *Amusing ourselves to death*. Available at: <https://quote.ucsd.edu/childhood/files/2013/05/postman-amusing.pdf> (In English)
14. Postman N. (1994) *The Disappearance of Childhood*. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc. (In English)
15. Prensky M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon, MCB University Press*, Vol. 9, No. 5, October. (In English)

*

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

УДК 793.3

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10413

В. Ю. Никитин

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается проблема использования заочной формы обучения в хореографическом образовании. Автор исследует специфику применения этой формы для профессиональных исполнителей, которые получают специальности педагога или хореографа. В статье проанализированы основные формы организации учебного процесса и предложены инновационные методы контактной работы преподавателя со студентами. Автор рассматривает способы использования современных средств коммуникации для дистанционной работы педагога со студентами. В статье дан анализ содержания образовательной программы и преподавания дисциплин профессионального блока.

Ключевые слова: хореография, профессиональное образование, заочная форма обучения.

Vadim Yu. Nikitin

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE SPECIFICS OF THE USE OF DISTANCE LEARNING IN THE CHOREOGRAPHIC ART

The article deals with the problem of using form of distance learning in choreographic education. The author explores the specifics of the application of this form of learning for professional artists, who are trained as a teacher or choreographer. The article analyzes the main forms of organization of the educational process, and offers innovative methods of contact work of the teacher with students. The author considers the ways of using modern means of communication for remote work of the teacher with students. The article analyzes the content of the educational program and teaching disciplines of the professional unit.

Keywords: choreography, professional education, distance learning.

Для цитирования: Никитин В. Ю. Специфика использования заочной формы обучения в хореографическом образовании // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 107–114. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10413

НИКИТИН ВАДИМ ЮРЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры современной хореографии Московского государственного института культуры

NIKITIN VADIM YURYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor, Professor of Department of Modern Choreography, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: dancer-v@mail.ru

© Никитин В. Ю., 2019

Заочное обучение как форма дистанционного образования имеет долгую историю, разработанную методическую базу и исследована в научной литературе. Достаточно указать следующие источники: М. Г. Мацбора «Особенности заочной формы обучения в России на рубеже XIX–XX вв.» [3], Е. С. Маслакова «История развития дистанционного обучения в России» [2], А. Н. Хузиахметов, Р. Р. Насибуллов «Учебная деятельность студентов вузов в условиях дистанционного образования» [6], С. В. Путеева «Исторические тенденции развития системы заочного образования» [4].

Автор статьи не ставит цели исследовать саму систему заочного обучения, задача – рассмотреть специфику применения этой формы в хореографическом образовании, поскольку вопрос о переквалификации исполнителей-танцовщиков в настоящее время стоит очень остро. Это и определяет актуальность статьи.

Эта проблема вызвана особенностями творческой карьеры артистов балета. Как правильно указывал П. А. Силкин: «дополнительный драматизм профессиональному творческому самовыражению артиста балета придаёт ограниченность творческой деятельности танцовщика жёсткими возрастными рамками, связанными с естественным старением человеческого организма. В отличие от других видов художественного творчества, в которых, как правило, процесс создания произведения искусства мало зависит от возрастных и физиологических состояний организма человека, совершенствуясь на протяжении всей жизни вплоть до самой глубокой старости мастера, инструментом созидания произведения искусства в балете выступает подверженное болезням и биологическому старению хрупкое живое человеческое тело, а потому профессиональный век балетного артиста недолог» [5].

Ранняя профессионализация детей приводит к двум серьёзным проблемам, которые до настоящего времени пока не решены в педагогике хореографического образования. Одна из них связана с тем, что дети, которые занимаются хореографическим искусством в любительских коллективах, на уровне хобби, безусловно, не осознают, что это может стать в будущем их профессией. Уже в сознательном возрасте понимая, что это их призвание, к сожалению, в силу особенностей физиологии, развить профессиональные данные, которые необходимы, уже невозможно. Безусловно, это касается только артистов балета. В других направлениях хореографического искусства (особенно в современном танце), возможно использовать тот технический уровень, который был заложен при дополнительном или предпрофессиональном обучении.

Другая проблема связана с тем, что уже в сознательном возрасте дети, которые учатся в профессиональных учебных заведениях, понимают, что эта профессия не их призвание.

Данные проблемы приводят к тому, что дети, которые мечтают работать на сцене в качестве исполнителей, в силу невозможности получить соответствующую профессиональную подготовку, вынуждены получать смежные профессии, а затем переквалифицироваться. А дети, получившие диплом о профессиональном образовании, отработав необходимый срок для пенсии, опять же вынуждены переквалифицироваться для того, чтобы получить диплом о высшем образовании, который позволит им работать в дальнейшем в качестве педагога или хореографа. И в этом случае форма заочного обучения является, несомненно, наиболее оптимальной.

До 2014-го года в системе хореографического образования не предусматривал-

ся уровень бакалавриата для танцовщиц-исполнителей. Будущие артисты получали только среднее профессиональное образование, которое не предполагало после ухода на пенсию работу в качестве педагога или хореографа. В настоящее время существует трехгодичный бакалавриат по направлению подготовки 52.03.02 – «Хореографическое исполнительство», который предусматривает обучение педагогической деятельности, однако данное направление подготовки существует только в двух Академиях (АРБ и МГАХ). Учитывая, что в нашей стране функционирует двадцать хореографических колледжей, то можно оценить количество выпускников, которые сталкиваются с проблемой переквалификации после окончания карьеры исполнителей.

Необходимо отметить, что форма заочного обучения в области хореографического образования практикуется во многих вузах, среди них МГИК, МГАХ, ГИТИС, Казанская государственная консерватория, Южно-Уральский государственный институт искусств, Саратовский государственный университет, Тюменский государственный институт культуры и ряд других образовательных учреждений. Однако обучают эти вузы по направлению подготовки 52.03.01 – «Хореографическое искусство» и готовят либо педагогов по профилям «Педагогика балета», «Педагогика народно-сценического танца», «Педагогика современного танца», либо хореографов по профилю «Балетмейстер-постановщик». Таким образом, можно сделать вывод, что существует некоторое дублирование образовательных программ. С одной стороны, выпускники, закончившие Академии по направлению подготовки «Хореографическое исполнительство», имеют право преподавать после окончания творческой карьеры. С другой стороны, выпускники, имеющие среднее

профессиональное образование и диплом по специальностям «Артист балета» или «Артист ансамбля», должны после окончания карьеры либо во время неё закончить заочно институт по направлению подготовки «Хореографическое искусство» для того, чтобы иметь возможность преподавать в дальнейшем. Таким образом, исполнители, которые закончили Академии, продлевают на три года срок обучения, но имеют возможность во время обучения продолжать свою исполнительскую деятельность. Выпускники средних специальных учебных заведений во время исполнительской карьеры или после её окончания должны учиться пять лет заочно опять же для того, чтобы иметь право преподавать или работать хореографом.

На схеме можно увидеть основные способы обучения детей в качестве исполнителей и, следовательно, потенциальных студентов заочной формы обучения в дальнейшем.

Из приведенной схемы становится понятно, что контингент абитуриентов может иметь различный уровень профессиональной подготовки, начиная от окончивших хореографические колледжи или Академии по специальностям «Артист балета» или «Артист ансамбля» и заканчивая теми, кто долгое время занимался в любительских коллективах или закончил хореографическое отделение школы искусств. Однако, как уже указывалось выше, уровень мастерства в классическом танце не может быть критерием оценки при поступлении на заочное отделение, например, на профили подготовки «Педагогика современного танца» или «Балетмейстер-постановщик». Исходя из этого, возникает достаточно серьезная проблема, которая пока не решена, – разработка дифференцированных условий приёма. В настоящий момент, под влиянием коммер-

циализации системы высшего образования и резкого снижения количества бюджетных мест, особенно на заочную форму обучения, образовательные учреждения «закрывают глаза» на уровень технической подготовки абитуриентов. Автор статьи неоднократно сталкивался с тем, что на одном курсе одновременно учились те, кто имел диплом о среднем профессиональном образовании, и студенты, которые занимались только в детстве в любительских коллективах, причём не самого высокого уровня. Безусловно, уровень технической подготовки был совершенно разным.

Необходимо также учитывать, что блок профессиональных дисциплин при заочной форме можно чётко разделить на две части: теоретическую и практическую. И в вуз, учитывая время, отведённое на сессию, просто не имеет возможности обучать любой танцевальной технике, как это делается при дневной форме обучения. Да и нет в этом необходимости, поскольку на заочную фор-

му обучения должны приниматься только профессиональные исполнители, которые имеют соответствующий уровень довузовской подготовки.

Исходя из этого, по мнению автора статьи, необходима чёткая дифференциация абитуриентов, в зависимости от их уровня профессиональной технической оснащённости, полученной до поступления в институт. Абитуриенты, имеющие диплом о профессиональном образовании, могут поступать на направление подготовки «Хореографическое искусство», а тем, кто имел предпрофессиональное или дополнительное образование, может быть предложено обучение по направлению подготовки «Народная художественная культура», профиль «Руководство любительским хореографическим коллективом».

Ещё одна проблема, которая на взгляд автора статьи, требует решения. Вопрос касается зеркального переноса учебных дисциплин дневной формы обучения на за-

очную форму. Как уже указывалось выше, предметы, связанные с преподаванием любой техники танца (классический танец, народно-сценический танец, танец модерн, джазовый танец и т.д.), занимают достаточно большой объём времени при дневной форме обучения. Это связано с тем, что, как правило, абитуриенты имеют различный уровень довузовской подготовки, и необходимо обучить их «школе», основам, правильному исполнению. При заочной форме обучения такая задача не стоит, поэтому количество часов на вышеуказанные дисциплины профессионального блока возможно сократить. То же самое касается таких предметов, как «Наследие и репертуар», «Ансамбль», «Вращения и трюки» и т.д. (названия предметов используются из учебного плана кафедры современной хореографии МГИК профиль подготовки «Педагогика современного танца»).

По нашему мнению, помимо обязательных теоретических дисциплин, предусмотренных программой обучения в высшей школе, при заочной форме хореографического образования необходимо сосредоточить внимание на дисциплинах, которые непосредственно формируют педагогические навыки, такие как «Возрастная психология», «Возрастная анатомия и физиология», а также на целом ряде дисциплин, которые связаны с методикой преподавания того или иного направления танца.

Безусловно, необходимо в программе обучения предусмотреть дисциплины, которые повышают общий культурный уровень, такие как «История хореографического искусства», «История и теория музыки», «История театра», «История изобразительного искусства» и т.п. Однако, учитывая современные средства коммуникации, необходимо изменить форму преподавания данных дисциплин, отойти от традиционных

лекций и семинаров. Теоретические дисциплины могут быть самостоятельно освоены студентами с помощью вебинаров, видеопособий, аудиозаписей и литературы. Традиционное контактное общение с преподавателем в этом случае может быть перенесено в общение по электронной почте либо с использованием современных мессенджеров. Таким образом можно сократить время пребывания студентов на сессии, при заочной форме обучения это является очень важным моментом организации учебного процесса, поскольку студенты работают в творческих коллективах, у которых существует свой план постановочной работы, выпуска спектаклей, гастрольной деятельности. И очень часто студенты вынужденно пропускают сессии, поскольку их просто не отпускают с работы в связи с производственной необходимостью.

Долгое время считалось, что заочно танцу обучить невозможно, поскольку основной педагогический метод – показ педагога. В настоящее время с введением в практику таких способов коммуникации, как видеоконференция, скайп, ватсап, вайбер и т.п., появилась возможность педагогу дистанционно не только показывать упражнения и комбинации, но и контролировать выполнение заданий. Подобная форма постановочной работы была использована в телевизионной программе «Большой балет» на телеканале «Культура», когда известный английский хореограф МакГрегор по видеосвязи ставил номер для участников конкурса.

Безусловно, все инновационные формы дистанционного образования приводят к увеличению доли индивидуальной работы преподавателя со студентом. Однако практический опыт автора статьи позволяет сделать вывод, что индивидуальный метод подготовки себя оправдывает, поскольку у каж-

дого студента есть индивидуальные профессиональные проблемы, которые нуждаются в коррекции педагога.

Ещё одно замечание, связанное с организацией учебного процесса. Традиционная методика обучения предполагает, что на установочной сессии студенты получают материал, который самостоятельно изучают и на следующей сессии педагог проверяет степень усвоения с помощью семинаров, зачётов и экзаменов. Возможно, такой метод оправдан при обучении теоретическим дисциплинам, но главная задача при обучении будущих педагогов и хореографов – практика. И основное внимание уделяется практическим заданиям (комбинации упражнений, этюды, проведение классов, номера и т.п.). Но как уже указывалось выше, предвузовская техническая подготовка у всех студентов разного уровня, и в результате студенты, имеющие профессиональную подготовку высокого уровня, справляются с заданиями очень быстро, а преподаватель вынужден тратить аудиторное время для объяснений отстающим студентам. Индивидуальная директория обучения позволяет избежать потери времени и даёт возможность педагогу индивидуально с помощью современных средств коммуникации контролировать работу конкретного студента и дифференцировать задания по степени сложности.

Существует несколько совершенно ничем не подтверждённых мифов о недостатках заочной формы обучения. Считается, что качество образования при дневной форме обучения гораздо выше. На взгляд автора статьи – это не так. При дневной форме обучения у студентов развивается «потребительское» отношение к процессу получения знаний и навыков. Педагог должен объяснить, показать, помочь и проконтролировать выполнение заданий. При заоч-

ной форме обучения студенты более самостоятельны и более мотивированы. Небольшой срок контактной работы с педагогом во время сессии заставляет их более активно и целенаправленно включаться в учебный процесс. Как правило, заочную форму обучения выбирают уже достаточно взрослые люди, которые имеют опыт профессиональной работы.

Качество образования, в том числе и заочного, во многом зависит стремлений и характера самого студента. На практическом опыте автор статьи неоднократно убеждался, что в хореографическом образовании очень многое зависит от степени таланта и трудолюбия студента. При заочной форме обучения у студентов, во-первых, есть практический опыт в качестве исполнителя, во-вторых, есть опыт работы в профессиональном искусстве, в-третьих, они чётко определили цель обучения. Студенты дневной формы обучения, как правило, ещё очень молоды, они зачастую даже сами не знают, какую профессию хотят получить: исполнителя, педагога или хореографа.

Ещё один миф о том, что якобы заочники учатся, только приезжая на сессию. В какой-то мере автор статьи согласен с этим утверждением. Действительно, очень часто между сессиями у студентов просто нет времени для выполнения заданий. Они работают! Но, с другой стороны, профессиональная работа – это лучшая школа и возможность применить те знания и навыки, которые получают студенты при обучении. Именно поэтому автор статьи ещё раз настаивает на том, что на заочную форму обучения должны приниматься только те, кто работает в профессиональных творческих коллективах.

Ещё один стереотип, который не имеет под собой никаких оснований, – о том,

что работодатели предпочитают принимать на работу только тех, кто имеет диплом дневной формы обучения. Возможно это и так в других профессиях, но не в хореографическом искусстве. Во-первых, необходимо учитывать, что во время обучения студенты уже работают исполнителями и работодателей меньше всего волнует их будущее в качестве педагогов или хореографов. Обучение этим профессиям – целиком и полностью инициатива самих артистов, которые обеспечивают таким образом свою дальнейшую профессиональную карьеру. Во-вторых, работодатели, наоборот, заинтересованы, чтобы зарекомендовавшие себя исполнители как можно дольше оставались в профессии, и получение диплома о высшем образовании, который позволяет оставить их в труппе, но уже в другой должности – только приветствуется. Но во многом это зависит ещё и от сте-

пени таланта и уровня профессионализма. Не всегда высокопрофессиональные исполнители становятся известными педагогами или хореографами. Это всё-таки разные профессии.

«По мнению экспертов, заочное образование в современных реалиях становится всё более востребованным. Не исключено, что в ближайшие 5–10 лет подобная форма обучения станет преобладающей во многих вузах. Однако в дальнейшем от высшей школы потребуются не просто дать студентам профессиональные знания, но сформировать у них навыки самообразования» [1].

Безусловно, выводы автора носят субъективный характер, они дискуссионные и требуют более тщательного исследования. Однако проблема, поставленная в статье, очень актуальна для реформирования и улучшения качества образовательных услуг в хореографическом обучении.

Примечания

1. Заочное обучение: история, возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Московский открытый институт : [веб-сайт]. URL: <https://moi.edu.ru/poleznye-statii/zaochnoe-obuchenie>
2. Маслакова Е. С. История развития дистанционного обучения в России // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. С. 29–32. URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9249/>
3. Мацубора М. Г. Особенности заочной формы обучения в России на рубеже XIX–XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 33 (73), часть 2. С. 118–124.
4. Путеева С. В. Исторические тенденции развития системы заочного образования [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3122
5. Силкин П. А. Педагогическая диагностика детей для обучения искусству танца (на примере Академии русского балета им. А. Я. Вагановой) : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Силкин Петр Афанасьевич. Санкт-Петербург, 2008. 165 с. : ил.
6. Хузиахметов А. Н., Насибуллов Р. Р. Учебная деятельность студентов вузов в условиях дистанционного образования // Высшее образование в России. 2012. № 4. С. 98–102.

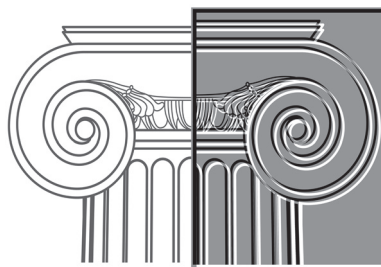
References

1. *Zaochnoe obuchenie: istoriya, vozmozhnosti i perspektivy* [Distance learning: history, opportunities and prospects]. Available at: <https://moi.edu.ru/poleznye-statii/zaochnoe-obuchenie> (In Russian)
2. Maslakova E. S. *Istoriya razvitiya distantsionnogo obucheniya v Rossii* [The history of the development of distance learning in Russia]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, dekabr' 2015 g.)* [Theory and practice of education in the modern world: materials of the VIII International Scientific Conference (St. Petersburg, December 2015)]. St. Petersburg, 2015. Pp. 29–32. (In Russian)

3. Matsibora M. G. Osobennosti zaочноy formy obucheniya v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Features of part-time education in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2008, no. 33 (73), part 2, pp. 118–124. (In Russian)
4. Puteeva S. V. *Istoricheskie tendentsii razvitiya sistemy zaочnogo obrazovaniya [Historical trends in the development of the system of distance education]*. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3122 (In Russian)
5. Silkin P. A. *Pedagogicheskaya diagnostika detey dlya obucheniya iskusstvu tantsa (na primere Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoy). Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical diagnosis of children for learning the art of dance (on the example of the A. Ya. Vaganova Academy of Russian Ballet). Cand. ped. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2008. 165 p. (In Russian)
6. Khuziakhmetov A. N., Nasibullov R. R. Uchebnaya deyatel'nost' studentov vuzov v usloviyakh distantsionnogo obrazovaniya [Educational activities of university students in distance education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012 [Higher education in Russia]*. 2012, no. 4, pp. 98–102. (In Russian)

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РАЗРАБОТКА И ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СЕТИ МАССОВЫХ БИБЛИОТЕК В СССР (1964 ГОД – АПРЕЛЬ 1974 ГОДА)

УДК 021 «1964/1974»

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10414

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры

В статье впервые в российском библиотековедении подробно исследована история подготовки и осуществления советской государственной библиотечной политики в так называемый дозастойный период. Показаны причины, вызвавшие всесоюзную реорганизацию системы массовых библиотек во второй половине 1960-х годов. Отмечена недооценка советскими партийными и государственными чиновниками исторического опыта внедрения централизации библиотечной сети в первое десятилетие после Октябрьской революции. Приводятся и анализируются основные документы руководящих структур в области библиотечного дела. Выявлены определяющие факторы для утверждения библиотечной политики государственной властью. Рассматриваются мероприятия советского правительства по централизации сети массовых библиотек. Названы имена ведущих кураторов осуществлявшейся библиотечной реорганизации. Исследуются обстоятельства, не позволившие реализовать государственную библиотечную политику в 1964 году – апреле 1974 года. Подчеркивается отсутствие объективных условий для организации эффективной единой системы массовых библиотек в стране. Дается сводная оценка состояния библиотечного дела в СССР к середине 1970-х годов. В статье использованы архивные и иные малоизвестные источники. Материал имеет значение не только для научного раскрытия «белых пятен» отечественной истории, но и представляет интерес для разработки современной региональной и федеральной политики в библиотечной сфере.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, централизация сети массовых библиотек, история 1964–1974 годов.

Mikhail N. Glazkov

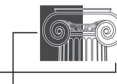
Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE DEVELOPMENT AND REALIZATION OF MASS LIBRARY NETWORK CENTRALIZATION POLITICS IN USSR (1964 – APRIL 1974)

It's first investigated the history of preparation and implementation soviet state library politics in Russian library science. We show the reasons of mass library system reorganization in second half 1960th. We note the history library centralization experience underestimation. In our material are given

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры библиотековедения и книговедения факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, академик Международной академии информатизации

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Library Science and Book Science, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Academician of the International Academy of Informatization

and analyzed the main documents of governing structures in library area. We are considered soviet government activity in mass library network centralization. The names curators of library reorganization have been named. Factors that prevent state library policy in 1964 – April 1974 are investigated. We are given the summery assessment of librarianship state in USSR. In article used archive and other little-known sources. The material is of interest for disclosure history, for actual regional and federal library policy development.

Keywords: state library politics, centralization of mass libraries network, history of 1964–1974.

Для цитирования: Глазков М. Н. Разработка и первый этап реализации политики централизации сети массовых библиотек в СССР (1964 год – апрель 1974 года) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 116–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10414

К настоящему времени выбранный хронологический период библиотечной истории фактически не изучен. Имеются лишь краткие и отрывочные, единичные публикации, ни в коей мере не достаточные для глубокого и объективного понимания происшедших событий и проявившихся тенденций. Одновременно период очень важен для оценки всей советской эпохи, включившей в себя как выдающиеся мировые достижения, так и позорные явления, приведшие нашу страну к поражению в «холодной войне» и капитуляции официальной советской идеологии перед «западными ценностями».

После свержения Н. С. Хрущева в октябре 1964 года к власти в СССР приходит новый руководитель – Л. И. Брежнев. Как правило, при смене верховной власти происходит поиск новых направлений и даже парадигм развития страны. В 1960-е годы в советском библиотечном деле такой новацией была провозглашена централизация.

Историки знают, что в Советской России централизацию библиотечного дела уже пытались осуществить в 1920-е годы. Был издан соответствующий декрет Совета народных комиссаров «О централизации библиотечного дела в РСФСР», подписанный В. И. Лениным (3 ноября 1920 года). По ряду причин решить поставленные задачи тогда не удалось. Централизация закончилась

неудачей и даже провалом [6, с. 52–69; 5; 8]. Однако спустя 40 лет к данной идее обратились вновь.

Это было вызвано как объективными, так и субъективными факторами. Начнём с последних. В 1960-е годы Советский Союз жил ожиданием нескольких крупнейших юбилеев, масштабно и длительно готовился к ним. В 1967 году отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В 1970 году – 100-летие со дня рождения В. И. Ленина – главной советской иконы. Для библиотечной сферы почти такой же важной датой явилось 100-летие Н. К. Крупской (1969 год). Чуть позднее, в 1972 году состоялось 50-летие образования СССР. Естественно, к великим знаменательным юбилеям страна и все её трудящиеся готовились годами.

В обстановке многолетнего идеологического и агитационного ажиотажа просто не могло не всплыть «ленинское наследие», требования «возвратиться к подлинному ленинизму» и «революционным идеалам», искажённым И. В. Сталиным и Н. С. Хрущевым. В библиотечном деле главным ленинским наследием закономерно была провозглашена идея централизации и организации единой библиотечной сети.

Заметим, что отечественные историки библиотечного дела сделали немало для

пропаганды идей централизации. Отчасти их можно понять: таков был тогда заказ власти. Кроме того, объективно надо было улучшать качество библиотечного обслуживания, всё меньше соответствовавшего потребностям государства и народа. Но рекламируя ленинское наследие, необходимо было выявить причины, не позволившие реализовать его конструктивные зёрна в 1920-е годы, вскрыть и разъяснить негативные последствия практического осуществления централизации, активно и аргументировано доводить данную информацию до ведомственного и партийного руководства. Этого в должной мере сделано не было, что по большому счёту следует поставить в укор профессиональным библиотечным историкам 1960-х годов.

Ну а советские чиновники, в том числе библиотечные руководители высокого ранга, библиотечную историю не знали и с энтузиазмом ухватились за идею централизации, не ведая её оборотной стороны. В очередной раз сказались невежество и пренебрежение историей библиотечного дела тогдашними библиотечными «менеджерами».

Разумеется, для провозглашения политики централизации библиотечного дела при Л. И. Брежневле имелись серьёзные объективные обстоятельства.

К середине 1960-х годов советская экономика находилась в сложном положении. Навязанная нам «холодная (в том числе санкционная) война» и тотальная гонка вооружений требовали колоссальных затрат. Политика финансовой и ресурсной поддержки других социалистических стран и даже тех государств «третьего мира», которые только объявили о намерении стать на путь строительства социализма, тоже забирала многие миллионы рублей из советского бюджета. Волюнтаристские, непродуманные

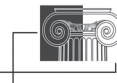
государственные эксперименты Н. С. Хрущева (вроде варварского освоения целины) вскоре обернулись крупными потерями [11].

Приходится только удивляться устойчивости и изначальным преимуществам плановой социалистической экономики, которая не только не была «разорвана в клочья» в подобных обстоятельствах, а даже позволяла СССР успешно развиваться, быть мировым лидером в важнейших областях (фундаментальной науке, космосе, атомной энергетике и т.п.), иметь стабильный рубль, отсутствие инфляции, бесплатные и качественные здравоохранение и образование, символическую плату населения за жилищно-коммунальные услуги и т.д. Передовой оставалась и библиотечная сфера [подробнее см.: 4].

Тем не менее финансовых средств и материальных ресурсов очень не хватало. Поэтому советскому правительству приходилось экономить. К глубокому сожалению, экономили прежде всего на сфере культуры. Среди высшей партийной элиты не нашлось личностей, которые смогли бы методологически понять первостепенную ценность просвещения для подлинного перспективного развития нашего государства и последовательно добиваться оптимального его обеспечения.

В этой связи советская бюрократия охотно ухватилась за идею централизации библиотечного дела, позволявшую, как казалось, ограничиться административной реорганизацией без крупного дополнительного финансирования. По сути, то же самое произошло в 1920-е годы. Через сорок лет, не ведавшие историю библиотечные руководители, наступили на те же «грабли».

Поначалу речь шла об упорядочении библиотечной сети. 17 июня 1965 года вышло постановление Совета Министров РСФСР «О ходе выполнения постановле-

ния Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1959 г. № 1832 и мерах по дальнейшему улучшению обслуживания населения массовыми библиотеками». В нём отмечалось, что в некоторых областях, краях и автономных республиках неудовлетворительно выполняется указанное постановление Совета Министров «в части упорядочения сети массовых библиотек, улучшения их деятельности, повышения обращаемости книжных фондов и доведения книги до каждой семьи» [3, с. 76–77]. Постановление включало ряд мер, нацеленных на улучшение ситуации в библиотечном деле.

Меньше, чем через месяц, 12 июля 1965 года, вышел приказ министра культуры РСФСР А. И. Попова «О мерах по выполнению постановления Совета Министров РСФСР № 763 от 17 июня 1965 года по дальнейшему улучшению обслуживания населения Российской Федерации массовыми библиотеками». В нём снова были отмечены слабый контроль министерства и его органов на местах «за упорядочением сети массовых библиотек», слабая «координация деятельности библиотек всех ведомств и организаций, расположенных на территории РСФСР» и т.п. [3, с. 81]. Министр приказал в течение III квартала т.г. «разработать и внести на рассмотрение Советов Министров автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, Мосгорисполкома и Ленгорисполкома предложения по устранению недостатков в библиотечном обслуживании населения, предусмотрев при этом завершение работы по упорядочению сети массовых библиотек ... в 1965 году на селе и в 1966 году по городам, максимальное развитие координации и кооперирования работы массовых библиотек разных ведомств и организаций, создание единой системы библиотечного обслуживания населения массовыми библиотеками» [3, с. 84] Очевидно,

искомым суммарным предложением и стал курс на централизацию библиотечного дела.

Уже с 1966 года в нескольких городах и сельских районах страны стал осуществляться отраслевой «возврат к ленинизму» – эксперимент для проверки эффективности централизации сети массовых библиотек в современных условиях. Непосредственным куратором эксперимента выступило Управление библиотек Министерства культуры РСФСР, руководимое В. В. Серовым, при участии ГБЛ имени Ленина и ГПБ имени Салтыкова-Щедрина.

С января 1966 года централизация была введена в трёх городах РСФСР – Липецке, Нижнем Тагиле и Шахтах, в 1967 году – в Камышине и Череповце, несколько позже – в сельских районах Астраханской, Московской и Свердловской областей. В 1968–1970 годах к эксперименту подключились другие республики СССР: Латвия, Молдавия, Украина, Литва, Эстония.

В постановлении Коллегии Министерства культуры РСФСР от 28 июля 1967 года «О ходе эксперимента по централизации библиотечного обслуживания городского населения» достаточно ясно приведено обоснование предпринятой реорганизации. Указывалось, что «... существующая ныне система библиотечного обслуживания в городах Российской Федерации не обеспечивает ещё полного удовлетворения потребностей населения на библиотечную книгу. Одной из основных причин этого является несовершенство существующей организации библиотечной сети, при которой библиотеки одного города разобщены и в значительной мере дублируют деятельность друг друга. Особенно много параллелизма наблюдается в комплектовании книжных фондов. Каждая из библиотек вынуждена приобретать книги, уже имеющиеся в других библиотеках. При ограниченности средств на

комплектование подобный параллелизм приводит к обеднению ассортимента литературы, снижению возможности библиотек в удовлетворении разнообразных запросов читателей» [3, с. 122].

В постановлении отмечалось, что «распыление сил и средств по многим библиотекам не позволяет обеспечить необходимый уровень справочно-библиографического обслуживания, затрудняет внедрение современных средств механизации, снижает производительность и культуру труда библиотечного персонала.

Опыт организации библиотечной сети за рубежом и у нас в стране в 30-е годы [так в документе, правильно – в 1920-е годы. – М. Г.], подсказывает, что средством ликвидации этих недостатков может служить единая централизованная система библиотечного обслуживания... В такой системе создаётся единый книжный фонд, комплектование, каталогизация и обработка литературы для всех библиотек передаются в центральную городскую библиотеку, практикуется широкий книгообмен между центральной городской библиотекой и её филиалами» [3, с. 122].

Ещё яснее идею реорганизации библиотечного дела, с точки зрения высоких чиновников, выразили заместитель Министра культуры РСФСР В. М. Стриганов и секретарь ВЦСПС Т. Н. Николаева. В их статье во втором номере журнала «Библиотекарь» за 1967 год, посвящённой перестройке библиотечной сети в Саратовской области, прямо говорилось: «Распространение саратовского опыта позволит за счёт внутренних ресурсов, без больших дополнительных средств существенно улучшить библиотечное обслуживание городского населения ... Предварительные расчёты показывают, что если такую же работу провести во всей республике, то расходы на но-

вую сеть библиотек будут меньше примерно на одну треть» [10].

Как писала советская пресса тех лет, эксперимент в библиотечном деле был с энтузиазмом поддержан библиотекарями и общественностью. Однако в реальности дело обстояло не совсем так.

Одним из принципиальных недостатков советской системы рассматриваемого периода являлось искажение «обратной связи» между высшими органами власти и мнением народа. Если высокое руководство принимало какое-либо решение, то трудящиеся должны были его однозначно поддерживать, даже если на самом деле оно им сильно не нравилось. А без настоящей поддержки народа целый ряд решений плохо проводился в жизнь, иногда и вовсе буксовал.

Эксперимент по централизации изначально предполагал увеличение интенсивности работы библиотекарей. Им надо было решать новые задачи, осваивать новые методики и т.д., что особенно сложно в зрелом и пожилом возрасте. Понятно, что это не вызывало большой радости у обычных сотрудников, требовало материальной и моральной компенсации. Но у нас нет сведений о серьёзном повышении зарплаты обычным библиотекарям (не говорю о директорах централизованных систем) в процессе эксперимента. Работать же за идею, что было естественно, например, для 30-х годов, в брежневское время население уже не хотело. Одно это могло заложить мину под реорганизацию библиотечной сферы.

Тем не менее, по официальным данным, общие результаты эксперимента представлялись положительными. В уже упоминавшемся постановлении коллегии Министерства культуры РСФСР от 28 июля 1967 года «О ходе эксперимента по централизации библиотечного обслуживания городского населения» подчёркивалось: «В 1966 году в

библиотеках указанных городов [Липецк, Нижний Тагил, Шахты. – М. Г.] увеличилось количество читателей, повысилось качество их обслуживания, заметно улучшилось использование книжных фондов.

Централизация комплектования позволила более разумно, в соответствии с типами изданий и читательским назначением, распределять новые поступления книг между центральной библиотекой и её филиалами, ликвидировать неоправданную дублетность, расширить ассортимент поступающей в библиотеки города литературы ... Благодаря централизованной каталогизации и обработке в библиотеках-филиалах [удалось] высвободить более 2 000 рабочих дней, иными словами, библиотеки городов, где проводился эксперимент, как бы дополнительно получили для работы с читателями семь единиц библиотекарей» [3, с. 123].

Констатировалось, что в централизованных системах произошло «подтягивание уровня работы библиотек-филиалов до уровня центральной городской библиотеки» [3, с. 123]. В документе утверждалось, что в ходе эксперимента удалось заметно улучшить обслуживание читателей. В то же время проявились и недостатки, которые согласно постановлению следовало устранить. Однако они не раскрывались в тексте цитируемого источника. Коллегия Министерства поручала Управлению библиотек (тов. Серову В. В.) «расширить базу эксперимента за счёт городов областного и республиканского значения» [3, с. 123]. Также министерство поручило соответствующим структурам в течение 1967–1968 годов обеспечить центральные библиотеки городов, где проводился эксперимент, средствами механизации, дефицитной множительной техникой [3, с. 124].

Через два с лишним года Коллегия Министерства культуры РСФСР вернулась к

вопросу, издав новое постановление «Об итогах эксперимента по централизации библиотечного обслуживания городского населения» (11 сентября 1969 года) [3, с. 129–132]. В нём отмечалось, что ранее самостоятельные и обособленные друг от друга массовые библиотеки системы Министерства культуры были реорганизованы в филиалы центральной городской библиотеки. Таким образом, «создана библиотечная система, имеющая единое административно-хозяйственное руководство, единый книжный фонд, единые штаты и имущество, единый процесс комплектования, обработки и использования поступающей литературы» [3, с. 129–132]. Итоги эксперимента, по мнению разработчиков цитируемого постановления, показали «значительные преимущества» новой организационной системы. Так, она позволила «заметно улучшить качество комплектования и состав общегородского книжного фонда, создало возможность маневрирования книжными ресурсами, сделало их более доступными для населения» [3, с. 129–132]. Кроме того, «за счёт сокращения технической работы относительно увеличилось время, затрачиваемое библиотечным персоналом на непосредственную творческую работу с читателями, созданы лучшие материальные и организационные предпосылки для существенного повышения качества этой работы, улучшения её содержания» [3, с. 129–132].

Важным фактором стало повышение качества информационно-библиографического обслуживания читателей. «Справочный аппарат, созданный в единой библиотеке, помогает удовлетворять различные запросы читателей с наибольшей полнотой и с минимальной затратой времени» [3, с. 129–132]. Постановление констатировало, что «вся сумма мер, осуществлённых при централизации, способствовала привлечению

в библиотеки большого числа новых читателей, увеличению количества книговыдач, повышению уровня идейно-воспитательной работы» [3, с. 129–132]. Коллегия Министерства одобрила проведённый эксперимент и постановила «распространить в 1970 году опыт централизации ещё на 5 городов республике» [3, с. 129–132].

Более глубокому осмыслению экспериментального периода реорганизации посвящена аналитическая справка «О централизации сети государственных массовых библиотек» от 2 июня 1971 года, подписанная начальником Главной библиотечной инспекции Министерства культуры СССР В. В. Серовым и и.о. директора Государственной библиотеки СССР имени Ленина О. С. Чубарьяном [2]. В справке отмечались в целом значительные успехи в развитии советских библиотек. «В стране насчитывается около 550 тыс. библиотечных учреждений разных типов и видов с книжным фондом в 27 млрд. книг, которыми пользуется большая часть населения – свыше 130 млн. человек. Планомерно выполняется задача охвата библиотечным обслуживанием жителей каждого населённого пункта, привлечения к чтению каждой советской семьи. Лишь за прошедшую пятилетку число читателей в библиотеках увеличилось более чем на 20 млн. человек» [2].

В то же время «современная библиотечная система далеко не в полной мере обеспечивает возросшие и усложнившиеся запросы читателей» [2]. Подавляющее большинство массовых библиотек имеет «незначительные книжные фонды ... Социологические исследования, проведённые в последнее время, показали, что 49% читателей со средним образованием и 74% с высшим не удовлетворены составом их книжных фондов. Развитие каждой библиотеки как самостоятельного учреждения приве-

ло к их разобщённости и обособленности, к стремлению приобретать вновь выходящую литературу без учёта состава фондов близлежащих библиотек. В результате – параллелизм и дублирование в комплектовании, когда во всех массовых библиотеках имеются десятки экземпляров книг одного и того же названия...» [2].

Главная библиотечная инспекция Министерства культуры СССР и Государственная библиотека СССР имени Ленина, «изучив состояние библиотечного дела в стране ... вносят на рассмотрение Коллегии предложение об изменении существующей структуры сети библиотек и осуществлении централизации государственных массовых библиотек в стране» [2]. Отмечалось, что данное предложение поддерживается Министерствами культуры РСФСР, Латвийской, Молдавской и Эстонской ССР.

Подчёркивалось, что «централизация сети библиотек – это принципиально новое направление развития библиотечного дела, позволяющее резко улучшить обслуживание населения книгой без дополнительных материальных затрат. Централизованная система ... даёт возможность создать крупное библиотечное учреждение с единым книжным фондом и штатом работников, объединить усилия и материальные ресурсы библиотек, ликвидировать их обособленность. В новых условиях каждый читатель имеет возможность выбора и получения книг не только из фондов библиотеки, которой он пользуется, но из всего общенационального фонда ... Централизованное выполнение ряда общих для всех объединённых библиотек технологических процессов обеспечивает более эффективное использование выделяемых на содержание библиотек средств, повышение производительности труда, углубление специализации библиотечных работников, использование

множительной техники и других средств механизации в библиотечном деле» [2].

Далее составители справки указывали, что «... в качестве баз эксперимента были выбраны города и районы, расположенные в разных экономических и географических зонах страны, различающиеся по количеству жителей и числу библиотек» [2]. Разумеется, говорилось о поддержке библиотечного эксперимента со стороны советских и партийных органов. «В городах и районах реорганизация осуществлялась по решению местных исполкомов Советов депутатов трудящихся» [2].

Результаты, полученные после нескольких лет эксперимента, показали, что «во всех библиотеках городов и районов, где проводился эксперимент, значительно улучшилось обслуживание населения, возросло количество читателей и повысилось качество пропаганды книги, заметно улучшился состав и использование книжных фондов». Причём темпы роста читателей в городах-базах эксперимента оказались значительно выше, чем в других городских библиотеках страны. «Приток новых читателей вызван созданием качественно лучших условий обслуживания, применяемых при централизации сети» [2].

По данным из справки, существенно обогатился состав книжных фондов библиотек. Прежде всего, расширилось количество названий произведений в централизованных фондах. Примерно в полтора раза увеличилась доля общественно-политической (ОПЛ), технической и естественно-научной литературы. Улучшилась система информационно-библиографического обслуживания. В центральных библиотеках появились сводные каталоги и картотеки, отражавшие литературу во всех филиалах. Ежемесячно стал издаваться сводный информационный бюллетень новых поступле-

ний. Благодаря этим мерам книговыдача в централизованных системах выросла в 1,5–2 раза, заметно повысилась выдача ОПЛ, естественно-научной и технической литературы. В «неэкспериментальных» библиотеках аналогичный показатель увеличился лишь на 15%. Также снизилось число отказов на запрашиваемую читателями литературу.

По мнению В. В. Серова и О. С. Чубарьяна, централизация сделала экономически выгодным применение механизации библиотечного труда и множительной техники, возможности загрузки которой в обособленных библиотеках «крайне ограничены». Наконец, «в городах, районах, где проводился эксперимент, возросла квалификация работников, укрепилась дисциплина, улучшилась учёба библиотечного персонала, появились возможности для перераспределения штата внутри системы и организации более ритмичной работы библиотек» [2].

К чести составителей справки, были перечислены некоторые недостатки эксперимента. «Многие читатели филиалов не используют сводные каталоги, мало обращаются к бюллетеням новых поступлений, значительная часть технической работы выполняется вручную, недостаточен ещё книгообмен между центральными библиотеками и филиалами» [2]. Мало было множительной и счётной техники, слабо пропагандировались возможности централизованного фонда и новые формы обслуживания читателей. Как препятствие библиотечной перестройке упоминались некие «традиции библиотекарей», то бишь, судя по всему, их «косность» и нежелание «работать по-новому».

В заключении справки подчёркивалась полная поддержка, оказанная эксперименту со стороны партийных и советских органов, читателей и библиотекарей (несмотря на все их традиции и косность). В част-

ности, «на совещании в отделе пропаганды ЦК КПСС работники обкомов и горкомов партии и исполкомов городских Советов депутатов трудящихся полностью одобрили новую форму работы» [2]. Обобщая вышеизложенное, в справке делался итоговый вывод: «... на данном этапе библиотечного строительства в стране централизация является наиболее прогрессивной и рациональной формой построения сети библиотек, соответствующей требованиям современного общества» [2].

Стоит обратить внимание, что при всех описанных успехах, авторы справки делали целый ряд оговорок по дальнейшему повсеместному его внедрению в СССР. Оно «... требует большой подготовительной работы и решения ряда вопросов, находящихся в компетенции Госплана СССР, Министерства финансов СССР, ЦСУ СССР и других государственных органов» [2]. Заметим, что с начала подготовительной работы (эксперимента по централизации) к тому времени прошло уже пять с половиной лет. По-видимому, что-то шло не так, раз этого большого, по советским меркам, времени оказалось недостаточно для апробации перестройки библиотечной сети.

Даже сами централизованные системы, уже функционировавшие в городах и сельской местности, по мнению разработчиков справки, «нуждались в дальнейшем совершенствовании» [2]. Помимо того, «новые требования должны быть предъявлены к системе книгоснабжения, особенно в плане обеспечения библиотек специальной и научной литературой, централизованной каталогизации и обработке печатных изданий, подготовке кадров для библиотек, а также к проектированию библиотечных зданий и их оборудованию» [2]. Другими словами, существующее на шестом году эксперимента состояние материально-технической и ка-

дровой базы библиотек и их организационная и логистическая структура были не готовы к действенной централизации. Эти краткие, «полузамаскированные» оговорки в тексте исследуемого документа заставляют усомниться в успешности осуществления эффективной централизации в библиотечном деле.

Следует добавить, что и В. В. Серов, и О. С. Чубарьян были не только высокими библиотечными чиновниками, но и научными работниками, впоследствии защитившими докторские диссертации. Они не могли вообще отказаться от научного подхода к сложным проблемам, поставленным всесоюзной библиотечной реорганизацией. В то же время они ни в коем случае не шли против господствовавшего течения, сами использовали ситуацию для написания в дальнейшем теоретико-прикладных сочинений по централизации [см., например: 12], повышения своего служебного статуса, карьерного роста и прочее.

Судя по всему, более высокое руководство всё уже решило и хотело видеть только плюсы эксперимента, а его негативные последствия относил к промахам на местах, частным упущениям и т.п., а не к системным изъянам. 4 июня 1971 года вышло постановление Коллегии Министерства культуры СССР «О централизации сети государственных массовых библиотек» [3, с. 61]. Оно основывалось на сообщении начальника Главной библиотечной инспекции В. В. Серова об итогах эксперимента по централизации сети государственных массовых библиотек. Постановление одобрило данный опыт «... как более прогрессивную и эффективную форму организации библиотечной сети ... являющуюся важным направлением совершенствования библиотечного дела в стране в свете решений XXIV съезда КПСС» [3, с. 61].

Тем же В. В. Серову и О. С. Чубарьяну было поручено к 1 октября 1971 года «... подготовить предложения в директивные органы о перестройке сети государственных массовых библиотек на принципах централизации» [3, с. 61] Постановление подписала министр культуры Е. А. Фурцева.

Фактически с 1972 года и до мая 1974 года, на котором останавливается хронология данной статьи, началась уже не экспериментальная, а массовая библиотечная централизация в стране. Официально к началу 1974 года централизация сети государственных массовых библиотек была осуществлена в более чем 140 городах и сельских районах восьми союзных республик [1, с. 301].

Однако в целом достигнуть изначально заявленных целей не удалось. Это, по сути, было признано в главном библиотечном документе 1970-х годов – Постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (8 мая 1974 года) [9, с. 418–423]. Укажем на основные причины нереализованности государственной библиотечной политики.

Начнём с методологических аспектов. Исходя из исследованных документов, всесоюзная библиотечная реорганизация основывалась на ущербных основаниях. По факту для высшей власти, санкционировавшей данную политику, пожалуй, решающим доводом была возможность сэкономить на финансировании библиотечного дела. Однако парадокс заключался в том, что успешная перестройка такого масштаба, напротив, методологически требовала дополнительного многостороннего обеспечения, по крайней мере, в период выхода на «крейсерскую скорость».

В рассматриваемый период не были созданы объективные условия для осуществления централизации и организации единой

библиотечной системы. Не удалось решить проблему качественного, полного и оперативного комплектования фондов массовых библиотек. Наиболее интересные читателям книги и журналы поступали в фонды в весьма ограниченном количестве экземпляров. Нередко в библиотеках оказывалась литература, не находившая сбыта в книготорговле. Особенно сложной ситуация была на селе и в отдалённых регионах СССР и РСФСР. Понятно, что на базе относительно бедных и необеспеченных библиотечных фондов реализовать глобальные планы по серьёзному подъёму культуры, образования и просвещения советского народа оказалось затруднительно.

Другим важнейшим системным недостатком стала неготовность материально-технической базы библиотек к решению поставленных крупнейших задач. Не имелось и не было построено нужного количества специальных библиотечных зданий для централизованной сети. Отсутствовали новая техника, необходимая для прорыва в библиотечном обслуживании читателей, средства библиотечной механизации, «оперативные множительные устройства» и т.п.

Не была решена ключевая проблема коммуникации внутри единой библиотечной сети. Не удалось наладить эффективный книгообмен даже внутри городской библиотечной системы, не говоря о республиканском или общесоюзном уровне. Не получилось запустить эффективный МБА, читателям филиалов по разным причинам массово не оформляли и не доставляли интересующие их книги и периодику из центральной библиотеки. Межбиблиотечная пересылка литературы оказалась минимальной. Отсутствие требуемого транспортного парка при библиотеках усугубляло ситуацию.

Ряд советских министерств и ведомств, имевших свои библиотеки, не стремились наладить согласованную работу с массовыми библиотеками, так или иначе уходили от координации своей библиотечной деятельности, не были заинтересованы включиться в единую библиотечную систему. Это приводило «... к нерациональному использованию [государственных] средств, к параллелизму в работе» [9, с. 419–420].

Несмотря на серьёзные успехи в библиотечном образовании [7], всесоюзная библиотечная реорганизация не была обеспечена подготовленными кадрами. Человеческий фактор часто являлся решающим в России при крупных государственных преобразованиях, либо для их успеха, либо для неудачи. Относительно низкий уровень средней зарплаты в библиотечной сфере, непрестижность профессии в обществе повлияли на сложную кадровую ситуацию, особенно в провинции.

Между тем именно на крупный контингент квалифицированных и заинтересованных библиотечных кадров необходимо было опираться в рассматриваемое время. Таким образом, централизация библио-

течной системы объективно была обречена на неуспех, на не полное, а значит, формальное осуществление.

В то же время подчеркнём, что в СССР 1960–1970-х годах происходило наращивание библиотечных ресурсов, увеличение совокупных фондов, общего контингента читателей [1, с. 325–326], на государственном уровне велась активная пропаганда чтения и знаний. Наша страна прочно занимала первое место в мире по основным показателям библиотечной статистики, совершенно справедливо называясь самой читающей державой.

В отличие от постсоветской эпохи, государственная политика централизации сети массовых библиотек стремилась учесть интересы народа в сфере образования и культуры. Советская власть старалась в меру государственных обстоятельств и возможностей предпринимать шаги по развитию народного просвещения. Однако изъяны, ошибки, ложные действия и бездействия при подготовке и реализации библиотечной политики не позволили достичь поставленных созидательных и социально значимых целей.

Примечания

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР : [учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов]. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Книга, 1980. 352 с.
2. Архив РГБ. Оп. 263. Д. 444. Л. 38–47.
3. Библиотечное дело в Российской Федерации (ноябрь 1964 – апрель 1974): документы и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. Москва : Пашков дом, 2014. 445 с.
4. *Глазков М. Н.* Библиотечная сфера СССР в 1953–1964 годы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 180–189.
5. *Глазков М. Н.* История одной идеи. О значении исторических исследований: централизация библиотечного дела // Библиотечное дело. 2008. № 13. С. 24–28.
6. *Глазков М. Н.* Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 гг. : монография. Москва : МГУКИ, 2004. 236 с.
7. *Глазков М. Н.* Отечественная библиотечная наука и образование (1964–1982 годы) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2 (29). С. 70–81.
8. *Глазков М. Н.* Провал централизации библиотечного дела в России в 1922–1930 гг. // Библиотекословедение. 1994. № 6. С. 22–31.

9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е издание, доп. и испр. Москва : Политиздат, 1983-. Том 12: 1971–1975. 1986. 574 с.
10. Николаева Т., Стриганов В. В совместной работе – залог успеха // Библиотекарь. 1967. № 2. С. 1–3.
11. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). Москва : Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с., [1] л. портр.
12. Серов В. В. Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе: вопросы теории и практики. Москва : Книга, 1981. 272 с.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v SSSR [History of Librarianship in the USSR]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house “Book”, 1980. 352 p. (In Russian)
2. Archive of the Russian State Library. Inventory 263, document 444, list 38–47. (In Russian, unpublished)
3. Divnogortsev A. L., comp. *Bibliotchnoe delo v Rossiyskoy Federatsii (noyabr’ 1964 – aprel’ 1974): dokumenty i materialy [Librarianship in the Russian Federation (November 1964 – April 1974): documents and materials]*. Moscow, Russian State Library ‘Pashkov Dom’ Publishing, 2014. 445 p. (In Russian)
4. Glazkov M. N. Library area in USSR 1953–1964th. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 1 (87), pp. 180–189. (In Russian)
5. Glazkov M. N. Istoriya odnoy idei. O znachenii istoricheskikh issledovaniy: tsentralizatsiya bibliotchnogo dela [History of a single idea. On the significance of historical research: centralization of librarianship]. *Bibliotchnoye delo [Librarianship]*. 2008, no. 13, pp. 24–28. (In Russian)
6. Glazkov M. N. *Massovye biblioteki v kontekste kul’turno-istoricheskogo puti Rossii 1921–1941 gg. [Mass libraries in the context of the cultural and historical path of Russia 1921–1941st]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 236 p. (In Russian)
7. Glazkov M. N. Native library science and education in 1964–1982. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2018, no. 2 (29), pp. 70–81. (In Russian)
8. Glazkov M. N. Proval tsentralizatsii bibliotchnogo dela v Rossii v 1922–1930 gg. [The failure of centralization of library science in Russia in 1922–1930]. *Bibliotekovedenie [Library Science]*. 1994, no. 6, pp. 22–31. (In Russian)
9. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s’yezдов, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1986). Tom 12: 1971–1975 [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Volume 12: 1971–1975]*. 9th edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1986. 574 p. (In Russian)
10. Nikolaeva T., Striganov V. V sovместной rabote – zalог uspekha [In collaboration – the key to success]. *Bibliotekar’ [Librarian]*. 1967, no. 2, pp. 1–3. (In Russian)
11. Nikonov A. A. *Spiral’ mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.) [The spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (18–50th centuries)]*. Moscow, Publishing House “Encyclopedia of Russian villages”, 1995. 574 p. (In Russian)
12. Serov V. V. *Sovershenstvovanie sistemy bibliotek v razvitom sotsialisticheskoy obshchestve: voprosy teorii i praktiki [Improving the library system in a developed socialist society: questions of theory and practice]*. Moscow, Publishing house “Book”, 1981. 272 p. (In Russian)

*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИМИ БИБЛИОТЕКАМИ: АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

УДК 025.1 (075.8)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10415

О. Ю. Мурашко, И. Г. Фоменко

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Уникальное социокультурное развитие российских территорий актуализирует осознание места, роли и значения библиотечно-информационных сельских организаций, которые в соответствии с реалиями нашего времени трансформируются и всё чаще становятся ведущими культуросозидательными субъектами стратегического развития территорий, партнёрских отношений в местных сообществах.

Осуществление необходимой модернизации библиотечных организаций требует чёткого определения целей библиотеки и наиболее рациональных путей их достижения путём эффективного распределения и использования изменяющихся ресурсов.

Проблемная ситуация сегодняшнего дня заключается в том, что устойчивое поступательное развитие библиотеки требует организационной стабильности, интегративного сохранения вкупе с осуществлением её объективной изменчивости. Данный факт обуславливает необходимость теоретического осознания и практического внедрения стратегического управления библиотеками сельских поселений.

Авторами разработаны индикаторы, позволяющие подтвердить эффективность стратегического развития библиотеки муниципального образования. Следствием вышеизложенных предложений является представленное новое определение методологического подхода к реализации стратегического управления библиотекой – функционально-структурный адаптивный подход. Применение данного подхода, по мнению авторов, позволяет библиотеке сельского поселения эффективно функционировать в качестве социальной уникальной системы, способной к инновационному обновлению, выбору обоснованных приоритетов при рациональной концентрации ресурсов.

Ключевые слова: стратегическое управление, поселенческая библиотека, библиотечная политика, адаптация, эффективность, инновационное развитие, социокультурная сфера.

¹МУРАШКО ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры
MURASHKO OLGA YURIEVNA – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Library and Information Activity, Belgorod State Institute of Art and Culture

²ФОМЕНКО ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА – преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры

FOMENKO IRINA GRIGOREVNA – teacher of the Department of Library and Information Activity, Belgorod State Institute of Art and Culture

e-mail: olga-mur@inbox.ru¹, irina_lomatschen@mail.ru²

© Мурашко О. Ю., Фоменко И. Г., 2019

Olga Yu. Murashko, Irina G. Fomenko

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

STRATEGIC MANAGEMENT OF SETTLEMENT LIBRARIES: ASPECTS OF THE PROBLEM

The unique social and cultural development of Russian territories actualizes the awareness of the place, role and importance of library and informational rural organizations, which are transformed in accordance with the realities of our time and more and more often become the leading cultural and cultural actors of the territories and partnerships in local communities.

The implementation of the necessary modernization of library organizations requires a clear definition of library objectives and the definition of the most rational ways to achieve them through the effective distribution and use of changing resources.

The problem situation of today is that the sustainable progressive development of the library requires organizational stability of an integrative preservation, coupled with the implementation of its objective variability. This fact necessitates a theoretical understanding and practical implementation of the strategic management of rural settlement libraries.

The authors have developed indicators to confirm the effectiveness of the strategic development of the library of the municipality. A consequence of the above proposals is the presented new definition of a methodological approach to the implementation of strategic library management – a functional-structural adaptive approach. The application of this approach, according to the authors, allows the library of a rural settlement to function effectively as a social unique system capable of innovative renewal, the choice of reasonable priorities with a rational concentration of resources.

Keywords: strategic management, settlement library, library policy, adaptation, efficiency, innovative development, social and cultural sphere.

Для цитирования: Мурашко О. Ю., Фоменко И. Г. Стратегическое управление поселенческими библиотеками: аспекты проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 128–138. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10415

История развития стратегического управления условно подразделяется на два этапа: концептуальный (общий) и практический (специфически ориентированный). Относительно библиотечной отрасли первая научная публикация о применении стратегии в планировании для библиотек, обнародованная в 1984 году, принадлежит американскому библиотековеду Д. Риггсу. Исследователь констатировал факт того, что стратегическое планирование ориентируется на будущее развитие библиотеки и приобретает особую важность в условиях нестабильности внешней среды. Инициатором применения стратегического планирования в библиотечной сфере стала Библиотека Британского музея, опубликовавшая развёрнутый план своей деятельности в 1985 году.

Документ вызвал неподдельный интерес у специалистов библиотечного дела во многих странах, следствием чего стало поступательное внедрение стратегического планирования в ряде крупных библиотек мира. На 57-ой сессии ИФЛА (Москва, 1991) этому вопросу было посвящено специальное заседание, а в среднесрочной программе ИФЛА стратегическое планирование было включено в число важнейших проблем библиотечного дела [9, с. 11].

Одним из первых разработчиков концепции стратегического планирования в российском библиотековедении является выдающийся практик и теоретик отечественного и международного библиотечного дела Н. И. Тюлина. По её мнению, усиление значимости стратегического планиро-

вания в современных российских условиях связано, с одной стороны, с неуклонным усложнением информационных потребностей общества, непрерывным ростом цен на документы, необходимостью модернизации технологической базы, с другой стороны, со значительной ограниченностью ресурсной базы библиотек.

Осуществление необходимой модернизации библиотечных организаций требует чёткого определения целей библиотеки и определения наиболее рациональных путей их достижения путём эффективного распределения и использование изменяющихся ресурсов [4, с. 52].

Библиотеки, так же как и другие институты социума, осваивают процессы социальной модернизации, во многом опираясь на базовые принципы одного из классиков теории управления И. Ансоффа [1]. Согласно концепции стратегического управления, предложенной учёным, необходимость пересмотра ключевых позиций управления объектами основана на объективных потребностях общества, постоянно трансформирующихся и требующих адекватного отражения в теории и практике управления. Методология теории основана на анализе двух взаимодополняемых подсистем управления.

К первой подсистеме относится управление реальными и потенциальными возможностями, включающее анализ и выбор стратегической позиции, то есть «запланированная стратегия».

Вторая подсистема представляет собой оперативное управление проблемами в реальном масштабе времени, позволяющее организации реагировать на неожиданные изменения, то есть «реализуемая стратегия» [1].

В деятельности библиотек, выбирающих путь устойчивого поступательного

развития, чётко прослеживаются элементы стратегического планирования, соответствующие классическим трудам И. Ансоффа. Буквально «на наших глазах» библиотечные организации, выполняя возложенные социумом на них функции, переориентируют приоритеты управления. Пристальное внимание к внутрибиблиотечной системе управления существенно дополняется всесторонним изучением внешних систем (наиболее чувствительно отражающим специфику и характер изменений социума), благодаря чему возможно проведение корреляционных реформ в микросфере библиотеки.

На протяжении длительного времени необходимость стратегического управления осознавалась исключительно управленцами крупных библиотек, одним из представителей которых являлся Н. Карташов, в теоретическом наследии которого актуальным остаётся учение о региональном развитии библиотечной отрасли [5]. Динамика изменения внешнего пространства, его современные кризисы и вызовы (чаще всего агрессивные по отношению к традиционным формам управления) ведут к тому, что необходимость применения методов и инструментов стратегического управления начинают осознавать и осваивать всё большее число менеджеров среднего уровня, в который относительно библиотечных организаций мы включаем заведующих модельными библиотеками сельских поселений.

Согласно видению одного из основоположников маркетингового подхода в российском библиотековедении И. М. Сусловой, стратегическое планирование обеспечивает решение трёх комплексных управленческих стратегических задач. Во-первых, установление реальных возможностей библиотеки (определение сильных и слабых сторон, финансового состояния, уров-

ня профессионализма коллектива, наличие «портфеля» новых разработок). Во-вторых, осуществляется определение реальных целей, которое заключается в оценке внутренних и внешних факторов, влияющих на деятельность библиотеки, в-третьих, происходит выявление способов достижения цели, разработка основных задач, ресурсов, необходимых затрат, алгоритма действий сотрудников в заданном направлении для решения поставленных задач [9].

Обращение к наследию И. М. Суловой является подтверждающим аргументом в пользу применения стратегии управления поселенческими библиотеками, рассмотрения стратегического управления в качестве связующего звена между библиотекой и внешней средой, необходимого для обеспечения в данной социальной системе вариативности, гибкости, адаптации к тенденциям изменения социокультурной среды. Проблемная ситуация сегодняшнего дня заключается в том, что устойчивое поступательное развитие библиотеки требует организационной стабильности, интегративного сохранения вкупе с осуществлением её объективной изменчивости. Данный факт обуславливает необходимость теоретического осознания и практического внедрения стратегического управления библиотеками сельских поселений.

Уникальное социокультурное развитие российских территорий актуализирует осознание места, роли и значения библиотечно-информационных сельских организаций, которые в соответствии с реалиями нашего времени трансформируются и всё чаще становятся ведущими культуросозидательными субъектами стратегического развития территорий, партнёрских отношений в местных сообществах [5].

В пользу этого свидетельствует уже ставший историческим опыт, представлен-

ный в работе Г. А. Райковой «Сельские библиотеки». Автор не только объективно излагает основные негативные изменения, происходящие в библиотеках указанного уровня, но и представляет позитивный практический опыт проявления инициатив профессионального сообщества библиотекарей. Социальный статус сельской библиотеки-филиала может соответствовать статусу информационного, культурного и образовательного центра сельского поселения, равноправного партнёра органов государственного управления всех уровней, спонсоров, общественных организаций и производственных структур [8, с. 223–243].

Опыт реализации регионального проекта «Информационное поле орловского агрария», партнёрами которого были Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Россельхозакадемии, Орловская публичная областная научная библиотека имени И. А. Бунина, Управление культуры и искусства Орловской области, центральные районные и сельские библиотеки Орловской области, свидетельствует о возможностях тактического содержательного наполнения стратегии развития информационного пространства региона, в том числе и силами библиотек низового уровня [6, с. 54].

Объективные риски внешней среды (финансовые, социальные, информационные, демографические и другие) требуют обоснованного выбора стратегий развития библиотеки сельского поселения в рамках легитимного правового поля, адекватного выбора миссии библиотеки и адекватных социальных технологий для решения. Основываясь на чётко выверенном представлении о будущем, в рамках стратегического развития возможны построение оперативного плана; разработка возможности манёв-

ра, применение реактивного реагирования, принятия решения упреждающего характера, программирование партнёрства в качестве субъекта развития внешней среды [1].

Подробнее рассмотрим сравнительную характеристику оперативного и стратегического управления в таблице 1.

Таким образом, на первый план выходит определение ключевых опорных точек жизнеспособной стратегии, по которым сверяется оперативное (тактическое) управление. Представляется, что в качестве показателей эффективности стратегического развития поселенческой библиотеки могут выступать следующие индикаторы (см. таблицу 2).

Данные индикаторы могут служить для определения основных «точек роста» библиотеки, выбора вектора её направленности и определения тех функций деятельности, которые требуют корректировки. Например, средний образовательный уровень сотрудников библиотеки для качественного содержательного библиотечного обслуживания не может быть ниже среднего уровня образования обслуживаемого населения.

В теории стратегического управления исследователями выделяется целый ряд подходов, претендующих на его методологическую основу. Наиболее часто используемыми являются системный, целевой, ситуационный, технологический и дру-

Таблица 1

Сравнительная характеристика оперативного и стратегического управления библиотечной организацией

Характеристика оперативного управления библиотечной организацией	Характеристика стратегического управления библиотечной организацией
Ориентация во времени на краткосрочную и среднесрочную перспективу развития деятельности	Ориентация во времени на долгосрочную перспективу развития деятельности
Вектор направления планирования направлен из настоящего в будущее	Вектор направления планирования направлен из будущего в настоящее
Производственные технологические решения принимаются специалистами среднего звена (руководителями отделов)	Производственные технологические решения заложены в общем руководстве развитием библиотеки
Временные рамки планирования развитием: до года	Временные рамки планирования развитием: более года
Объектом управления являются внутренние технологические и организационные процессы	Объектом управления является деятельность библиотеки во внешнем пространстве
Объекты управления: данные библиотечной статистики	Объекты управления: проблемы, возможности
Основное назначение библиотеки: удовлетворение текущего спроса на библиотечно-информационные продукты и услуги	Основное назначение библиотеки: формирование спроса на библиотечно-информационные продукты и услуги

Результат нацелен на увеличение статистических показателей	Результат направлен на рост библиотечного потенциала, увеличение социальной эффективности
Риск не допускается	Риск допускается
Работник является элементом кадрового ресурса библиотеки, исполнитель работ	Сотрудник является основой библиотеки, носителем инновационных творческих идей
Способ достижения цели: эффективное использование внутренних ресурсов	Способ достижения цели: поиск новых возможностей, привлечение внешних ресурсов, адаптация к изменениям в социокультурном пространстве
Степень неопределённости решений: низкая	Степень неопределённости решений: высокая
Структура: статичная	Структура: динамичная
Тип планирования: бюджетирование	Тип планирования: программирование
Тип реакции: технологический	Тип реакции: инновационный
Факторы успеха: эффективное производство	Факторы успеха: предвидение, прогнозирование

Таблица 2

Индикаторы эффективности стратегического плана развития библиотеки

Индикаторы соотношения развития библиотеки с внешней средой поселения	Индикаторы, характеризующие внутреннее развитие библиотечной среды
Определение уровня социальной востребованности библиотеки (% охвата библиотечным обслуживанием населения)	Диверсификация ассортимента библиотечно-информационных продуктов и услуг (% внедрения инновационных услуг к традиционным)
Социокультурная характеристика населения округа, обслуживаемого библиотекой	Формирование постоянных целевых групп обслуживания в соответствии с пропорциями социальных групп населения
Общее число проживающих на территории поселения	Процент соотношения «разовых» потребителей библиотечно-информационных услуг к числу постоянных пользователей
Развитие финансового обеспечения (% внебюджетного финансирования к бюджетному)	Снижение себестоимости библиотечного обслуживания за счёт внебюджетного финансирования
Число волонтеров, участвующих в социальных проектах внешнего окружения	Число волонтеров, участвующих во внутрибиблиотечных проектах
Процентное соотношение населения с высшим образованием к общему числу населения	Процентное соотношение специалистов библиотеки с высшим образованием к общему числу сотрудников

гие. При безусловной необходимости сочетания данных подходов, позволяющих в полной мере реализовать возможности той или иной стратегии на определённом этапе развития библиотеки, необходимо определение наиболее актуального в современный период.

Прежде всего, необходимо учитывать функциональное содержание организационного процесса деятельности, разработку его структуры и действий, адекватных определённому функционалу. Формируемый с учётом вышеуказанных требований методологический подход мы будем определять как функционально-структурный подход к реализации стратегического управления библиотекой с целью её развития и формирования устойчивых связей между ней и другими субъектами социума.

В качестве примера приведём функционально-содержательный анализ основных направлений деятельности поселенческих библиотек Белгородской области [7, с. 21] (см. таблицу 3).

При анализе ключевых этапов определения и развития данного подхода услов-

но их можно определить в виде логической цепочки «миссия – цели – функциональные решения – ресурсы». Наиболее важным качеством данного подхода, на наш взгляд, является его адаптивность к конкретным условиям, в которых поселенческая библиотека не только реализует имеющиеся, как правило, ограниченные ресурсы, но и привлекает ресурсы внешних источников, например, при реализации информационной или краеведческой деятельности, что получило новый импульс в прошедший Год добровольца и волонтера. Сотрудники Малиновской поселенческой модельной библиотеки Белгородского района стали инициаторами реализации востребованных программ обучения представителей среднего и старшего поколения работе с компьютерной техникой «Компьютерная АЗБУКА», «Соло на клавиатуре». В библиотеке Стрелецкого сельского поселения Белгородского района Белгородской области в социальном проекте «БИБлиОДБРО», добровольцы принимают участие в надомном обслуживании лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Таблица 3

Функционально-содержательный анализ деятельности поселенческих библиотек Белгородской области

Функции библиотеки	Направления деятельности	Содержание деятельности библиотеки
Образовательная	<ul style="list-style-type: none">• содействие систематическому образованию и самообразованию всех членов местного сообщества;• осуществление методической помощи образовательным организациям поселения	<ul style="list-style-type: none">• информационная поддержка личности при самообразовании при обеспечении единства всеобщего (общекультурного) и особенного (профессионального) образования;• консультационная помощь специалистам сферы дошкольного и школьного образования на селе, родителям обучающихся

Информационная	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение равного доступа граждан ко всем видам информации; • предоставление надлежащего информационного обслуживания местным предприятиям, объединениям и целевым группам; • помощь в овладении информационной и компьютерной грамотностью; • использование информационных ресурсов библиотек-партнёров 	<ul style="list-style-type: none"> • предоставление точки доступа к интернет-ресурсам; Wi-Fi; • БД ИПС «Законодательство России», «Консультант Плюс»; • сотрудничество с БГУНБ; • сотрудничество с МБА ЭДД; • получение виртуальных справок из ресурсов «Корпорация российских библиотек», Librari.ru и др. • организация и ведение СПА библиотеки; • осуществление проектов и программ по освоению азов работы на компьютере для представителей старшего и среднего поколения; • обучение навыкам информационной культуры; • предоставление официальных документов муниципального образования (Устав, постановления, распоряжения и др.), областного и федерального уровней
Краеведческая	<ul style="list-style-type: none"> • комплектование и хранение документов краеведческой направленности; • ведение Летописи села; • поощрение и содействие сохранению традиций, культурной самобытности и поддержка традиции народного творчества края 	<ul style="list-style-type: none"> • ведение «Летописи села»; • организация краеведческих каталогов, картотек, • создание краеведческих библиографических пособий; • создание библиотечных этнографических уголков и мини-музеев; • организация встреч с ветеранами и старожилками села
Коммуникативная	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение доступа к документам и оперативного их получения всеми заинтересованными пользователями; • поддержание межличностного общения 	<ul style="list-style-type: none"> • организация и развитие СПА библиотеки в традиционном и электронном варианте; • организация внутреннего комфортного пространства библиотеки в качестве «третьего места» для жителей поселения

Мемориальная	<ul style="list-style-type: none">• сохранение совокупности собранных документов с целью их передачи последующим поколениям;• распространение документов во времени	<ul style="list-style-type: none">• формирование фонда редкой книги;• оцифровка наиболее ценных изданий;• организация сохранности документного фонда;• воспитание бережного отношения к книге у читателей библиотеки
Гедонистическая	<ul style="list-style-type: none">• приобщение людей к культурному наследию и развитие способности воспринимать искусство как часть жизни;• создание условий для знакомства и популяризация культурного отдыха;• обеспечение возможности для реализации творческого потенциала личности; • развитие воображения и творческого начала у детей	<ul style="list-style-type: none">• реализация совместных культурных творческих проектов с организациями сферы культуры (Домами культуры, музыкальными школами, мастерами народных ремесел);• организация выставочной деятельности, литературно-музыкальных мероприятий, встреч с деятелями искусств и культуры области и т.д.;• работа творческих объединений, клубов, творческих мастерских при библиотеке

Сотрудниками библиотеки п. Маслова Пристань Шебекинского района Белгородской области и жителями села создан мини-этнографический музей. Несвойственную ранее задачу персонификации выдающихся земляков выполняет по собственной инициативе всё большее количество библиотек, что, безусловно, сказывается на культурной, исторической идентификации, определении национального самосознания жителей. Расширение ассортимента библиотечно-информационных услуг и продуктов в сельской библиотеке становится возможным за счёт активного освоения потенциала виртуального информационного пространства, например, использования электронных коллекций документов ведущих биб-

лиотек Российской Федерации. Одним из примеров социокультурной деятельности библиотек региона, направленных на устранение информационного разрыва между городом и деревней, является успешно реализуемый на протяжении последних трёх лет проект Университет третьего возраста «55+» (МКУК «Чернянская центральная районная библиотека»). Целью проекта является обучение компьютерной грамотности, пользованию гаджетами, мобильными приложениями и т.д. населения района пенсионного возраста.

Отличительной особенностью деятельности библиотек сельских поселений в последние годы становится системность, целостность развития, постепенная замена

оперативного мышления на стратегическое, достижение синергетического эффекта и личностно ориентированный культурологический подход к развитию человеческого потенциала сельской местности.

Вышеизложенное характеризует новый тип управленческого поведения библиотек, осмысление положительных результатов развития, которые оправдывают стратегии целенаправленного стремления к позитивным изменениям.

В ходе реализации стратегического видения библиотечная организация представляется обновлённой, эффективно функционирующей системой, способной адаптироваться к предстоящим внешним неблагоприятным факторам. Исходя из того, что предпринимательское поведение – совокупность поступков по активному приспособ-

лению субъектов к трудно прогнозируемой или непредсказуемой ситуации, существуют основания утверждать, что мы наблюдаем в библиотеках реализацию новой функции, связанной с предпринимательским типом поведения в вопросах управления. Эволюционные исследования создают условия для формирования полезной методологии в дополнение к общепринятым методам исследования [11]. В результате стихийного воздействия рыночной среды часто хаотично создаются инновационные прорывы, которые нарушают стандартное равновесие традиционной библиотечной сферы, однако они не могут служить бесспорным подтверждением успешного «вхождения» библиотеки в субъекты рынка без адекватного изучения и интерпретации полученных результатов.

Примечания

1. Ансофф И. Стратегическое управление : пер. с англ. / науч. ред. Л. И. Евенко. Москва : Экономика, 1989. 519 с.
2. Библиотечная деятельность [Электронный ресурс] // Управление культуры Белгородской области : [веб-сайт]. URL: <http://belkult.ru/culture/concerthall/24>
3. Дивинский В. Б. Эволюция стратегического управления библиотечной деятельностью [Электронный ресурс] : Аналитический обзор. URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb99/10/f10_02.html
4. Ильева И. А., Маркова В. Н. Стратегическое управление библиотекой : учебно-методическое пособие. Москва : КНОРУС, 2008. 184 с.
5. Карташов Н. С. Региональное библиотековедение : научно-практическое пособие. Москва : Либерея, 2005. 224 с.
6. Мурашко О. Ю. Развитие социального партнерства библиотек в пространстве кластера: опыт библиотек Белгородской области // Библиосфера. 2016. № 3. С. 95–100.
7. Мурашко О. Ю., Александрова А. Б. Прогностическая деятельность современной поселенческой библиотеки : монография. Москва : Литера, 2016. 96 с.
8. Райкова Г. А. Сельские библиотеки: состояние и перспективы // Библиотечное дело. 2003. № 2. С. 223–243.
9. Сулова И. М. Стратегическое управление библиотекой. Москва : МЦБС, 2008. 96 с.
10. Thomas E. J. (1978) Generating Innovation in Social Work: The Paradigm of Developmental Research. *Journal of Social Service Research*. No. 2(1). P. 95. (In English)
11. Thomas E. J. (1980) Mousetraps, Developmental Research and Social Work Education. *Journal Social Service Review*. No 52(3). Pp. 468–483. (In English)

References

1. Ansoff I. *Strategicheskoe upravlenie [Strategic management]*. Moscow, Publishing house “Ekonomika”, 1989. 519 p. (In Russian)
2. *Bibliotecnaya deyatel'nost' – Upravlenie kul'tury Belgorodskoy oblasti [Library activities – Department of Culture of the Belgorod Region]*. Available at: <http://belkult.ru/culture/concerthall/24> (In Russian)

3. Divinsky V. B. *Evolyutsiya strategicheskogo upravleniya bibliotchnoy deyatelnost'yu* [The evolution of strategic library management]. *Analiticheskiy obzor*. Available at: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb99/10/f10_02.html (In Russian)
4. Ilyeva I. A., Markova V. N. *Strategicheskoe upravlenie bibliotekoy* [Strategic library management]. Moscow, Publishing house "KNORUS", 2008. 184 p. (In Russian)
5. Kartashov N. S. *Regional'noe bibliotekovedenie* [Regional Library Science]. Moscow, Liber publisher, 2005. 224 p. (In Russian)
6. Murashko O. Yu. The development of social partnership of libraries in the cluster space: the experience of the libraries of the Belgorod region. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. 2016, no. 3, pp. 95–100. (In Russian)
7. Murashko O. Yu., Aleksandrova A. B. Prognosticheskaya deyatelnost' sovremennoy poselencheskoy biblioteki [Prognostic activity of the modern settlement library]. Moscow, Publishing house "Litera", 2016. 96 p. (In Russian)
8. Raykova G. A. Sel'skie biblioteki: sostoyanie i perspektivy [Rural Libraries: State and Prospects]. *Bibliotchnoye delo* [Library Business]. 2003, no. 2, pp. 223–243. (In Russian)
9. Suslova I. M. Strategicheskoe upravlenie bibliotekoy [Strategic library management]. Moscow, MTSBS Publ., 2008. 96 p. (In Russian)
10. Thomas E. J. (1978) Generating Innovation in Social Work: The Paradigm of Developmental Research. *Journal of Social Service Research*. No. 2(1). P. 95. (In English)
11. Thomas E. J. (1980) Mousetraps, Developmental Research and Social Work Education. *Journal Social Service Review*. No 52(3). Pp. 468–483. (In English)

*